

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/99

ISSN 0131—2812

2-ое заседание Российско-
Китайского Комитета мира,
дружбы и развития

●

Глобализация мировой экономики
и азиатский регионализм

●

Проблемы российско-корейского
сотрудничества

●

Восточноазиатский кризис
и китайская экономическая наука

●

Советская Россия и Сунь Ятсен
(1918-1923)

3/5

1 5 0 0 0 0 0

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/99

СИНХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АН СССР

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

Документы 2-го заседания Российско-Китайского Комитета мира, дружбы и развития.....	5
В.Мясников, В.Петровский. Комитет XXI века: удачный старт.....	16
А.Селиванов. Мы принимаем эстафету российско-китайской дружбы.....	20
В.Михеев. Глобализация мировой экономики и азиатский регионализм: вызовы для России?.....	22
В.Ткаченко. Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове.....	33
Ю.Ванин. Изменения конституционного строя КНДР.....	43

ЭКОНОМИКА

О.Борох. Восточноазиатский кризис и его влияние на развитие китайской экономической науки.....	54
Э.Пивоварова. К вопросу о роли экономической науки в хозяйственной реформе в КНР.....	63
П.Остров. Рынок компьютеров в КНР: современное состояние, тенденции, перспективы.....	77
В.Хлынов. Система социальной защищенности в Японии.....	88

ИСТОРИЯ

- А.Москалев. Национализм в понимании Сунь Ятсена.....98
М.Крюков. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и
Сунь Ятсен (1918-1923)108

РУССКИЕ В КИТАЕ

- А.Хисамутдинов. Тяньцзиньская ветвь эмиграции118

РЕЛИГИЯ

- А.Ланьков. Христианство в Корее123

КУЛЬТУРА

- А.Желоховцев. Новые разыскания о Ло Гуаньчжуне.....133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- На Ученом совете ИДВ РАН.....141
Б.Михеев. 2-я конференция "Мельбурнской группы".....143

РЕЦЕНЗИИ

- Л.Делюсин. Дитер Хайнциг. Советский Союз и Китай 1945-1950.
Трудный путь к союзу.....146
А.Сенаторов. Ногуту Юкио. Система 1940 года. Прощай, "эконо-
мика военного времени".....149
Л.Маркизов. Е.П.Таскина. Русский Харбин.....153
Е.Бирюлин. Хань Дэпэй. Учебник природоохранительного зако-
нодательства.....155
Г.Сухарчук. В.Н.Усов. КНР: от "большого скачка" к "культур-
ной революции".....158

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников
(зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора),
А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников,
В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.С. Мясников,
В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков,
И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов
(ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН, 1999 г.

Статьи этого номера

В.Михеев. Глобализация мировой экономики и азиатский регионализм: вызовы для России?

В статье анализируется процесс глобализации и регионализации экономики, подчеркивается необходимость адаптации России к этому процессу, чем, по мнению автора, обусловлено решение ее проблем. Приводятся аргументы в пользу учета всех факторов, сопряженных с глобализацией и регионализацией экономики, в экономической политике России.

В.Ткаченко. Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове

В статье показано место Кореи в системе безопасности в СВА. Анализируются плюсы и минусы политики России в отношении двух корейских государств.

Ю.Вапин. Изменения конституционного строя КНДР

Автор показывает, какие изменения внесены в новую редакцию Конституции КНДР в сентябре 1998 г. Сделана попытка определить тенденцию изменений конституционного строя этой страны.

О.Борох. Восточноазиатский кризис и его влияние на развитие китайской экономической науки

В статье дан тщательный анализ осмысления финансового кризиса в Восточной Азии китайскими учеными, дискуссии с западными экономистами по этой проблеме.

Э.Пивоварова. К вопросу о роли экономической науки в хозяйственной реформе в КНР

Автор излагает общую концепцию строительства "социализма с китайской спецификой", теоретические основы этой концепции в области экономических реформ.

П.Остров. Рынок компьютеров в КНР: современное состояние, тенденции, перспективы

Автор оценивает китайский рынок компьютеров как обладающий большим потенциалом, хотя еще и не очень зрелый.

В.Хлынов. Система социальной защищенности в Японии

В статье рассмотрены четыре основных аспекта этой актуальной проблемы: 1. гарантия доходов из общественных фондов лицам, оказавшимся в экстраординарных обстоятельствах; 2. страхование здоровья; 3. обеспечение благосостояния лиц преклонного возраста, инвалидов и малолетних детей,

нуждающихся в повседневном уходе; 4. общественная помощь лицам, уровень жизни которых ниже установленного стандарта.

А.Москалев. Национализм в понимании Сунь Ятсена

Статья посвящена характеристике основных этапов эволюции суньятсеновского национализма. Анализируются его особенности, позитивные и негативные стороны, противоречия. Рассматриваются взгляды Сунь Ятсена на национализм как всемирное явление.

М.Крюков. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923)

Автор статьи считает, что союз Советской России и Сунь Ятсена не был закономерным следствием общности их идеологических устремлений. Напротив, этот альянс стал реальностью в силу стечения случайных обстоятельств. И путь ему был долог и не прям.

А.Хисамутдинов. Тяньцзинская ветвь эмиграции

О нелегкой судьбе россиян в Тяньцзине в годы революции в Китае и в России рассказывает автор. Среди зарубежных предпринимателей в Тяньцзине было достаточно много русских, имевших крупные предприятия и внесших свой вклад в промышленное развитие Китая.

А.Ланьков. Христианство в Корее

В статье освещаются история проповеди христианства в Корее и современное состояние южнокорейских христианских конфессий.

А.Желоховцев. Новые разыскания о Ло Гуаньчжуне

В статье излагаются новые разыскания, связанные с биографией китайского писателя Ло Гуаньчжуна, автора известных романов "Троецарствие" и "Речные заводи".

Политика

В этом номере мы впервые публикуем материалы состоявшегося в январе 1999 г. второго пленарного заседания Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития. Надеемся, что это привлечет должное внимание российской общественности к необходимости дальнейшего развития дружественных отношений с нашим великим соседом.*

ПРИВЕТСТВИЕ

Президента Российской Федерации участникам второго пленарного заседания Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития

Искренне приветствую членов Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, собравшихся в Москве на свое второе совместное заседание!

Ваш Комитет играет заметную роль в углублении и развитии всесторонних добрососедских отношений между Россией и Китаем. Его деятельность с каждым днем находит все более широкое признание у общественности наших стран.

Сегодня вам предстоит обсудить пути активизации торгово-экономических и культурных связей между российскими и китайскими регионами. Положительные сдвиги на этом направлении позволят вовлечь широкие слои граждан обоих государств в процесс взаимовыгодного сотрудничества. Они обеспечат развитие приграничных районов наших стран, придадут новый импульс равноправному и доверительному партнерству России и Китая.

Желаю вам плодотворной работы на благо наших народов, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

Б. Н. Ельцин

"25" января 1999 г.

* Редакция благодарит за предоставленные материалы ответственных сотрудников секретариата Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития И.В. Григорова и А.Н. Гиренко.

ПРИВЕТСТВИЕ

Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя второму пленарному заседанию Китайско-Российского Комитета дружбы, мира и развития

Уважаемые члены Китайско-Российского Комитета дружбы, мира и развития,

Имею честь горячо приветствовать открытие второго пленарного заседания Комитета!

Со времени первого заседания Комитета было проведено немало полезных мероприятий, особо хотел бы отметить организацию взаимных поездок молодежных делегаций наших стран, а также визита в КНР делегации российских журналистов. Как гласит пословица, "хорошее начало – уже половина успеха", и я, как человек, который стоял у истоков Комитета, испытываю по этому поводу огромное удовлетворение.

Путем совместных усилий за несколько лет дружеское сотрудничество между двумя великими соседями – Китаем и Россией получило значительное развитие. Я твердо убежден, что продвижение в новое тысячелетие здоровых и стабильных китайско-российских отношений отвечает совместным чаяниям народов наших стран и полностью соответствует веянию времени в духе мира и развития во всем мире.

Древнекитайский философ Конфуций в свое время сказал, что нет ничего лучше отношений дружбы и согласия между соседями. Российско-Китайский Комитет дружбы, мира и развития создан всего лишь год назад, вам предстоит сделать еще очень много, ответственность велика и путь не легок. Я горячо поддерживаю Комитет и искренне надеюсь, что вы постоянно будете вносить новый вклад в дело укрепления взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между народами обеих стран.

Желаю заседанию полного успеха в работе!

Желаю всем членам Комитета здоровья и удачи во всех начинаниях!

*Председатель
Китайской Народной Республики*

Цзян Цзэминь

"25" января 1999 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Председателя Правительства Российской Федерации Е. М. Примакова

Уважаемые председатели китайской и российской частей Российско-Китайского Комитета Хуан Ичэн и А. И. Вольский,

Уважаемые участники заседания,

Дорогие друзья,

Нам всем памятен тот ноябрьский день 1997 года в Пекине, когда руководители России и Китая лично приняли участие в торжественном открытии учредительного заседания Российско-Китайского Комитета и дали, как говорится, путевку в жизнь этой по-настоящему новаторской организации.

Перед Комитетом стоят ответственные и благородные цели. Он призван активно содействовать всестороннему развитию российско-китайских отношений, воспитывать нынешнее и грядущие поколения в духе добрососедства и дружбы, способствовать формированию совершенно новой модели наших отношений равноправного доверительного партнерства, ориентированного на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Некоторые могут спросить, а нужна ли общественная организация для решения всех этих задач, когда между двумя странами существуют столь разветвленные деловые, плодотворные отношения по официальной линии. Представляется, что ответ однозначен: нужна. Во-первых, ваш Комитет объединил авторитетных и известных в своих странах людей, от которых во многом зависит формирование общественного мнения. Во-вторых, вы представляете различные круги – политические, научные, культурные, деловые, центральные ведомства и регионы. И от вас во многом на практике зависит, как успешно будут претворены в жизнь те решения, которые выработаны на официальном уровне.

К тому же среди вас – крупные специалисты, известные страноведы, прекрасно знающие и Китай, и Россию. От кого еще мы можем ждать квалифицированного и мудрого совета по действительно крупным проблемам двусторонних отношений?

Вне зависимости от сферы конкретных занятий, о каждом из вас можно с полным основанием сказать, что он – “государственный деятель”, работающий для ДЕЛА, стоящий выше пустой парадности, помпезности и формализма.

И именно поэтому народы наших стран вправе ждать от вас неординарных новаторских предложений и реальных действий по расширению и углублению дружеских связей и взаимовыгодного сотрудничества на благо развития и процветания наших стран.

Прежде всего, мы рассчитываем на заинтересованный разговор о преодолении отставания наших торгово-экономических связей от достигнутого высокого уровня политических отношений. У нас в стране это воспринимается как аномалия, которая дает повод по-настоящему тревожиться. Конечно, в виде причин этого могут быть названы и кризисное состояние российской экономики, и ошибки партнеров с нашей стороны. Готов это признать первым.

Вместе с тем мы, я думаю, вправе рассчитывать на такую же открытость и заинтересованность со стороны наших китайских друзей. Ведь нередки случаи, когда и российские предприятия и организации сталкиваются в Китае с трудностями, например, необъективностью, как нам кажется, при проведении некоторых тендеров. Между тем Россия готова передавать Китаю самые передовые технологии, ориентируясь на сложившийся на мировом рынке уровень цен.

Перспективы развития торгово-экономических связей с Китаем мы связываем сегодня, в первую очередь, с реализацией ряда крупных проектов. Это газопроводы, нефтепроводы и ЛЭП, которые будут подпитывать растущую китайскую экономику энергией и энергоносителями.

Заверю, что все ваши предложения и рекомендации будут внимательно рассмотрены соответствующими государственными ведомствами и Правительством.

Очень продуктивными могут оказаться тесное взаимодействие и координация вашего Комитета с активно работающими в наших странах Обществом китайско-российской дружбы, которое в нынешнем году отмечает свое 50-летие, и Обществом российско-китайской дружбы, недавно отметившим свое 10-летие. Я говорю об этом неспроста. Имевшее место в прошлом почти тридцатилетнее охлаждение отношений между нашими странами, к сожалению, сделало свое дело. В отличие от нашего поколения, молодежь имеет, прямо скажем, скудное представление о своих великих соседях. Лишь активная просветительская работа, особенно на молодежном направлении, сможет обеспечить преимущество наших партнерских отношений в новом веке.

В результате больших усилий с обеих сторон к концу XX века российско-китайские отношения находятся в хорошем состоянии. За прошедшие годы устранен ряд имевшихся препятствий, расшиты "узкие места". Урегулирована проблема границы. Создана уникальная модель пограничной безопасности, включающая ограничение и сокращение вооруженных сил и вооружений, меры доверия и транспарентности.

С установлением между Россией и Китаем в 1996 году равноправного доверительного партнерства, усиливается взаимодействие наших стран на международной арене. Это позитивное взаимодействие, служащее стабильности и миру. И Москва, и Пекин выступают против гегемонизма, диктата и права силы, полагают естественным, что на смену биполярной конфронтации идет многополярное мироустройство. Мир слишком многообразен и разнолик, чтобы пытаться втиснуть его в иерархическую структуру под управлением некоей "высшей инстанции".

И здесь мы можем найти поле деятельности вашего Комитета, его заинтересованное участие в международных форумах, призванных вырабатывать рекомендации, направленные на то, чтобы XXI век стал веком благополучия и процветания всех народов — больших и малых.

Одним словом, ваш Комитет, как представляется, может и должен стать творческой и действенной организацией, нацеленной на достижение конкретных результатов, важным инструментом укрепления взаимопонимания и сотрудничества между нашими народами в будущем веке.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Председателя российской части Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития XXI века А. И. Вольского

Уважаемый товарищ Хуан Ичэн!

Уважаемый Председатель Правительства Российской Федерации Евгений Максимович Примаков!

Уважаемые коллеги, товарищи, друзья!

Мне доставляет большое удовлетворение сердечно приветствовать всех членов делегации, наших китайских друзей, прибывших на второе пленарное заседание Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития XXI века. Я также приветствую членов российской части Комитета, прибывших на встречу.

Глубоко символичен, на мой взгляд, тот факт, что мы собрались в самом начале года, который, я убежден, во многом будет проходить под знаком 50-летия Китайской Народной Республики и 50-летия установления дипломатических отношений между нашими странами. Сегодня без преувеличения можно заявить, что образование 1 октября 1949 года КНР *явилось событием всемирно-исторического значения*. Вызывает правомерную гордость тот факт, что наша страна, буквально, уже на второй день официально признала новое государство.

Мы высоко ценим успехи, достигнутые КНР в последние 20 лет в ходе экономических реформ. Китай как великая держава играет исключительно важную роль в укреплении дела мира, международной безопасности, в строительстве многополярного мира и создании справедливого демократического миропорядка. В этом плане российско-китайское стратегическое взаимодействие, обращенное в XXI век, имеет непреходящее значение.

Хотел бы проинформировать участников заседания о тех мероприятиях, которые планируется провести в связи с 50-летием КНР в России. Намечается следующее:

- В конце сентября Комитет совместно с Обществом российско-китайской дружбы, Министерством культуры, Министерством иностранных дел, Мэрией Москвы проведет торжественное заседание, посвященное 50-летию КНР.
- Общество российско-китайской дружбы совместно с Комитетом и "Росзарубежцентром" намерено организовать торжественный вечер по теме: "Друзья вспоминают". На этом торжестве с воспоминаниями о Китае выступят российские участники антияпонской войны и осво-

бождения Маньчжурии, бывшие советские специалисты, работавшие в Китае, а также студенты и стажеры, которые обучались в КНР.

- Институт Дальнего Востока Российской Академии Наук совместно с Обществом российско-китайской дружбы и Российской Ассоциацией китаеведов проведут трехдневную международную конференцию "Китай на пути модернизации".
- Институт Дальнего Востока готовит к изданию сборник статей видных российских и китайских специалистов, посвященный опыту модернизации Китая, создания социально ориентированной рыночной экономики.
- В Институте Дальнего Востока РАН завершается также составление энциклопедического словаря "Духовная цивилизация Китая".

К сказанному хотел бы добавить, что в целях объективного информирования российской общественности о жизни Китая Общество российско-китайской дружбы при поддержке "Росзарубежцентра" начало издавать газету "Россия-Китай".

Убежден, что все эти шаги будут способствовать укреплению дружбы российского и китайского народов, развитию экономического сотрудничества.

Помнится, немногим более года тому назад свое выступление на первом учредительном заседании нашего Комитета в Пекине я закончил такой мудрейшей китайской поговоркой: *"Совместными слаженными действиями и гору Тайшань можно сдвинуть"*.

Понятно, что в буквальном смысле слова задачи подобного рода Комитету не под силу, но многое за прошедший очень короткий период становления уже удалось сделать. У меня сегодня есть все основания твердо заявить, что в нашей стране Комитет нашел признание широкой общественности и делового сообщества.

Этому, несомненно, способствовала активная деятельность членов как Китайской, так и Российской частей, обмен визитами делегаций и проведенные в ходе их семинары, посещение большой группой российских журналистов КНР и последовавшая затем серия публикаций и телевизионных репортажей в России, которые наконец-то объективно раскрыли конкретные результаты китайских реформ и возможности развития экономических отношений наших стран, восстановления взаимовыгодных утерянных связей.

Улучшению координации практических действий в этих направлениях будет способствовать учреждение при Российской части Комитета Открытого Акционерного Общества "Российско-Китайский центр торгово-экономического сотрудничества". Разработка целевых программ и инвестиционных проектов, поиск потенциальных партнеров, методологическая помощь в организации сотрудничества – вот лишь несколько основных направлений деятельности Центра. Надеюсь, что он станет хорошим помощником для всех предпринимателей, развивающих бизнес на российско-китайском экономическом пространстве.

Имеется и много других интересных и конкретных предложений по различным аспектам сотрудничества.

Как известно, главами наших государств в 1996 году была поставлена задача достичь в начале XXI века уровня двустороннего товарооборота в 20 млрд. долл. Однако, объем российско-китайской торговли в 1998 году составил пока лишь около 6 млрд. долл. и снизился против 1997 г. на 10%. И это нас тревожит.

Вместе с тем, об огромных неиспользованных возможностях свидетельствует то, что Россия по объему товарооборота является лишь десятым торго-

вым партнером Китая, а КНР занимает седьмое место во внешнеторговом обороте нашей страны. В Китае действуют менее тысячи совместных предприятий с участием китайского капитала. Немногим больше совместных предприятий с участием российского капитала есть и в России. Тем временем в Китае сегодня, по имеющимся у меня сведениям, функционирует около 150 тысяч совместных предприятий с другими зарубежными странами.

Согласитесь, что *время властно ставит перед нами задачу быстрого перехода от контактов и благожеланий к осуществлению деловых контрактов*. Во всяком случае, от имени российской стороны я так бы предложил *определить главное направление практических действий Комитета в сфере экономики, наряду, конечно же, с развитием связей в культурной и гуманитарной сферах*.

Внося на ваше, уважаемые коллеги, рассмотрение такое предложение, я опираюсь на прогнозы российских ученых о том, что *к 2015 году до 60% мирового валового внутреннего продукта будет производиться в Азиатско-Тихоокеанском регионе*. Замечу, что и наши минеральные ресурсы в основном сосредоточены на востоке от Урала. "Тихий океан, – подчеркивал российский мыслитель Александр Герцен, – это будущее Средиземное море человечества".

Теперь хотел бы высказать по этому поводу несколько практических соображений.

ПЕРВОЕ – о направленности проектов сотрудничества. Коснусь только лишь промышленности. Должен сказать, что в период подготовки к настоящему заседанию в мой адрес как председателя Российской части Комитета, в буквальном смысле этого слова, хлынул поток конкретных предложений. Назову лишь *два наиболее характерных примера*.

1. Губернатор провинции Ляонин товарищ Чжан Гогуан направил Генконсульству России в Шэньяне 30 проектов сотрудничества.

2. Губернатор Приморского края России Евгений Наздратенко предложил 8 направлений сотрудничества в сфере промышленности, транспорта и связи.

Есть очень много и других предложений из ряда регионов.

В пределах регламента я лишен возможности перечислить все, что предложено руководителями крупнейших регионов Китая и России. Несомненно, что долгосрочный и взаимовыгодный экономический эффект даст осуществление таких крупнейших проектов, как: поставки в Китай электроэнергии из Иркутской области, газа – с Ковыктинского газоконденсатного месторождения и из Западной Сибири, нефти и нефтепродуктов – из Восточной Сибири и других. Отрадно, что в Китае в последнее время проявляется повышенный интерес к российским инвестиционным проектам, в частности, в электронную, химическую, авиационную и другие отрасли, к созданию зон двустороннего технико-экономического развития.

Большое, на наш взгляд, значение в расширении российско-китайских экономических связей имеет межрегиональное сотрудничество, включая приграничное, а также партнерство на уровне отдельных предприятий. Более 20% общего товарооборота между Россией и Китаем составляет межрегиональная и приграничная торговля. Уже сегодня более 60 регионов и городов с каждой стороны участвуют в российско-китайском межрегиональном сотрудничестве. *Именно здесь таятся дополнительные резервы!* И их надо, непременно, использовать наилучшим образом.

ВТОРОЕ СООБРАЖЕНИЕ затрагивает проблемы институционального характера. Как мне представляется, назрела необходимость в целях

придания деятельности Комитета более конкретного, целенаправленного характера по важнейшим направлениям создать ряд комиссий. Скажем, таких как:

- Комиссия по изучению долгосрочных проектов экономического сотрудничества;
- Комиссия историков и работников образования;
- Комиссия по сотрудничеству средств массовой информации.

Работа каждой из комиссий должна проходить под руководством и на базе одного из ведущих учреждений государственных или научных структур наших государств.

Заслуживают внимания, на мой взгляд, и предложения о создании **российско-китайского бизнес-клуба**. Думаю, что при патронаже нашего Комитета и достаточно высоком пороге вхождения в этот клуб, он смог бы стать неплохим катализатором делового сотрудничества.

Вношу эти предложения на ваше рассмотрение, уважаемые коллеги.

Таким образом, перспективы расширения российско-китайского сотрудничества поистине безграничны. Тем более что к нашему удовлетворению и направленность проводимых в наших странах экономических реформ все больше и больше сближается. Так, в России с приходом нового Правительства во главе с Е. М. Примаковым реформы активизируются по новой модели национального промышленного развития с упором на реальный сектор экономики. Задействован механизм государственного регулирования неадминистративными мерами, инструменты стимулирования отраслей и производств, такие как: налоговые льготы, прямые субсидии, госзаказы, ускоренная амортизация, экспортные кредиты и т.д.

Применялись они во многих странах, в том числе и у нас, но результаты отличались от китайских в худшую сторону. Секрет здесь прост: сочетание поощрения с жестким контролем производителей, виртуозная государственная защита предприятия от иностранной конкуренции со скрупулезным отслеживанием графика выполнения каждым предприятием обязательств по обновлению продукции и повышению эффективности производства.

Иначе говоря, срабатывает еще одна китайская мудрость: **“Сколько прольешь пота – столько съешь каши”**.

И еще об одном. В конце нашего заседания нам предстоит принять план работы Комитета на 1999 год. Его проект будет роздан все присутствующим. Я хотел бы только подчеркнуть, что предлагаемый документ – это по сути лишь перечень основных мероприятий, которые российская и китайские стороны совместно будут осуществлять в этом году. По моему глубокому убеждению, жизнь внесет дополнения с тем, чтобы активизировать огромный общественный потенциал, привести в действие воистину неисчерпаемые резервы взаимного сотрудничества во всех сферах – гуманитарной, торгово-экономической, научно-технической – и на всех направлениях – на государственном уровне, региональном, между отдельными коллективами, научными учреждениями, субъектами экономической деятельности.

Спасибо за внимание.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Председателя Хуан Ичэна на втором пленарном заседании Китайско-Российского Комитета дружбы, мира и развития

Уважаемый Председатель Вольский,
Уважаемые члены Комитета,
Дамы, господа и друзья!

Прежде всего разрешите мне поздравить вас с открытием в Москве второго пленарного заседания Комитета.

Наш Комитет постоянно окружен пристальной заботой со стороны высших государственных руководителей и активной поддержкой различных кругов общественности двух стран на протяжении всего своего существования – со дня образования вплоть до практического развертывания различных мероприятий. Следует особенно отметить, что главы двух государств лично присутствовали на нашем первом пленарном заседании.

Недавно во время визита председателя Цзян Цзэминя в Россию лидеры двух стран в разработанном плане развития китайско-российских отношений на пороге нового века заявили о том, что обе страны, приверженные принципам равенства, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества, будут совместными усилиями отвечать на всевозможные вызовы существования и развитию человечества и совместно бороться за дело содействия миру, спокойствию и процветанию всего земного шара.

Главы двух государств четко потребовали, чтобы наш Комитет играл все возрастающую роль в деле расширения контактов и обменов между народами двух стран, углубления взаимного ознакомления с историей, культурой, традициями, обычаями и реалиями друг друга, оказания поддержки и поощрения деятельности их общественных организаций и средств массовой информации, направленной на создание в обеих странах правдивого и доброжелательного образа друг друга.

Столь большое значение, которое придают лидеры двух стран нашему Комитету, побуждает нас осознать, какая огромная ответственность на нас возложена. Сегодня Председатель Правительства Евгений Примаков в вихре неотложных дел нашел время, чтобы лично присутствовать на заседании Комитета, зачитать приветствие Президента Б. Н. Ельцина и выступить перед нами с важной речью. В связи с этим я хотел бы выразить нашу искреннюю признательность.

Поддержка со стороны руководителей двух стран служит важным гарантом как налаживания Комитетом работы, так и большой воодушевляющей и движущей силой для всех нас. Уверен, что мы оправдаем их доверие. Вместе с тем это для нас также важное поручение со стороны народов наших двух стран. Мы должны усердно и по-деловому работать и вносить все боль-

ший вклад в дело неуклонного продвижения отношений дружбы и сотрудничества между Китаем и Россией.

1998 год – первый год практической деятельности Комитета. Благодаря всемерной поддержке и содействию правительств и различных кругов общественности двух стран, путем искреннего и дружественного сотрудничества и неустанных усилий обеих сторон, рабочий план Комитета на 1998 год в основном реализован. Мы успешно осуществили обмен визитами делегаций молодежи двух стран и визит делегации представителей СМИ России в Китай. Они передали чувство дружбы народов двух стран друг к другу и углубили взаимопонимание; возвратились домой с глубокими впечатлениями от визита и поделились ими со своими друзьями, тем самым приложили свои усилия в дело укрепления китайско-российских отношений партнерства, стратегического взаимодействия, обращенного в XXI век, во имя углубления традиционной дружбы между народами двух стран.

В новом году мы должны и дальше сохранить эту благоприятную тенденцию, приложить больше усилий с тем, чтобы сделать деятельность Комитета еще более разнообразной, чтобы влияние и популярность нашего Комитета с каждым днем расширялись.

Китайско-российские отношения переживали различные времена в своем развитии: сначала годы дружбы, затем последовали неприятные года. Тем не менее, традиционная дружба между народами двух стран никогда не была прервана. В силу объективных причин у наших стран и народов пока еще недостает всестороннего взаимопонимания. Полагаю, что нам следует расширять контакты, активно поддерживать и учащать обмены между регионами, предприятиями и ведомствами.

Мы никогда не забудем, что в первые годы образования нового Китая Советский Союз и его народы подали нам руку помощи: большое количество советских специалистов было направлено в Китай для оказания технического содействия и большое число китайского инженерно-технического персонала и рабочих, в свою очередь, было направлено в Советский Союз на учебу и стажировку. При помощи советских друзей мы построили ряд крупных предприятий и заложили, таким образом, первоначальную основу индустрии нового Китая. Собственно, я в начале 50-х годов тоже обучался в Советском Союзе. На Харбинском заводе по производству паровых турбин, где я работал, было также много советских специалистов.

Прошло с тех пор несколько десятков лет. За это время пережили огромные перемены как обе страны, так и эти предприятия. Уверен, что предприятия обеих стран имеют желание ознакомиться с настоящим положением друг друга в целях содействия взаимному сотрудничеству. В этом отношении наш Комитет должен поддерживать и помогать им восстанавливать их связи и обмены, что было бы выгодно обоим сторонам.

Кроме того, много советских и российских вузов являлись питомниками для китайских кадров, которые по завершении обучения вернулись на Родину и в течение длительного периода вносят огромный вклад в дело социально-экономического строительства Китая. Все они до сих пор с большим интересом следят за развитием России. В этом отношении Комитет может сыграть свою роль, поддержать и восстановить их связи со своими родными вузами и через них распространять семена дружбы среди молодых студентов двух стран.

Политика, культура, искусство, наука и техника России оказали влияние на несколько поколений Китая. Мало найдется среди деятелей культуры, искусства, науки и техники Китая тех, кто бы не читал советских и россий-

ских романов. Так что стороны имеют довольно благоприятные условия для укрепления культурных контактов.

В ходе нынешнего заседания мы выработали рабочий план Комитета на 1999 год на основе обобщения прошлогоднего опыта. Давайте соберем все ценные предложения с тем, чтобы наш план был и содержательным и легко реализуемым.

Нынешний год – год 50-летия со дня образования Китайской Народной Республики, а также 50-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом и учреждения Общества китайско-советской дружбы (предшественник нынешнего Общества китайско-русской дружбы). Комитет должен в полной мере использовать возможности в связи с этими знаменательными датами. Уверен, что при совместных усилиях сторон поле деятельности Комитета станет еще более обширным.

Уважаемые члены Комитета! Как китайский народ, так и российский народ – великие народы, трудолюбивые и талантливые, которые полны творческих сил. Оба они внесли огромный вклад в дело развития человеческой цивилизации. Мы можем и должны навечно быть добрыми соседями, надежными партнерами и верными друзьями. На основе обобщения исторического опыта, исходя из коренных интересов народов двух стран и объективных реалий нынешнего мира, обратив взор в будущее, руководители наших двух стран решили установить отношения равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, обращенных в XXI век. Это представляет собой дальновидный и правильный выбор.

Китай и Россия, будучи двумя великими соседними странами, должны жить в дружбе и согласии, понимать и уважать друг друга, взаимно поддерживать стабильность и развитие друг друга, с пониманием относиться к особенностям и озабоченностям партнера. Глубоко убежден в том, что если мы будем твердо стоять на позициях упрочения традиционной дружбы между нашими народами и во всем исходить из общих интересов двух стран, то сторонников и участников в деятельности Комитета непременно будет все больше и больше, а работа Комитета непременно будет становиться все лучше и лучше.

В заключение от всей души желаю России процветания и могущества! Желаю всем присутствующим здесь друзьям крепкого здоровья и счастья в личной жизни!

Спасибо за внимание!

Комитет XXI века: удачный старт

О начальном этапе деятельности Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития

© 1999

В. Мясников, В. Петровский

Международные отношения все более становятся делом не только дипломатов и правительств, но и людей, народов, общественных организаций. Наглядное подтверждение тому – работа недавно созданного Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, который успел зарекомендовать себя влиятельным форумом диалога российской и китайской общественности, важным инструментом развития двусторонних отношений на рубеже веков. Неслучайно его называют также Комитетом XXI века.

Российско-Китайский Комитет дружбы, мира и развития был образован по инициативе Президента РФ **Б. Н. Ельцина** и Председателя КНР **Цзян Цзэминя**. Первое, учредительное заседание Комитета состоялось в ноябре 1997 г. в Пекине, в рамках визита Президента РФ в Китай. На нем было подписано Соглашение о руководящих принципах деятельности Комитета, избраны его руководящие органы.

Комитет был учрежден в качестве межгосударственной общественной организации, пользующейся поддержкой правительств России и Китая и включающей представителей широких слоев общественности двух стран. С момента своего основания он был призван способствовать расширению и укреплению общественной базы российско-китайских отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Главная цель работы Комитета – позитивное содействие взаимопониманию между народами России и Китая, углублению их традиционной дружбы и эффективному сотрудничеству в различных областях.

Российская и Китайская части Комитета отдельно избрали своих председателей (президент Российского Союза промышленников и предпринимателей **А. И. Вольский** и бывший министр энергетики КНР **Хуан Ичэн**) и их заместителей. Ответственными секретарями каждой части стали заместители министров иностранных дел России и Китая, курирующие двусторонние отношения – **Г.Б. Карасин** и **Чжан Дэгуан**. Секретариаты Российской и Китайской частей Комитета были сформированы на базе курирующих региональных департаментов министерств иностранных дел двух стран.

Каждая национальная часть Комитета состоит из 35 действительных и 10 почетных членов, которые избираются из числа известных общественно-политических деятелей, ученых, дипломатов, журналистов, предпринимателей. В своем личном качестве они представляют государственные ведомства, обществен-

Мясников Владимир Степанович, Академик РАН, заместитель председателя Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития.

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ные и научные организации, региональные властные структуры и деловые круги. В рамках Комитета действуют Подкомитет по культуре, образованию, спорту и религиям; Подкомитет по науке и технике; Подкомитет по работе с молодежью; Подкомитет содействия предпринимательству и деловому сотрудничеству; Подкомитет по межрегиональному сотрудничеству.

Деятельность Комитета осуществляется на основе принимаемых на пленарных заседаниях годовых планов работы. Она разнообразна и включает в себя научные симпозиумы и конференции, чтение лекций, встречи специалистов по интересам, фестивали культуры и искусства, выставки, кинонедели, месячники дружбы молодежи, взаимные визиты активистов российско-китайской дружбы, издание и распространение литературы и материалов, популяризирующих российско-китайскую дружбу и достижения народов двух стран в различных областях. Финансирование Комитетом мероприятий осуществляется на паритетной основе.

Первым серьезным плановым мероприятием Комитета в 1998 г. стала серия молодежных обменов. В мае 1998 г. делегация КСМК и Всекитайской Федерации Молодежи (ВФМ) впервые за последние сорок лет посетила нашу страну, возобновив прямые контакты со своими российскими партнерами. Центральным событием визита стал российско-китайский семинар в Институте Дальнего Востока РАН, посвященный перспективам развития двусторонних молодежных контактов в сфере политики, экономики и культуры на рубеже XXI века.

С 17 по 24 ноября 1998 г. по приглашению китайской части Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития состоялся дружественный визит в Китайскую Народную Республику делегации российской молодежи под руководством сопредседателя Подкомитета по работе с молодежью А. В. Селивановым. В состав делегации вошли молодые российские политики, ученые, рабочие, бизнесмены, руководители молодежных организаций.

В ходе визита делегация провела ряд важных официальных встреч. Состоялись переговоры с председателем китайской части Комитета дружбы, мира и развития Хуан Ичэном; заместителем председателя ВФМ, сопредседателем подкомитета по делам молодежи Байнь Чаолу; с руководством Министерства образования и Министерства труда и социального обеспечения КНР; с заместителем министра иностранных дел КНР, заместителем председателя и ответственным секретарем китайской части Комитета Чжан Дэгуаном; с вице-мэром г. Шанхая.

Делегация посетила также Пекинский университет, Дом пионеров, новый экономический район Пудун в г. Шанхае, ряд производственных и сельскохозяйственных предприятий в Пекине и Шанхае. Во время встреч и бесед обсуждались различные сферы жизни населения Китая - образование, социальное обеспечение, сельское хозяйство, наука и культура. Особое внимание было уделено опыту и урокам экономических реформ в КНР, их применимости для России.

При обсуждении перспектив сотрудничества молодежных организаций России и Китая были предварительно разработаны совместные проекты конкретных мероприятий, направленных на дальнейшее сближение молодежи двух стран, укрепление дружбы и сотрудничества на рубеже XXI века.

В частности, констатировалась необходимость расширения диапазона и усиления интенсивности российско-китайских молодежных обменов, включая обмен делегациями молодых парламентариев и другими делегациями по интересам, прежде всего непосредственно на уровне провинций КНР и регионов Российской Федерации. Для российской стороны особый интерес представляет опыт ВФМ в сфере детских и школьных организаций. Имеют перспективы обмены художественными выставками, музыкальными и театральными коллективами и пр.

Китайская сторона проявила интерес к проведению российско-китайской научно-практической конференции (возможно, с участием третьих стран), посвященной вопросам молодежной политики и жизни молодежи в России и Китае, с публикацией материалов конференции в КНР и РФ. Представители Посольства РФ в Пекине подтвердили свою готовность содействовать подготовке конференции.

Начало 1999 года ознаменовалось организованной Комитетом поездкой группы российских журналистов в КНР, которую возглавил генеральный директор ИТАР-ТАСС Виталий Игнатенко. В составе делегации находились руководители газет "Известия", "Комсомольская правда", "Московские новости", телекомпании НТВ и ряда других средств массовой информации России. Польза от поездки была очевидной – серия публикаций в российских СМИ позволила дать объективную картину жизни современного Китая. Ведь российский читатель и зритель отнюдь не избалован правдивыми и подробными материалами о том, как в действительности идут китайские реформы, что дают они людям и как меняют роль КНР в современном мире.

В январе 1999 г. в Москве состоялось второе пленарное заседание Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития. На него возлагались особые надежды – предполагалось посвятить его прежде всего развитию торгово-экономических и культурных связей между российскими и китайскими регионами. В заседании участвовали мэр Москвы, вице-мэры Пекина и Шанхая, главы и руководящие работники администраций Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Читинской областей, а с другой стороны, провинций Хэйлунцзян, Гиринь, Ляонин, Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Участники заседания сосредоточились на центральной проблеме российско-китайских отношений – как преодолеть отставание торгово-экономических связей от высокого уровня политических отношений между КНР и РФ. Ведь без этого невозможно говорить о подлинно равноправном партнерстве и стратегическом взаимодействии в наступающем веке. По завершении первой сессии пленарного заседания Комитет продолжил свою работу в двух секциях. Первая из них обсудила вопросы экономического, научно-технического и регионального сотрудничества, вторая – вопросы культурных, молодежных связей и дружественных обменов.

В XXI веке мир будет многополярным и одновременно это будет мир глобализации жизни, прежде всего экономической, отметил в своем выступлении член Комитета, председатель Комитета по международным делам Государственной Думы РФ В. П. Лукин. Комитет призван сыграть важную роль в том, чтобы общество яснее представляло себе контуры этого мира и перспективы российско-китайских отношений. В.П. Лукин предложил создать на базе исследовательских центров и издательств двух стран серию исследований и публикаций под эгидой Комитета по актуальным проблемам будущего века.

Председатель Китайской части Подкомитета по межрегиональному сотрудничеству, губернатор провинции Хэйлунцзян Тянь Фэншань отметил, что между российскими и китайскими регионами сформирован ряд механизмов для регулирования различных вопросов сотрудничества. Например, между правительствами провинции Цзилинь и Приморского края создана совместная рабочая группа по вопросам внешней торговли, транспорта, таможенного регулирования и портового хозяйства. В Хэйлунцзяне открыто 25 пунктов пропуска с Россией, которые соединяют автомобильные, железнодорожные и речные сообщения двух стран. За 10 лет, с 1988 по 1998 гг., товарооборот только провинции Хэйлунцзян с Россией достиг 13, 6 млрд. долларов.

Член Российско-Китайского Комитета, губернатор Приморского края Е. И. Наздратенко рассказал об опыте Приморского края, который граничит с провинциями Цзилинь и Хэйлунцзян и имеет прямые торгово-экономические отношения с шестью провинциями. По его мнению, российская и китайские стороны далеко не полностью используют потенциал межрегиональных связей, в частности, возможности научно-технического сотрудничества на базе ДВО РАН, 14 институтов которого находятся во Владивостоке. Выступавший призвал к принятию межправительственного соглашения о приграничной торговле, которое отрегулировало бы платежно-расчетные взаимоотношения, рационализировало структуру внешне-

торгового оборота, помогло бы созданию совместных страховых структур, взаимодействию арбитражных судов и получению льготных режимов в торговле.

Заместитель Министра топлива и энергетики РФ В. В. Кудрявый, председатель Подкомитета содействия предпринимательству Се Цзянцзюнь, руководитель научного центра "Курчатовский институт" академик Евгений Велихов, вице-президент ассоциации "Новый век" Сергей Санакоев остановились на различных аспектах двустороннего торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, показав его резервы и неиспользованные пока возможности.

Председатель Подкомитета по культуре, образованию, спорту и религиям, заместитель Министра культуры КНР Мэн Сяосы и заместитель Министра культуры РФ А. П. Тупикин говорили о перспективах двустороннего сотрудничества в области культуры. Заместитель Президента АН КНР, председатель Подкомитета по науке и технике Бай Чунли призвал развивать сотрудничество в области новых и высоких технологий. Он отметил, что Академии наук России и Китая очень сходны друг с другом организационной структурой, механизмами функционирования, разделением дисциплин, методикой руководства и исследования различных проблем. Следует всячески стимулировать обмен академическими делегациями по специальности между отделениями и филиалами, оказывая необходимую методическую и финансовую помощь.

Заместитель председателя ВФМ, председатель Подкомитета по работе с молодежью Хуан Даньхуа призвала укреплять связи молодежи разных профессий и в разных регионах. Она рекомендовала подкомитетам по науке и технике, по межрегиональному сотрудничеству и по культуре больше привлекать молодых людей к своим мероприятиям и обменам. Необходимо более активно использовать потенциал СМИ в популяризации традиционной дружбы между народами России и Китая.

Дружба сильна не столько комплиментами, сколько тем, что друзьям можно сказать откровенно все, что может сделать наши отношения более совершенными и глубокими, отметил в своем выступлении член Комитета, председатель Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН М. Л. Титаренко. В этой связи он призвал к решению трех задач: совершенствованию работы Комитета по направлениям, созданию его финансовой базы в виде Фонда российско-китайской дружбы и расширению массовой базы работы Комитета, включая налаживание постоянной связи со СМИ.

М. Л. Титаренко разделил обеспокоенность по поводу того, что нынешняя молодежь России и Китая мало знает друг о друге. Он предложил включить в общеобразовательные программы школ и вузов предметы страноведения в рамках курсов истории, географии, языка и литературы. Общими усилиями ученых РАН и ученых Китая могли бы быть разработаны программа и учебное пособие "Россия и Китай: соседи, друзья" для использования в средних школах и вузах.

На втором пленарном заседании Комитета был принят план работы на 1999 год, который предусматривает различные мероприятия в связи с юбилейными событиями в российско-китайских отношениях, активизацию деятельности по всем направлениям работы. Это позволяет надеяться, что, взяв удачный старт, Российско-Китайский Комитет дружбы, мира и развития не снизит своих темпов и достойно встретит начало XXI века новыми делами в развитии дружбы и сотрудничества наших стран и народов.

Мы принимаем эстафету российско-китайской дружбы

© 1999

А. Селиванов

Традиционные отношения российско-китайской дружбы – прочный фундамент, на котором строится равноправное стратегическое партнерство между Россией и Китаем, устремленное в XXI век. Расцвет этих отношений пришелся на 50-е годы, когда сотни и тысячи молодых людей наших двух стран имели возможность прямого общения, совместной работы и учебы. Мы видим свою задачу в том, чтобы принять эту эстафету из рук поколения 50-60-х годов и, как минимум, восстановить уровень доверия и общения, существовавший тогда, чтобы вместе вступить в следующий век и достойно встретить его вызовы.

В целях активизации деятельности Подкомитета по делам молодежи мы предложили реализовать ряд инициатив, выдвинутых в ходе обмена молодежными делегациями в мае и ноябре 1998 г. Они включают в себя:

- Проведение двусторонней научной конференции по актуальным проблемам молодежи в России и Китае на рубеже XXI века, материалы которой в виде брошюры могли бы быть опубликованы на русском и китайском языках. Можно подумать и о приглашении на конференцию представителей молодежных организаций других азиатско-тихоокеанских стран – Южной и Северной Кореи, Японии, Монголии, Индии, стран Юго-Восточной Азии.
- Организация серии молодежных парламентских обменов как на уровне федеральных законодательных органов, так и на уровне регионов РФ и провинций Китая. Обмен группами молодых парламентариев уже включен нами в план международной деятельности Государственной Думы на 1999 г.
- Проведение консультаций на рабочем уровне по обмену опытом законодательной работы в сфере молодежной политики (совместно с профильным комитетом Государственной Думы РФ и ВСНП).
- Налаживание обменов детских и школьных делегаций, совместного летнего отдыха – например, у нас в Артеке или на Дальнем Востоке.
- Создание сети постоянных контактов российских и китайских молодежных организаций на региональном и местном уровне

Селиванов Андрей Владимирович, председатель Подкомитета по работе с молодежью Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, заместитель председателя Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

(провинциальные отделения ВФМ Китая и Комитеты по делам молодежи в регионах РФ), особенно в приграничных районах.

- Организация творческого конкурса молодых журналистов "Россия и Китай глазами друг друга" для представителей местных и региональных СМИ двух стран, с поощрительными поездками в Россию и Китай для победителей конкурса.
- Проведение совместных молодежных культурных акций, связанных с 200-летием со дня рождения А.С. Пушкина (фестивали, школьные олимпиады).

Отрадно, что к нашей работе все более активно подключаются неправительственные общественные организации, такие как *межрегиональный молодежный фонд "Новые Перспективы"*. Активисты фонда, побывав в Китае, установили хорошие дружеские и деловые контакты со своими китайскими сверстниками, которые переросли в программу взаимодействия и совместного сотрудничества.

Молодые россияне должны лучше знать язык, культуру, традиции своего великого соседа. Побывав в Китае, мы убедились в том, что многие наши сверстники (уже не говоря о тех, кто в свое время учился в СССР) свободно говорят по-русски и неплохо знают о том, что происходит у нас в стране. А многие ли из наших соотечественников, даже образованных, могут, например, похвастаться знанием хотя бы основ китайского языка и китайской культуры? Поэтому мы всячески поддерживаем идею Правительства Москвы о создании на базе одной из московских школ-интернатов с углубленным изучением китайского языка молодежного Центра китайской культуры.

Мы будем и впредь делать все, чтобы наш Подкомитет задавал тон в работе по сближению молодежи России и Китая, содействовал взаимодействию молодежных организаций, прямому общению молодежи двух стран на всех уровнях. Ведь именно наше поколение несет ответственность за то, чтобы Россия и Китай вошли в грядущий век, хорошо понимая и доверяя друг другу, сотрудничая в строительстве совместного будущего и создании общих ценностей цивилизации.

Глобализация мировой экономики и азиатский регионализм – вызовы для России?

© 1999

В. Михеев

В последний год в мире заметно возросло число конференций и представительных форумов, посвященных глобализации мировой экономики – одной из актуальнейших тем современных международных исследований. Азиатский финансовый кризис, со своей стороны, высветил неоднозначность восприятия тенденции экономической глобализации. Ряд ученых и политиков, например Малазийский премьер-министр Махатхир Мохаммад, именно в глобализации увидели причины азиатского финансового коллапса и поспешили противопоставить ей те или иные варианты протекционизма и закрытого регионализма – как более надежных механизмов, страхующих от кризисов. Другой реакцией на финансовые неприятности в Азии стали разнообразные концепции открытого регионализма – как способа эффективной адаптации к экономической глобализации.

Глобализация мировой экономики и регионализм, в данном случае Азиатский регионализм, представляют собой серьезные вызовы для России. Более того, выдвинем утверждение, что *без правильного отношения к экономической глобализации и регионализму, без учета этих тенденций при разработке мер по возрождению России, без разумной и эффективной политики адаптации России к экономической глобализации и азиатскому регионализму – России не только не занять достойного места в Азиатско-тихоокеанской экономике, но и не решить проблем внутризкономического развития.*

Настоящая статья содержит попытку ответить на следующие вопросы:

- что представляют собой глобализация мировой экономики и азиатский регионализм;
- какие выгоды и угрозы таит они для экономической безопасности Северо-Восточной Азии;
- какое отношение они имеют к России и какова должна быть позиция России по отношению к экономической глобализации и азиатскому регионализму;
- наконец, какие выгоды для России существуют в глобализации мировой экономики и какое место может занять Россия в этом процессе?

Определения.

Глобализация мировой экономики означает:

- во-первых, выход интересов национальных хозяйственных субъектов за национально-государственные рамки, создание и расширение сферы деятельности транснациональных экономических и финансовых структур,

- во-вторых, поднятие "частных", национальных экономических проблем на глобальный, мировой, уровень видения, требующий – для решения этих проблем – учета мировых хозяйственных интересов и мобилизации мировых ресурсов. Иными словами – требующий смотреть на мир как на единое экономическое пространство,

- в-третьих, влияние ситуации на одних сегментах мировой экономики на другие ее сегменты, не обязательно непосредственно связанные с друг с другом,

- в-четвертых, необходимость координации в общемировых масштабах национальных экономических и финансовых политик и необходимость создания единого мирового правопорядка как условия стабильного мирового экономического развития – что стало особенно актуальным в свете последнего Азиатского финансового кризиса, прямо или косвенно затронувшего практически все мировые финансовые рынки.

Можно сказать, что *глобализация мировой экономики означает достигнутый критический уровень экономической взаимозависимости* нашего мира на основе:

- экономической интеграции и нарастающего перемещения по миру капитала, товаров, рабочей силы,

- технологической интеграции, подталкиваемой мировым научно-техническим прогрессом,

- современной информационно-коммуникационной революции, связанной с созданием сверхскоростных транспортных средств и ультрасовременных средств связи, распространением в мире персональных компьютеров и сети Интернет.

За этим *критическим уровнем* ни одна из стран не может уже самостоятельно и при этом успешно решать задачи собственного социально-экономического развития.

Глобализация мировой экономики выступает в *двух измерениях* – как объективная *тенденция* мирохозяйственного развития и как *цель*, которую ставят перед собой политики и просто люди, испытывающие беспокойство о судьбах нашей цивилизации. В отличие от законов Природы законы общественной жизни отражают отношения людей и, следовательно, зависят в той или иной степени от воли людей. Сегодня перед мировым сообществом стоит задача выработать разумный подход к глобализации, создать взаимовыгодные механизмы управления этой тенденцией, сформулировать национальные интересы и понять место своей страны в этом процессе.

Глобализации мировой экономики предшествует, или противостоит, *регионализм*. Регионализм также означает взаимозависимость стран и выход интересов хозяйственных субъектов за национальные границы – однако ограничивает сферу их действия региональными рамками.

Открытый регионализм, основанный на региональной экономической интеграции и рассматривающий экономическое развитие своего региона в контексте развития мировой экономики, находится в русле тенденции экономической глобализации. Он служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики. Создание Европейского Союза (ЕС) или Северо-Американской зоны свободной торговли (НАФТА) представляют собой примеры такого открытого регионализма.

Регионализм *закрытый*, напротив, противодействует глобализации. Он нацелен на защиту исключительно данного региона от негативных последствий глобализации, представляет собой расширенную до региональных пределов политику "опоры на собственные силы". Примером закрытого регионализма может служить деятельность бывшего Совета Экономической Взаимопомощи. Возможно, что именно стратегия закрытого регионализма стала, на-

ряду с другими известными факторами и обстоятельствами, причиной краха мировой социалистической системы, оказавшейся не способной отреагировать на растущую мировую взаимозависимость.

Соотношение тенденций к глобализации мировой экономики и к регионализму (открытого или закрытого типа) определяет общее направление развития мировой экономики. Особенность ситуации в Азии – в отличие от Европы, в которой развитие открытого регионализма является институционно оформленным и происходит за счет расширения ЕС на Восток и на Юг (Кипр) – состоит в том, что здесь отсутствует межгосударственная структура типа ЕС. Политико-институциональный вакуум стимулирует поиск вариантов и направлений развития азиатского регионализма – поиск, подстегиваемый финансовым кризисом и уже давший немало новых идей и предложений.

Практика экономической глобализации и азиатского регионализма.

Развитие концепции глобализации мировой экономики до своего логического завершения выводит на идею о Единой мировой экономике, политическим обрамлением которой является Единый мир – где межгосударственные отношения уступают место отношениям межкорпоративным и межличностным. Вместе с тем сегодня еще не сложились условия для создания Единой мировой экономики и Единого мира. *Противоречие* между обусловленной глобализацией *потребностью* Земли в единой мировой экономике и *господством* национально-государственной формы хозяйствования может быть определено в качестве *основного противоречия* современной эпохи – эпохи глобализации мировой экономики и персонификации международных отношений.

Многообразие взглядов на способы снятия данного противоречия можно свести к четырем основным концепциям.

Первая – концепция создания единой мировой экономики и Единого мира через развитие и впоследствии объединение континентальных экономических и финансовых союзов, региональных валют и континентальных политических конфедераций. Роль примера для подражания призваны сыграть ЕС и НАФТА, евро и доллар. Расширение ЕС на Восток и на Юг и преобразование НАФТА в единую Американскую зону свободной торговли в начале следующего века должны сопровождаться созданием и укреплением аналогичных группировок и конфедераций на других континентах, например, АСЕАН, СНГ, какого-то варианта экономического союза в СВА и т.д. Следующим этапом реализации данной концепции должна стать интеграционная стыковка континентальных конфедераций – наподобие отстаиваемой англичанами, американцами, немцами, но блокируемой французами идеи “Нового Трансатлантического Рынка” между странами ЕС и НАФТА. На завершающем этапе все континентальные конфедерации преобразуются в Единый мир с единой экономикой.

Вторая концепция выдвинута наиболее радикальными пропагандистами американской общественной модели. Исходя из утверждения о том, что США являются сегодня наиболее мощной экономической и политической силой, что доказывает преимущества американского образа жизни, сторонники данной идеи предлагают распространить американскую хозяйственную практику, валюту, законодательство, экономические институты и т.д. на весь остальной мир. Страны, которые не примут новых условий, окажутся изолированными от мировой экономики и связи с ними будут минимизированы. Данная модель не предполагает немедленного политического объединения и оставляет без внимания вопрос о том, будут ли, и если да, то с какого момента, граждане других стран-участниц новой хозяйственной системы иметь право избирать американского президента и американских законодателей.

Третья концепция предлагает отталкиваться от сегодняшней реальности, не забегать вперед и постепенно содействовать развитию тенденции экономической глобализации посредством либерализации международной экономической и финансовой деятельности, открытия национальных рынков, предоставления иностранным хозяйственным субъектам таких же условий и прав, какие имеют национальные, посредством расширения сферы ответственности международных организаций, работающих на цели либерализации, таких как ВТО, МВФ, или учреждения новых международных финансовых институтов, уменьшающих негативное воздействие на национальные экономики международного финансового капитала и т.п.

Четвертая концепция, отстаиваемая автором данной статьи, предполагает создание *единого мирового экономического правопорядка*, и на этой основе развитие интернациональных институтов, позволяющих проводить скоординированную мировую социально-экономическую и финансовую политику. Вопрос о Едином мире, в политическом смысле, относится *на потом* и будет решен *естественным* образом. Безусловно, путь к единому мировому экономическому правопорядку может пролегать через формирование региональных экономических союзов, живущих по единым экономическим правилам. Пример западноевропейской интеграции, Европейского монетарного союза, европейского Центрального Банка и т. д. – всегда перед глазами.

Однако, в отличие от первой из упомянутых выше концепций, данная не требует *обязательного* соблюдения континентальной этапности – сначала континентальные конфедерации, затем – единый мир. Дело в том, что сегодня, когда в мире существуют два крупных интеграционных объединения – ЕС и НАФТА, на которые приходится почти 40% мирового ВВП, экономическое развитие других стран не может происходить без взаимодействия с этими экономиками. Конечно, можно предположить возможность создания нового мощного экономического союза в Азии на основе японской экономики, с участием Китая, Южной Кореи и стран АСЕАН. Однако формирование такого, или аналогичного, союза будет происходить в условиях, когда внутрорегиональные экономические связи азиатских стран по объему примерно равновелики их связям с Северной Америкой и ЕС.

Современный уровень развития экономических, финансовых, транспортных и информационных связей делает создание азиатского экономического и монетарного союза, азиатской конфедерации, как и других континентальных конфедераций, хотя и *возможным*, но не *обязательным* условием перехода к единой мировой экономике. Если страны раньше объединятся, (в экономико-правовом и институциональном аспекте), на глобальном уровне, то в региональной интеграционной структуре может уже и не быть необходимости.

На практике глобализация мировой экономики происходит, в той или иной степени, по всем из упомянутых вариантов. Расширение ЕС и НАФТА сопровождается увеличением числа стран-членов АСЕАН и попытками создать "связующие" трансконтинентальные структуры – типа АТЭС (связь рынка АСЕАН с рынком стран Северо-Восточной Азии, Австралии, Северной и Южной Америки, России) и АСЕМ (связь Азиатского и Европейского рынков). Американский доллар доминирует в международных расчетах – на него приходится около 50% мировой торговли, почти 60% международных валютных резервов, 80% операций на мировых фондовых рынках. ВТО, МВФ и Всемирный Банк, другие международные экономические организации не ослабляют работу по либерализации международных экономических связей. Страны все больше внимания обращают на выравнивание национальных условий хозяйственной деятельности.

Проблема, однако, в том, что экономическая глобализация не стала пока ни распространенной концепцией в кругах разработчиков национальных

экономических политик, ни составной частью национальных стратегий экономического развития, ни согласованной основой синхронизированной стратегии экономического развития большинства стран мира.

Последний конфликт между США, с одной стороны, и азиатскими и российскими экспортерами стали, с другой, свидетельствует не столько об остроте проблемы товарного демпинга, сколько о нерациональной структуре международного разделения труда. Этот "нерационализм" побуждает страну с дорогой рабочей силой – США "держаться" за те производства, которые с успехом освоены в странах с более дешевой рабочей силой. У мирового сообщества пока нет механизмов, которые бы обеспечивали рациональное размещение производительных сил в масштабах всей планеты.

Кроме того, определенные успехи мирового сообщества в либерализации движения товаров и капитала не синхронизированы с либерализацией перемещения рабочей силы. Мир не может поставить заслоны разрушительным последствиям активности "горячих денег" на слабых финансовых рынках. Задача борьбы с бедностью поставлена в число приоритетных задач мирового сообщества, однако международные механизмы решения этой проблемы еще ждут своего формирования. Только первые шаги делают страны в совместной борьбе с мировыми экологическими проблемами.

То, что сегодня мешает странам эффективно сотрудничать в развитии общими усилиями тенденции экономической глобализации – это *национальная ориентированность* стратегий внутриэкономического развития в большинстве стран мира. Проблема, однако, в том, что данная *национальная ориентированность* является не плодом ошибок руководства стран, а объективной потребностью, обусловленной реальными социальными и экономическими вопросами, которые приходится решать. И *задача сторонников идеи глобализации не в том, чтобы противопоставлять ее национальному развитию, а в том, чтобы доказать, что учет или и правильное понимание экономической глобализации может как лишить страну больших выгод от международного сотрудничества, так и привести к большим потерям от неправильной адаптации к мировым рынкам.* Глобализация – как опасная бритва, в умелых руках весьма эффективная, а в неумелых воистину опасная. И этой бритвой надо научиться пользоваться – чтобы "красиво выглядеть".

В Азии, похоже, усердно взялись за учебу, рассматривая проблемы глобализации мировой экономики через призму *Азиатского регионализма*. Среди появившихся в конце 90-х годов под воздействием азиатского финансового кризиса концепций азиатского регионализма, за редким исключением регионализма открытого типа, выделим следующие:

- Таможенный союз Японии и Южной Кореи – идея, предложенная послом Японии в Сеуле в октябре 1998 г. и воспринятая официальными южнокорейскими властями с настороженностью. По мнению сеульского правительства, японская и южнокорейская экономики больше конкурируют, чем дополняют друга, и, следовательно, таможенный союз даст больше выгод более сильной Японии, чем Южной Корее. Позиция правительства, впрочем, разделяется далеко не всеми: южнокорейский бизнес предлагает свои концепции экономического регионализма в США.

- Экономический союз Японии, Южной Кореи и Китая – совместное предложение корейских и японских бизнесменов на их традиционной встрече в Токио в октябре 1998 г. Южнокорейские и японские ученые и бизнесмены становятся активными сторонниками этой идеи, видя в ней азиатский аналог НАФТА. Китай ведет себя пока осторожно, резервируя окончательный ответ на будущее.

- Экономический “пятиугольник” в СВА на основе объединения капиталов и усилий Японии, Китая, Южной Кореи, Тайваня и Гонконга вокруг строительства газопровода из Иркутской области России в Азию – предложение южнокорейского бизнеса в ноябре 1998 г.

- Развитие интеграции в СВА на основе Туманганского проекта, осуществляемого с 1994 г. при содействии ООН силами Северной и Южной Кореи, Японии, Китая, России.

- Зона свободной торговли в Северо-восточной Азии – идея в той или иной форме, например, в виде концепции “Нового рынка стран СВА”, выдвигавшаяся многими, в том числе и российскими учеными на протяжении 90-х годов и предусматривающая создание в перспективе экономического союза России, Японии, Китая, двух Корейских государств, Монголии.

Проблема с реализацией этой идеи состоит в том, что абсолютно неясно, как Россия, Китай и Япония будут сочетать свои интеграционные устремления по другим направлениям (для России – это Европа, для Китая и Японии – Юго-Восточная Азия и США) с региональным сотрудничеством в рамках предложенной идеи. Попытка разрешить данную проблему путем привлечения к интеграции лишь регионов – Дальневосточных районов России и Северо-восточных провинций Китая – выглядит вроде бы уместной, однако ставит новый непростой вопрос: как надо перестроить – в соответствии с нуждами восточно-азиатской интеграции – внутренние связи между ориентированной на Запад экономикой России до Урала и интегрируемой в СВА экономикой России к востоку от Урала. Аналогичный вопрос можно поставить и применительно к Китаю.

- Российско-японский валютный и экономический союз – идея, отстаиваемая автором этой статьи, предполагает своего рода обмен. Россия *использует* (1) заинтересованность Японии в ресурсах Сибири и Дальнего Востока и (2) в российской территории как связующей зоны между Японией и ЕС, а также (3) озабоченность Токио угрозой потери международных позиций японской йены на фоне появления европейской валюты Евро, и “меняет” свои ресурсы, территорию и готовность стать пионером в создании международной йеновой зоны на японскую помощь экономическому возрождению России. Доведенная до логического конца, данная идея выводит на необходимость разделения российской экономики на западную и восточную часть, создание по существу двух валютных зон и двух центральных банков – в Москве и на Дальнем Востоке – и в итоге слияния дальневосточного центробанка с японским.

Автор исходит из того, что не такого рода политика, а сохранение нынешних пагубных тенденций развития российской экономики представляют собой главную угрозу целостности Российской Федерации. Губернаторы крупных восточных регионов России вынуждены искать и уже ищут способы обеспечить экономическую безопасность своих областей и краев вне отношений с федеральным центром: создание собственных валютных резервов, введение областных таможен для внутривосточной торговли, попытки поставить под свой контроль силовые структуры и даже армию, открытие регулярного сообщения с внешним миром в обход Москвы и т.д.

- Создание Азиатского Монетарного Союза по аналогии с Европейским Монетарным Союзом и введение единой азиатской валюты – идея была выдвинута гонконгскими учеными и финансистами и стала активно обсуждаться в прессе с ноября 1998 г. Ее авторы признают, что требуется тщательное изучение этой проблемы, в частности на предмет того, какая валюта – йена или юань – должна стать основой единой финансовой системы в Азии.

- Создание Азиатского валютного фонда для решения самостоятельно, без участия МВФ, кризисных финансовых ситуаций. Предложение о создании АВФ было выдвинуто Японией в сентябре 1997 г. на сессии МВФ в Гон-

конге. Токио был готов внести половину из 100 млрд. долл., необходимых для начала работы АВФ, вторую половины должны были бы вложить другие азиатские участники нового регионального фонда. Первоначально многие страны (включая Южную Корею, но при выжидательно-сдержанной реакции Китая) воодушевленно отреагировали на Токийскую инициативу. Однако негативное отношение к АВФ со стороны МВФ и США, продемонстрированное на ноябрьской 1997-го г. встрече министров финансов стран АТЭС в Маниле, затормозило развитие идеи. В конце 1998 г. Япония возобновила международное лоббирование АВФ. Активным сторонником идеи и реальным партнером Токио готов стать Сеул, в ноябре 1998 г. поддержавший – устами своего премьер-министра Ким Чжон Пхилия – идею АВФ.

Похоже, что начинает меняться и отношение к АВФ со стороны МВФ и США, убедившихся в сложности азиатских финансовых проблем, как и в том, что решить их силами одного МВФ трудно и обременительно, в том числе и для бюджета США – главного донора МВФ (19% всех взносов). Если к начинающей формироваться финансовой оси Сеул-Токио присоединятся Тайвань и АСЕАН, то и без участия Китая, идея об АВФ станет реальностью.

- Валютный союз стран АСЕАН – предложение было выдвинуто Малайзией в начале 1998 г. и нацелено на создание единой валюты стран АСЕАН на базе сингапурского доллара или новой коллективной валюты с тем, чтобы противостоять долларизации азиатской экономики. Пожалуй, предложение Малайзии единственное, которое по своему духу может быть отнесено к разряду закрытого регионализма. Введение Малайзией в сентябре 1998 г. жесткого валютного контроля и контроля над иностранным капиталом подтверждает такое предположение. Малайзийская идея была похоронена другими странами АСЕАН, которые после экономического и политического коллапса в Индонезии – не формальным лидером АСЕАН в недавнем прошлом – предпочитают более широко подходить к проблемам азиатского регионализма, делая ставку больше на сотрудничество с Японией, США, ЕС, чем на внутри асеан-овскую интеграцию, охватывающую лишь около 20% объема внешнеэкономических связей стран-участниц.

- Создание мини-зон двусторонней свободной торговли, выходящих за рамки азиатского региона. В эту концепцию вписываются намерения Южной Кореи заключить соглашения о свободной торговле с Чили, ЮАР, Турцией и другими странами. Данный вариант кооперации строится не на факторе геоэкономической близости, а на взаимодополняемости экономик стран-партнеров. Реализация подобных идей может быть определена как глобализация азиатского регионализма, его выход за континентальные рамки.

- Институализация работы межконтинентальных форумов: АТЭС (с участием 21 страны Азии и Америки, а также России) и АСЕМ (страны Азии и ЕС, без России и США). Последние форумы АТЭС (Куала-Лумпур, ноябрь 1998 г.) и АСЕМ (апрель 1998 г., Лондон), однако, показали, что эти организации пока больше служат местом для обмена мнениями между государственными лидерами из различных регионов мира, чем обнаруживают готовность к практической координации экономической и финансовой политики стран-участниц.

- По аналогии с данными двумя межконтинентальными форумами, в рамках которых обсуждаются идеи открытого регионализма, можно было бы предложить ежегодное проведение еще одного форума – между странами СНГ и Азии (АСИС). Первоначально форум служил бы целям обмена мнениями и сверки курсов экономического развития между Россией и другими странами СНГ, с одной стороны, и Японией, Китаем, АСЕАН, Южной и Северной Кореей, Индией и заинтересованными странами, с другой.

Последними особенностями новых тенденций в развитии азиатского регионализма можно считать, во-первых, стремление Японии взять на себя роль азиатского лидера, вокруг которого могли бы развиваться региональные интеграционные процессы, и готовность большинства стран Азии, в первую очередь Южной Кореи, признать за Японией эту роль. Японо-южнокорейское экономическое взаимодействие имеет шанс стать основой нового азиатского регионализма, как, впрочем, могло бы стать и российско-японское. Во-вторых, продолжающееся сдержанное отношение Китая к региональной интеграции и азиатскому регионализму: Китай пока не готов к роли лидера, но, похоже, не готов и быть ведомым Японией. В-третьих, отсутствие России в зарубежных схемах азиатского регионализма – за исключением газового и Туманганского проекта. В-четвертых, отсутствие поддержки азиатскому экономическому регионализму со стороны США, которые, впрочем, в 90-е годы все же скорректировали в позитивную сторону свое прежнее негативное отношение к многостороннему политическому диалогу в Азии – прежде Вашингтон усматривал в нем угрозу своим двусторонним стратегическим связям с Японией и Южной Кореей.

Азиатский финансовый кризис и экономическая глобализация.

Азиатский финансовый кризис показал, что экономическая глобализация может создавать угрозы экономической безопасности стран. Кризис вывел по крайней мере четыре таких угрозы:

- Открытость финансовых рынков развивающихся стран Азии и свободная миграция спекулятивного капитала делают уязвимыми национальные валютные и финансовые рынки от спланированных атак международных финансовых спекулянтов. Как это случилось в Таиланде в июле 1997 г., когда финансовая корпорация Сороса, рассчитав, что курс тайского бата завышен по сравнению с тем курсом, который объективно обуславливается реальным состоянием таиландской экономики, предприняла атаку на тайскую валюту. Атака принесла миллиардные дивиденды Соросу, но обвалила таиландскую экономику.

Конечно, можно сказать, что таиландские власти сами виноваты в том, что их ошибочная политика позволила иностранным спекулянтам воспользоваться ситуацией. Однако, фактом остается и то, что при меньшей открытости финансового рынка, как, например, на Тайване или в Китае, национальные ошибки не были бы так быстро и болезненно вскрыты.

- Глобализация, означающая открытость и взаимозависимость, обусловила распространение финансового кризиса из Таиланда в другие страны региона, имевшие схожие с Таиландом финансовые болезни.

- При усилении экономической взаимозависимости под косвенным ударом оказались и экономики тех стран региона (Китай, Вьетнам), которые непосредственно не пострадали от азиатского финансового кризиса. Девальвация валют в пострадавших странах привела к сокращению их импорта и увеличению подешевевшего в долларовом исчислении экспорта – что негативно сказалось на экспорте Китая и Вьетнама, выступающих конкурентами других стран ЮВА на мировых рынках.

- Азиатский кризис в определенной степени затронул и развитые экономики Северной Америки и Западной Европы: через увеличение подешевевшего импорта из Азии и сокращение экспорта в Азию, через механизм возвращения на развитые рынки "горячих денег" и т.д. Рикошетом негативные тенденции в развитии экономик развитых стран вновь повлияли на положение дел в попавших в беду странах Азии: их более развитые партнеры

стали применять меры по ограничению азиатского экспорта, более настойчиво требовать либерализации азиатских рынков – в ущерб национальным производителям и т.д.

Осознав угрозы, которые таит в себе экономическая глобализация, азиатские государства оказались перед дилеммой: как защититься от этих угроз – спрятаться от них за регионализмом закрытого типа и протекционизмом или пойти по пути адаптации к вызовам экономической глобализации. Состоявшийся в ноябре 1998 г. в Куала-Лумпуре форум АТЭС показал, что в целом возобладал, по крайней мере на уровне деклараций, второй подход к решению проблемы защиты от угроз глобализации.

Однако сторонникам открытости победу праздновать рано. Во-первых, несмотря на то, что идеи закрытого регионализма не получили поддержки в АТЭС, отдельные страны (Малайзия) усилили административный контроль за валютным и финансовым рынками, другие (Тайвань) не стали форсировать либерализацию внутренних финансовых рынков, а третьи (Китай) – притормозили реализацию планов по либерализации финансового сектора. Даже оплот либеральной экономики – Гонконг вынужден был в конце 1998 г. пойти на интервенции на фондовом рынке, чтобы удержать курс акций от падения.

Во-вторых, АТЭС обнаружил неготовность, политически и институционально, быть более чем дискуссионным клубом и проводить многостороннюю экономическую политику. Даже такой относительно простой и частный вопрос, по сравнению с проблемой преодоления и предотвращения международных финансовых кризисов, как снижение странами АТЭС таможенных пошлин по 9 ранее согласованным в принципе товарным позициям, был перенесен на рассмотрение в ВТО. Решение о совместном мониторинге международных передвижений краткосрочного капитала и анализе поведения спекулятивного капитала стало по существу единственным практическим действием саммита в Куала-Лумпуре.

Вместе с тем состоявшийся в Малайзии обмен мнениями не был бесполезен. Он выявил понимание и согласование между странами тех основных шагов, которые должны способствовать преодолению азиатского финансового кризиса и его региональных экономических и политических последствий.

Во-первых, это массивная иностранная помощь попавшим в кризис странам. Японии еще до начала форума в АТЭС выделила на эти цели 30 млрд. долл. Япония вместе с США на саммите в Малайзии заявили о новом пакете финансовой помощи в размере 10 млрд. долл. Австралия добавила к этой сумме 5 млрд. долл., а Китай – 5,5 млрд. долл. Средства должны пойти на кредитование взаимной торговли, оплату внешнего долга стран-реципиентов, развитие инфраструктуры и социальной сферы. Пока, однако, условия, принципы и порядок предоставления этой помощи не совсем ясны. В частности, не ясно, какие страны будут иметь право на первоочередное получение помощи? На какую часть предложенных средств данная страна может рассчитывать? Не возникнет ли тут своего рода новый межгосударственный фаворитизм, подчиняющий экономическую целесообразность политическим соображениям?

Во-вторых, это внутренние реформы банковского и корпоративного сектора в каждой из стран. Их цель состоит в том, чтобы сделать национальные экономики более открытыми, банковские и корпоративные системы – более прозрачными и эффективными, а отношения в треугольнике правительство – бизнес – профсоюзы – более честными. Реализация данных мер на практике сталкивается, однако, с необходимостью изменения, причем весьма болезненного, существующего баланса экономических сил внутри

стран. В Южной Корее крупные корпорации весьма неохотно идут на расставание с традиционными сферами производственной деятельности и изменение практики отношений с филиалами. В Индонезии реструктуризация крупных корпораций, контролируемых местными китайцами, означает по существу принудительную передачу ими 20% своего бизнеса в руки некитайского мелкого и среднего бизнеса, организуемого администрацией в форме кооперативов. В Таиланде, Южной Корее, Индонезии политика реструктуризации банковского сектора приводит к становлению новых коррупционных связей между властями и банкирами – последние заинтересованы в том, чтобы именно их банк правительство признало перспективным и именно ему оказало финансовую помощь. Профсоюзы повсеместно протестуют против массовых увольнений.

В-третьих, это изменение стратегии экономического развития и ставка на рост внутреннего спроса, а не на экспорт, как на главный фактор преодоления кризиса. Ради роста внутреннего спроса азиатские страны готовы идти на увеличение дефицитов государственных бюджетов, денежную эмиссию, снижение процентных ставок, широкомасштабные общественные работы. Под давлением реального положения дел в Азии МВФ вынужден был согласиться с новой азиатской стратегией и пойти на смягчение своих прежних жестких требований к финансовой политике стран Азии.

В-четвертых, это сдиржированная экономическая политика азиатских стран, предусматривающая (1) отслеживание опасных “зигзагов” в перемещении по финансовым рынкам “горячих денег”, (2) синхронизированное увеличение внутреннего потребления как фактора экономического возрождения, (3) синхронизированное снижение процентных ставок и (4) согласованную политику в отношении курсов национальных валют. Страны особый акцент делают на том, что эти меры носят именно сдиржированный, синхронизированный, но отнюдь не скоординированный характер. Вопрос о том, что страновые различия макроэкономических показателей, объемов золотовалютных резервов, допустимых пределов дефицита госбюджета, за счет которого предполагается стимулировать внутренний спрос, помешают синхронизации экономических реформ еще ждет своего решения. В том числе и посредством создания международных регулирующих механизмов, которые позволили бы объявленную синхронизацию осуществить на практике.

Отношение России.

В России пока еще не сформулировано взвешенное и рациональное отношение к экономической глобализации. Угрозы и возможности глобализации не учитываются в практической экономической политике. Наиболее распространено негативное отношение к идее глобализации мировой экономики. Аргументы противников глобализации сводятся к следующему:

- глобализация ведет к потере государствами суверенитета и иностранному вмешательству во внутренние дела независимых государств;

- глобализация на деле означает усиление американского влияния и насаждение американского образа жизни в мире и вынуждает слабые страны идти на уступки Америке;

- глобализация оторвана от российской экономической реальности и не дает никаких выгод России – свидетельством чего является игнорирование России при разработке концепций глобального (на уровне “большой семерки”, к экономической стороне работы которой Россию не допускают) и регионального, в частности азиатского, экономического взаимодействия;

- глобализация – это утопия или мечта, относящаяся к будущему и не имеющая реального содержания сегодня.

Данному негативному подходу к глобализации можно противопоставить свои возражения. Во-первых, глобализация не ставит сегодня вопрос об утрате суверенитета. Вопрос создания Единого мира на основе единого экономического правопорядка – это вопрос завершающегося этапа глобализации мировой экономики, а не нынешнего. Поэтому не корректно выдвигать аргумент утраты суверенитета в споре против глобализации.

Во-вторых, если задаться целью противопоставить что-то американскому влиянию в рамках глобализации, то рациональнее делать это, не прячась за национально-государственный суверенитет, а активно участвуя в процессах глобализации, в создании единого экономического правопорядка и в построении Единого мира. *России выгоден такой общемировой экономический правопорядок и такие законы и правила Единого мира, которые бы учитывали интересы и особенности России и в создании которых голос России был бы слышен.*

В-третьих, экономическая глобализация уже сейчас может быть использована к выгоде России. Ведь именно экономические и политические интересы Запада, понимаемые в контексте глобализации, дают России возможность привлекать внимание развитых стран к своим социально-экономическим проблемам и получать финансовую и экономическую помощь. Другой пример – российская наука. Признание того, что российская наука является частью, причем все еще важной частью, мировой науки приводит к выводу о том, что крах российской науки не выгоден не только России, но и миру в целом. А от этого вывода совсем уже близко до предложения финансировать российскую науку за счет бюджетов развитых стран.

В-четвертых, экономическая глобализация, понимаемая как единая мировая экономика, сегодня, верно, еще утопия. Однако экономическая глобализация как тенденция – одновременно объективная и подталкиваемая Человеком – это реальность. *И роль и место России* в этом в том, чтобы:

- быть одним из значимых *источников интеллектуальной* (если пока нет экономических сил) *инициативы* в развитии глобализации *и конструктивным оппонентом* другим поборникам идеи глобализации, будь то США или ЕС или, кто знает в будущем, Китай,

- обеспечить *слышимый другими голос России* при создании единого экономического правопорядка,

- разрабатывать и отстаивать *российские варианты развития экономического регионализма в Европе и Азии* – на двух континентах, частью которых является России, в том числе в виде предложенных выше идей о *российско-японском монетарном союзе* или о *форуме СНГ-Азия*.

Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове

© 1999

В. Ткаченко

1. Корея в системе региональной безопасности

Геополитическое положение Корейского полуострова как в прошлом, так и сейчас остается исключительно важным. Объясняется это тем, что обстановка на полуострове и тенденции ее развития в той или иной мере затрагивают интересы соседних государств и мирового сообщества в целом. И вряд ли здесь что-либо существенно изменится в обозримом будущем.

Основной предмет заботы соседних с Кореей государств состоит в том, чтобы обеспечить собственную безопасность. Политическая или военная нестабильность на полуострове увеличивает уязвимость позиций государств, с которыми Корея граничит (Китай, Россия) или с которыми она связана особым родом отношений (Япония, США). В частности, для США стабильность в Корее является одним из элементов их безопасности в районе Азии и Тихого океана.

Во времена холодной войны на Корейском полуострове баланс интересов ценился выше стратегических преимуществ, что побуждало заинтересованные государства избегать обострения напряженности. С окончанием эпохи конфронтации двух мировых систем военно-стратегическое значение Кореи заметно ослабло, поскольку великие державы утратили интерес к использованию Корейского полуострова в целях оказания политического давления друг на друга.

Нынешние тенденции в политике соседних с Кореей государств свидетельствуют о том, что они не заинтересованы в нарушении существующего на полуострове баланса сил, а потому рассматривают крупные перемены там как нежелательные, способные спровоцировать стратегическую неустойчивость, милитаризацию, рост напряженности. Собственно этим и объясняется, почему они предпочитают ничего не менять в Корее и, насколько это возможно, сохранять сложившийся там баланс сил.

Курс великих держав на ограничение своих военных обязательств в Корее никогда не встречал понимания ни в Пхеньяне, ни в Сеуле. Их сдержанность воспринималась на Севере и Юге Кореи как нежелание союзников рисковать собственным благополучием ради безопасности корейцев. Перспек-

тива оказаться один на один на полуострове и подвергнуться нападению вынуждала корейцев искать собственные гарантии безопасности.

В этой связи сегодня мы можем наблюдать такой феномен, как расширение сферы военных интересов Севера и Юга Кореи. Исследователи привыкли рассматривать военный потенциал двух корейских государств как силу, ориентированную исключительно на внутрикорейское противостоение. Однако с изменением баланса сил в регионе и совершенствованием качества вооружений сферы военного влияния Севера и Юга Кореи стали выходить за пределы полуострова.

Недавний запуск Северной Кореей искусственного спутника Земли недвусмысленно свидетельствует о намерении Пхеньяна создать межконтинентальную ракету, способную поразить любую цель на планете, и таким образом обезопасить себя от попыток оказать на него давление. Вряд ли Пхеньян вынашивает планы нанесения превентивного ракетного удара по Южной Корее, Японии или США, но он получит надежное средство сдерживания на тот случай, если кто-либо попытается угрожать Северной Корее санкциями или вторжением.

Надо полагать, что предупреждение Пхеньяна о его способности совершить акт возмездия в случае применения против него военных санкций весной 1993 г. не было символичным. По-видимому, у Пхеньяна нет другого выхода, поскольку он не имеет надежного союзника, который безусловно гарантировал бы безопасность КНДР.

Сеул по-своему решает задачи глобализации своей политики и продвижения военных интересов за пределы полуострова. Военный альянс с США необходим ему сегодня не только в связи с вероятностью нападения со стороны КНДР, но главным образом в связи с растущей военной мощью Японии и Китая, а также возможной дестабилизацией обстановки в регионе в случае политических перемен в России. Южная Корея пока не располагает средствами доставки оружия массового поражения, которое могло бы угрожать ее соседям, но она способна их создать в короткие сроки.¹

Осуществляя военно-техническое сотрудничество с США, Республика Корея производит оружие и военную технику для нужд американской армии. Одновременно Сеул осваивает новую для себя миссию - участие южнокорейских вооруженных сил в миротворческих операциях ООН в Западной Сахаре, Анголе и Грузии.

Таким образом, мировое сообщество отныне будет вынуждено считаться с КНДР и РК как с государствами, обладающими вполне реальными вооруженными силами и военными интересами в регионе.

2. Российская политика в Корее

С начала 90-х годов Россия в третий раз существенным образом корректирует свою политику в Корее. В 1990 г. это было связано с решением Москвы нормализовать отношения с Республикой Корея в интересах обеспечения разрядки в регионе. В 1991-1993 г. г. Россией предпринимались инициативные шаги по свертыванию политических и экономических отношений с КНДР. С 1994 г. Москва пытается проводить в Корее более сбалансированную политику с учетом тех реальностей, которые сложились в Северо-восточной Азии, а также с учетом своих глобальных интересов.

Российская политика в период 1991-1993 г. г. оказалась неудачной не только потому, что Москва переоценила свои способности стать приоритетным партнером США. Дело в том, что независимо от чьих-то желаний, от полити-

ческих пристрастий лидеров Россия всегда была заинтересована в сохранении стабильности и безопасности в том секторе, где ее сухопутная и морская границы соприкасаются с Китаем, Кореей и Японией. Стратегическое значение указанного сектора определяется размещением там основных военных баз России на Дальнем Востоке и на побережье Тихого океана.

На опыте прошлых лет мы имели возможность убедиться, что рост военной напряженности на полуострове не раз приводил к нежелательным эксцессам с человеческими жертвами, к которым оказывалась причастной и Россия. Всякий раз, когда в Корее происходили военные конфликты, Россия была вынуждена принимать дополнительные меры предосторожности в войсках, усиливать охрану морских и воздушных границ, коммуникаций, а также наблюдение за действиями вооруженных сил других государств в регионе. Поэтому любые действия, затрудняющие осуществление функций безопасности, Россия рассматривает как ущемление ее законных прав и интересов.

В отличие от Европы и США Россия непосредственно граничит с Китаем и Кореей, и поэтому "для нее стратегическая подготовка важна здесь как необходимое условие самозащиты, как мера государственной обороны. Для России важно не обладание Кореей, а изъятие ее из-под влияния Японии или какой-либо другой державы."² Эта простая истина была сформулирована российскими политическими деятелями сто лет тому назад, и вряд ли сегодня есть основания что-либо менять здесь, пока не создана иная система обеспечения безопасности государств региона.

Следовательно в наше время, как и много лет тому назад, долговременные интересы России в Корее состоят в том, чтобы эта страна оставалась свободным, независимым или нейтральным государством. В этом смысле Россия была и остается стороной, для которой обеспечение безопасности Кореи, ее самостоятельности органически связано с собственными интересами национальной обороны и безопасности.

Зарубежные источники рассматривают российскую армию на Дальнем Востоке как более мощную, чем все остальные армии региона, исключая Китай. В то же время существует мнение, что военный потенциал России на Дальнем Востоке не является постоянной величиной и объективно оценить его можно лишь с учетом общей военной мощи России.³

С точки зрения совокупной военной мощи Россия остается ведущей державой в мире. По договору с США о сокращении стратегических ядерных вооружений через десять лет Россия сохранит пяти-семикратное превосходство над любой третьей ядерной державой в мире. Однако уже сегодня Россия уступает совокупной военной мощи НАТО и стран Восточной Европы, а к концу века этот разрыв может составить 4,5 раза.⁴

Аналогичные выводы делаются в работах ведущих зарубежных исследователей, анализирующих состояние военной мощи России на Дальнем Востоке. В них прогнозируется существенное ослабление военного присутствия России в регионе, причем не только в результате сокращения военных arsenалов, но и в связи с устойчивым сдвигом баланса сил не в пользу России.⁵

В сочетании с сокращением военного присутствия России на Дальнем Востоке и в Тихом океане снижение политического влияния повлекло за собой перераспределение баланса сил в регионе не в пользу России. Вернуть утраченные позиции для России будет непростым делом. Но и оставаться долго на вторых ролях Россия не сможет. Для этого ей потребуется собственная новая политика в Азии и, в частности, на корейском направлении.

Определенная часть зарубежных исследователей предпочитает игнорировать Россию как великую державу в Азии. Тон здесь задают американские политологи, которые полагают, что страны Азии могут в ближайшем будущем без серьезных для себя последствий не принимать в расчет интересы России в регионе. Такой подход соотносится с официальной линией Вашингтона, для которого Россия является не партнером по сотрудничеству в Северо-восточной Азии, а лишь объектом "повышенного внимания".⁶

С подобных же позиций рассматривают Россию и в ряде других стран. На основе анализа многочисленных исследований на эту тему можно сделать вывод о том, что Россия воспринимается в мире всего лишь как страна, территория которой раскинулась от Европы до центра Азии, тогда как ее влияние в Азии минимально. Отмечая усилия, которые предпринимаются Россией для того, чтобы сохранить престиж великой державы, ученые полагают, что у нее сейчас нет возможностей для реализации указанной цели. Возврат России в ряды великих держав, по их мнению, вероятен лишь в следующем столетии.⁷

Тем не менее большинство политологов Республики Корея считает, что ослабление влияния России в регионе не отвечает стратегическим интересам Сеула. Нормализация отношений с Москвой в свое время открыла для Южной Кореи дорогу к широкому мировому признанию и укреплению позиций Республики на региональном и глобальном уровнях. Большие надежды возлагались в Сеуле также на развитие торговли, экономических и культурных связей с Россией, что позволило бы Корее сохранить высокие темпы роста.

Стабильная и процветающая на базе реформ Россия имеет важное значение для Корейского полуострова. Ее там традиционно воспринимают как фактор примирения и предотвращения столкновений народов и цивилизаций. Без сотрудничества с Россией, полагают в Сеуле, без содействия с ее стороны невозможно обеспечить мир в Восточной Азии.⁸

Похоже, что к этому же выводу постепенно приходят и в Пхеньяне. Не случайно руководство КНДР с осени 1994 г. изменило свое прежнее отношение к России, как к враждебному государству, и видит теперь в России "дружественную страну", с которой оно готово развивать отношения, независимо от различий идеалов и общественных систем.⁹

При всем различии подходов к проблемам региональной безопасности определенную симпатию в Северо-восточной Азии вызывают российские идеи общих, коллективных усилий в этом направлении. Москва была одной из первых, кто поддержал призыв президента Ро Дэ У созвать международную конференцию для обсуждения возможности снижения напряженности на Корейском полуострове с участием двух корейских государств, России, США, Китая и Японии. И это вполне объяснимо, поскольку Россия остается единственным государством региона, способным отстаивать альтернативную линию в условиях, когда набирает силу тенденция к монополярной структуре международной безопасности.

Россия, как известно, предложила провести многосторонние консультации по вопросам укрепления безопасности в регионе, включая нераспространение ядерного оружия, создать центр по предотвращению конфликтных ситуаций в АТР, а также региональный центр стратегических исследований. Россия остается важным элементом баланса сил в регионе, потенциальным партнером в усилиях по демократизации международных отношений.

Другим, не менее существенным элементом политики России в регионе является то, что она позитивно относится к перспективе объединения Кореи. Традиционно добрые отношения России и Кореи на протяжении длительного исторического периода, не омраченные войнами, территориальными или ины-

ми претензиями друг к другу, создают хорошую основу для политического и экономического сотрудничества в перспективе.

Существуют определенные перспективы для углубления экономического сотрудничества между Россией и Кореей, поскольку хозяйственные структуры двух стран не конкурируют, а скорее дополняют друг друга. Корея будет нуждаться в российском сырье, экологически чистой продукции, научных открытиях и новой промышленной технологии, совместимой с уровнем ее развития.

Таким образом, указанные выше обстоятельства, объективно сближающие интересы России и общекорейские интересы в регионе, создают для Москвы возможность вносить реальный вклад в разрядку на полуострове и примирение между Севером и Югом.

Однако позитивная роль России как одного из гарантов безопасности справедлива лишь для той ситуации, когда она будет поддерживать нормальные добрососедские отношения с двумя корейскими государствами. Перекосы в наших отношениях в сторону одного из корейских государств будут неизбежно снижать интерес к России в регионе.¹⁰ Она может быть полезным партнером для Пхеньяна, если будет присутствовать в Сеуле. С Россией станут считаться в Пекине, Токио, Сеуле и Вашингтоне, если она сохранит свои отношения с Пхеньяном.

В данном случае речь не идет о сохранении определенного баланса в отношениях с Севером и Югом Кореи или проведении политики "равноудаленности" от Сеула и Пхеньяна. В нынешних условиях обеспечить такой баланс практически невозможно, да в этом и нет необходимости.

Сегодня у России сложились разные отношения с Северной и Южной Кореей, и с каждой из них они имеют свои особенности и собственные ценности. Уже по этой причине их невозможно нивелировать. Российская политика в Корее строится таким образом, чтобы были учтены все основные ее компоненты - интересы собственной безопасности, экономические интересы государства, включая интересы населения российского Дальнего Востока.¹¹

3. Отношения России с Северной Кореей

После развала СССР отношения России с КНДР прошли определенную переоценку. Они освобождались от всего того, что не отвечало принципам взаимной выгоды или могло быть отнесено к категории "идеологических факторов". Вместе с тем в процессе пересмотра прежней политики с российской стороны были допущены не вполне корректные действия: публичные заявления о намерениях аннулировать союзный договор, прекратить предоставление КНДР военной и экономической помощи, ввести эмбарго на передачу ядерных технологий и т.п. В результате между Москвой и Пхеньяном были заморожены политические консультации, приостановлена деятельность двусторонней межправительственной консультативной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам, сократился товарооборот с 430 млн. долларов в 1993 г. до 100 млн. долларов в 1995 году, заморожено погашение корейской стороной долга России по ранее предоставленным кредитам в сумме около 4 млрд. рублей, прекратились культурные и научные связи, прервано прямое воздушное сообщение.

Не лучшим образом действовала Россия в период кризиса, связанного с намерением КНДР выйти из договора о нераспространении ядерного оружия. Она поторопилась поддержать идею США о принятии Советом Безопасности ООН санкций в отношении КНДР, которая впоследствии была заблокирована Пекином. Когда же возникла необходимость в конструктивных перего-

ворах с КНДР, Россия оказалась вне переговорного процесса, поскольку сильно подпортила свои отношения с Пхеньяном.

Россия продемонстрировала дипломатически пассивную позицию, что вызвало разочарование не только в Пхеньяне, но и в Сеуле, где откровенно рассчитывали на более жесткую реакцию Москвы на выход КНДР из договора о нераспространении. Среди государств, исторически связанных с корейскими проблемами, только Китай сохранил нормальные отношения с Пхеньяном и максимально эффективно использовал их для перевода кризиса в русло переговоров.

Со временем в Москве пришли к выводу, что свертывание отношений с Пхеньяном не пошло на пользу России и ее интересам на Дальнем Востоке. Предпринимаются шаги к возобновлению политических контактов, оживлению торговых и культурных связей с КНДР. Приход к власти в Пхеньяне нового руководителя, а также происходящая нормализация американо-северокорейских отношений стимулировали Россию к восстановлению связей с КНДР.¹²

При этом, как нам представляется, не может быть заблуждений в том, что такая коррекция отношений имеет какую-то связь с новым подходом к идейным и политическим ценностям Северной Кореи или попытками Москвы несколько дистанцироваться от Сеула. Речь идет о коррекции политики в Корее не ради самой Кореи, а в интересах обеспечения безопасности России на Дальнем Востоке. Причем к такому повороту в политике Россию вынудили США и другие государства, которые сочли возможным проигнорировать интересы России в Корее.

Новая расстановка сил в СВА оказалась неблагоприятной и для Пхеньяна, политика которого традиционно строилась с расчетом на игру между двумя своими союзниками - СССР и Китаем, что давало ему возможность извлекать практические выгоды из соперничества Москвы и Пекина за влияние на Дальнем Востоке.

Теперь ситуация изменилась, оба соседа КНДР заняты главным образом внутренними делами и не заинтересованы в нарушении статус-кво на Корейском полуострове. Северная Корея нуждается если не в союзнических, то, по крайней мере, в нормальных отношениях с Россией, что давало бы ей возможность несколько уравновесить свои позиции в диалоге с Южной Кореей. Кроме того, после нормализации отношений с США у КНДР появились опасения, не станет ли американское влияние на Корею чрезмерным в условиях пассивности России и Китая, не окажется ли Пхеньян один на один с двумя противниками - США и Южной Кореей.

4. Судьба основного договора об отношениях России и КНДР

Значение России как гаранта безопасности в Корее было существенно ослаблено ее отказом пролонгировать срок действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в 1961 г. между СССР и КНДР. Это было поспешное и недальновидное решение, продиктованное скорее эмоциональными соображениями, нежели интересами государства.

В историческом плане союзный договор с КНДР сыграл позитивную роль как эффективный инструмент сохранения мира и стабильности в Корее. Некоторые исследователи отстаивают ту точку зрения, что мир в Корее сохранился в результате присутствия там американских войск. В какой-то мере такое суждение справедливо, но ведь никто не знает, что было бы с Кореей, если бы Москва и Пекин не имели бы союзных отношений с Северной Кореей. Только благодаря наличию таких договоров удалось на протяжении длитель-

ного периода избегать развязывания новой войны в Корее, хотя поводов к этому было предостаточно.

Конечно, старые договоры такого типа плохо вписываются в новую обстановку. Но дело в том, что союзный договор с КНДР являлся одновременно составным элементом структуры безопасности на полуострове, одной из его опор, убрав которую Москва рисковала нарушить баланс сил в регионе и спровоцировать волну нестабильности. По логике вещей, судьба указанного договора должна была бы решаться в увязке с судьбой других военных альянсов в регионе, в частности, договоров между США и Японией, США и Южной Кореей. Однако Россия предпочла другой путь.

В ходе своего визита в Сеул в ноябре 1992 г. Президент России заявил, что Москва намерена обновить союзный договор с Пхеньяном или скорректировать его военную статью с учетом новых реальностей. В ответ на это заявление северокорейская сторона ограничилась констатацией того факта, что союзный договор "не отвечает сегодняшним реальностям".¹³

По соображениям внутреннего характера в то время для чиновников российского внешнеполитического ведомства уточнение отдельных статей договора было более легкой задачей, чем его денонсация, так как парламент России при существовавшем соотношении политических сил мог не одобрить столь решительные действия в отношении КНДР. Считалось, что для уточнения статей договора или их новой трактовки было достаточно обменяться письмами на уровне руководства министерств иностранных дел, не прибегая к парламентским процедурам.

Поездка в Пхеньян заместителя министра иностранных дел России Кунадзе Г.Ф. в январе 1993 г. с целью убедить руководство КНДР в целесообразности изменения текста союзного договора выявила индифферентное отношение Пхеньяна к предложению Москвы. В этих условиях российские дипломаты сочли необходимым в одностороннем порядке дать собственную трактовку военной статьи договора. Согласно ее новой и более расширенной интерпретации Россия может оказать военную поддержку КНДР в случае неспровоцированного нападения на нее, причем Россия сама решает вопрос о факте нападения, принимает необходимые меры на основе Конституции и существующих процедур, законов, Устава ООН и международных обязательств. Из такой трактовки можно было сделать один вывод: Россия вряд ли будет выполнять военные обязательства по договору.

Разумеется у России были и другие пути обновления своих отношений с КНДР. Один из них состоял в том, чтобы подписать с Пхеньяном новый договор об основах отношений, что автоматически решало бы судьбу союзного договора 1961 г., превращая последний в документ, принадлежащий истории. Можно было бы также пойти по пути, который предпочел Китай, заявив, что китайско-корейский союзный договор не следует толковать как "обязательство Китая использовать вооруженные силы."¹⁴

В любом случае корректирование Россией договора, исполнение которого неоднократно и публично ставилось под сомнение, скорее всего стало бы актом символическим. Одни увидели в этом признаки ничем не оправданного ослабления Россией своих позиций в регионе, другие - вклад в зарождение новых структур региональной безопасности.

В последующие три года судьба договора с КНДР оставалась неясной. США, Япония и Южная Корея не последовали примеру России, напротив, они не уставали подтверждать верность своим союзническим обязательствам и не упускали случая продемонстрировать это на деле. К осени 1995 г. Москва должна была окончательно определиться, что делать с договором. Если к это-

му сроку ничего не предпринимать, то он автоматически продлевается на следующие пять лет.

Москва решилась на денонсацию договора. Именно такое обещание дал российский президент во время визита в Россию президента Республики Корея Ким Ен Сама в июне 1994 года, подтвердив тем самым репутацию внешней политики Москвы как политики "широких жестов".

Поскольку обещания полагается выполнять, МИД России 7 августа 1995 г. сделал послу КНДР заявление о том, что поскольку союзный договор "устарел и не соответствует новым условиям", Россия предлагает заключить новый договор об основах отношений. Одновременно послу был вручен проект нового договора. К чести руководства МИД России, оно постаралось максимально смягчить этот не вполне дружественный жест в том числе обещаниями повысить уровень отношений с КНДР.

8 сентября 1995 г. Центральное телеграфное агентство Кореи в своем сообщении подтвердило позицию Пхеньяна, полагающего, что прежний союзный договор потерял свою силу по причине распада СССР и считается аннулированным. Что касается нового договора, то в Пхеньяне изучают полученный проект документа.

Итак, союзный договор между Россией и КНДР спустя 35 лет после его подписания прекратил свое существование де-факто. В свое время он был ратифицирован парламентами обеих стран, а вот его денонсация не прошла необходимых в таких случаях юридических процедур, и формально Договор 1961 г. все еще остается действующим документом.

Свой вариант нового договора, который в целом совпадает с российским, северокорейская сторона передала 3 сентября 1996 г, а в феврале 1997 г. в Пхеньяне состоялся первый тур переговоров по согласованию текста договора. Встреча в Пхеньяне показала, что обе стороны придают большое значение этому документу, полагая, что он послужит делу активизации двусторонних отношений, стабилизации обстановки в регионе.

Однако прошло уже более трех лет с момента начала обмена мнениями между Москвой и Пхеньяном о новом договоре, завершение которого пока не видно. Ни одна из сторон не форсирует процесс подписания договора, так как он, по-видимому, никому пока не нужен. У Москвы сейчас другие заботы, более важные, чем договор с КНДР. Что же касается Пхеньяна, то он понимает, что подписав договор с Россией сейчас, он не получит от нее ни экономической, ни военной поддержки. Поэтому северокорейцы предпочитают не торопиться с заключением договора, они выжидают, рассчитывая на политические перемены в России.

Пока же между Москвой и Пхеньяном осуществляются контакты на уровне парламентов, политических партий, руководства министерств иностранных дел, а также культурный и спортивный обмен. Торговый оборот упал до уровня 120 млн. долларов в 1997 г., и пока нет признаков того, что он может подняться.

5. Политические аспекты военного сотрудничества России с КНДР

Для безопасности на Корейском полуострове принципиальное значение имеет проблема насыщения его оружием и современной военной техникой. К сожалению, обе стороны в Корею пока еще не готовы обсуждать меры доверия в военной области, договариваться о добровольном ограничении уровней воо-

руженных сил, об отказе от приобретения или изготовления оружия массового уничтожения.

В этих условиях роль своеобразных ограничителей в насыщении Северной и Южной Кореи оружием до сих пор выполняли великие державы, в первую очередь США, Россия и в какой-то мере Китай.

На протяжении многих лет военного сотрудничества выработалась вполне устойчивая практика, на основе которой можно проследить вполне определенные закономерности. Назову лишь некоторые из них.

Москва предпочитала уклоняться от крупных поставок оружия Пхеньяну в периоды обострения напряженности на Корейском полуострове.

Москва не направляла в Северную Корею новейшие образцы вооружений, находившиеся в распоряжении государств-членов Варшавского Договора.

Поставки новых видов оружия и бытовой техники в КНДР носили характер запоздалых и неадекватных ответных мер на появление новых видов вооружений в Южной Корее. В частности, советские ракеты СКАД появились на Севере после того, как в ноябре 1986 г. на Юге Кореи были размещены тактические ракеты "Лэнс".

Москва избегала поставок в Северную Корею больших партий оружия и военной техники. По представлениям московских стратегов, КНДР должна находиться в военном отношении на уровне достаточной обороноспособности, т.е. быть способной противостоять агрессии на первом этапе военных действий. В целом же, начиная с середины 70-х годов, КНДР стала отставать от Республики Корея по качеству имевшегося у нее оружия и военной техники. На уровне обороноспособности сказывалось также отсутствие развитой системы дорог, современных средств связи, надежного энергоснабжения.

Москва ограничивала поставки в КНДР наступательных видов оружия и боевой техники. Однако последовательно придерживаться этого принципа удавалось далеко не всегда. Тактическое или оборонительное в условиях России оружие (ударные истребители типа СУ-25, ракетные установки поля боя, ракеты класса земля-воздух) в Корее приобретает качества стратегического или наступательного оружия.

Советский Союз не имел в КНДР своих военных баз, и эта проблема никогда не поднималась ни одной из сторон. Вместе с тем Пхеньян разрешал использовать свое воздушное пространство для пролетов советских военных самолетов.

Указанные принципы вписывались в существовавшие в то время военно-политические доктрины противостояния и были призваны удерживать гонку вооружений в Корее на максимально возможном низком уровне. Насколько продуктивной была такая политика, можно судить по тому, что соотношение вооруженных сил на полуострове в течение многих лет оставалось на уровне, который не давал ни одной из сторон реального превосходства и удерживал их от опрометчивых действий.

Российские власти взяли курс на ограничение, а затем и на прекращение военных связей с КНДР. Основным аргументом такого решения - политический: смена приоритетов России в Корее в пользу развития отношений с Республикой Корея. Однако полностью разорвать военные связи с КНДР оказалось для России непросто делом. Поставки запасных частей, расходных материалов и товаров двойного назначения осуществляются теперь на коммерческой основе и определяются наличием у КНДР необходимого количества свободно конвертируемой валюты.

Следует признать также, что для России большое значение имеет экономическая сторона военной политики. Со середины 80-х годов Советский Союз

продавал другим странам оружие на 30 млрд. долларов ежегодно. В 1993 г. объем продаж военной техники Россией сократился до 2 млрд. долларов. И пока у России нет других источников экспорта, она, естественно, будет стремиться максимально использовать возможности своего военно-промышленного комплекса для стабилизации экономической обстановки в стране.

Существует мнение, что с позиций долговременных интересов России для нее было бы полезно сохранить определенный уровень военных связей с КНДР. Во-первых, это позволило бы избежать резких перепадов в балансе сил и угрозы дестабилизации на Корейском полуострове, обеспечить проведение согласованной с другими державами линии на параллельную демилитаризацию Северной и Южной Кореи.

Очевидно, что военная политика России на Дальнем Востоке будет уточняться по мере осознания Москвой своей роли и ответственности в обеспечении безопасности, а также своего места в экономическом сотрудничестве стран региона. Хотелось бы надеяться, что эти изменения не будут создавать для соседей России какие-либо проблемы, поскольку по сути это будет процесс утверждения России как влиятельного политического и экономического партнера в Азии.

(Окончание следует)

1. Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. Служба внешней разведки Российской Федерации, Москва, 1993, с.114.
2. Архив внешней политики Российской империи, японский стол, ОП 493, 1897 г. д.2049, л.1-23.
3. RheeSeung-Keun. The role of Northeast Asia security cooperation and future global peace. The 1-st Northeast Asia defence forum, Seoul, 1993, p.6.
4. Арбатов А.Г. Россия: национальная безопасность в 90-е годы. "Мировая экономика и международные отношения", № 8-9, 1994.
5. Scalapino R. United States and Asia: Future Prospects. "Foreign Affairs", 1991.
6. William E. Odom. East Asia Transformed. The Asia Foundation's Center for Asian Pacific Affairs, report No. 4, 1991.
7. Rhee Sang-Woo. Wither East Asia? On going restructuring of intra-regional cooperative system. Report for the conference in the Institute of Far Eastern Studies, Moscow, 1994.
8. Han Sung-Joo. Russia in South Korean policy in an age of transition. "Sino-Soviet Affairs", Vol. XVI, No. 3, Seoul, 1992, p.38-40.
9. Панов А.Н. Речь на открытии 4-й международной конференции ИМЭМО-ИФАНС, Москва, октябрь 1994.
10. Джеймс Гудби. Сотрудничество и безопасность в Северо-восточной Азии. Доклад на международной конференции в Институте Дальнего Востока РАН, Москва, сентябрь 1992.
11. Ткаченко В.П. Корейская политика России. Доклад на заседании Комитета Государственной Думы России. Вестник научной информации ИМЭПИ РАН, № 9, 1994, с. 62-67.
12. Zhebin A. Russia and North Korea. An emerging uneasy partnership. "Asia Survey", University of California Press, Vol. XXVI, No. 8, 1995, p. 726-739.
13. "Нодон синмун", 9 декабря 1992.
14. "Независимая газета", 22 ноября 1995.

Изменения конституционного строя КНДР

© 1999

Ю. Ванин

Конституция любой страны- это не только основной закон, определяющий ее государственное, общественно-политическое устройство, создающий фундамент всей законодательной системы. Это еще и своеобразный комплекс представлений общества данной страны о себе самом и своем государстве, о том, какими они являются сегодня, а главное- какими они должны быть. Корректировка конституции и тем более внесение в нее принципиальных поправок отражают изменения во взглядах и целевых установках общества (точнее- его правящего слоя), а через них, опосредованно, какие-то существенные процессы, происходящие в стране. Поэтому важно следить за новыми явлениями в конституционном строе, выявлять их причины, направленность и значение. При этом не должно смущать то, что в реальной практике власть предержащие далеко не всегда проявляют достаточно уважительное отношение к конституции и строго ей следуют (россиянам за примерами далеко ходить не нужно).

КНДР за полвека своего существования прошла достаточно большой путь конституционного строительства. Впервые Конституция Коре́йской Народно- Демократической Республики была принята в сентябре 1948 г. Ей на смену в декабре 1972 г. пришла Социалистическая конституция Коре́йской Народно- Демократической Республики. Она подверглась серьезному пересмотру в апреле 1992 г. Следующая, и тоже весьма значительная ее корректировка была проведена в сентябре 1998 г. Документы 1992 и 1998 гг. в КНДР не называют новыми конституциями. Считается, что в стране по-прежнему действует Социалистическая конституция Коре́йской Народно- Демократической Республики 1972 г. с внесенными в нее дополнениями и изменениями.

Автор данной статьи- не юрист и потому не предполагает юридического анализа двух последних вариантов конституции КНДР. Нет и намерения подробно излагать их содержание. У статьи иная задача: показать то новое, что внесено в текст конституции, что из нее изъято, переформулировано, уточнено и т.д. На этой основе попытаться определить характер и общую тенденцию произошедших в 1990-е гг. изменений конституционного строя КНДР¹. Автор, разумеется, не претендует на полноту и бесспорность своих суждений.

* * *

Главное, что бросается в глаза при ознакомлении с последними вариантами конституции КНДР², - стремление их составителей (и, разумеется, тех, кто за ними стоит) учесть новые веяния в современном мире и отреагировать на них применительно к своим воззрениям, конкретным условиям страны и задачам на перспективу.

Прежде всего из текста убраны прежние идеологические штампы: упоминания о марксизме-ленинизме, пролетарском интернационализме, о сплоченности с социалистическими странами, о массах- творцах истории. Но это не означает, что ослаблено идеологическое наполнение конституции. Напротив, оно даже усилено. Ведь, как известно, в КНДР провозглашено строительство социализма посредством трех революций: идеологической, технической и культурной. Идеология вынесена на первое место, она сведена исключительно к идеям чучхе, определяющим в последние десятилетия всю общественно- политическую жизнь республики. Идеями чучхе пронизаны многие статьи новых вариантов конституции.

По-новому и более развернуто представлена в 1992 г. идеологическая основа северокорейского государства: "КНДР руководствуется в своей деятельности идеями чучхе - мировоззрением, в центр которого ставится человек, и революционными идеями, нацеленными на осуществление самостоятельности народных масс" (ст.3). Дано принятое сейчас толкование чучхе, но опущены утверждения, что чучхе- это идеи Трудовой партии Кореи, что они являются творческим применением марксизма- ленинизма к реальным условиям КНДР.

Конституция КНДР в новых ее вариантах включила в разряд первоочередных задач государства более широкое осуществление им идеологической деятельности: "Государство, усиливая идеологическую революцию, повышает революционную сознательность всех членов общества, воспитывает их в духе традиций рабочего класса и превращает все общество в товарищески спаянный коллектив" (ст. 10). Тем самым никак не умаляется идеологическая роль Трудовой партии Кореи. Просто к ее усилиям должны быть прибавлены еще и возможности государства ради дальнейшей активизации идеологической работы на базе идей чучхе.

Специальная статья, впервые включенная в 1992 г. в конституцию КНДР, законодательно закрепляет руководящую роль в стране Трудовой партии Кореи: "КНДР, - провозглашается в ней, - осуществляет всю свою деятельность под руководством Трудовой партии Кореи" (ст. 11). Напомним, что в СССР с конца 80-х гг. именно с нападков на конституционное положение о руководящей роли КПСС началась атака на социализм и советскую власть. Возможно, поэтому составители как раз тогда готовившегося нового варианта Социалистической конституции КНДР сочли необходимым выделить и особо подчеркнуть руководящую роль ТПК.

Кардинальному пересмотру подверглась характеристика сущности государства в КНДР. Конституция 1972 г. определяла его следующим образом: "КНДР осуществляет диктатуру пролетариата и претворяет в жизнь классовую линию и линию масс". (ст. 10). Совершенно иначе изложена она в варианте 1992 г.: "Государство придерживается классовой линии, укрепляет диктатуру народной демократии и тем самым твердо защищает народную власть, социалистический строй от подрывных акций внутренних и внешних враждебных элементов (ст. 12, выделено нами- Ю.В.) Новая формулировка, как нам кажется, гораздо ближе к тому, что на самом деле представляет из себя КНДР, хотя, наверное, не для всех выглядит бесспорной.

Несколько изменен теперь и перечень субъектов власти в КНДР. Конституция 1972 г. заявляла, что "власть в КНДР принадлежит рабочим, крестьянам, солдатам и трудовой интеллигенции" (ст. 7). В последующих вариантах к этому добавлены слова "всему трудовому народу", но зато отсутствует упоминание о солдатах (ст.4). Изъятие солдат из числа носителей власти в КНДР весьма примечательно для государства, которое упорно упрекают в нарастающей милитаризации общества.

Любопытные перемены произошли в определении конституцией КНДР экономической основы государства. " В КНДР, - говорилось в 1972 г., - средства производства принадлежат государству и кооперативным организациям" (ст. 18). В эту формулировку в 1992 г. включили дополнительно единственное слово- "только", но оно сразу ужесточило ее, придало смысл, категорически исключающий иные формы собственности. Однако в варианте 1998 г. слово "только" снято, что, вероятно, сделано не случайно и как-то связано с проводимой КНДР политикой привлечения в страну иностранного капитала, которому предоставляются права на соответствующие формы собственности

Из двух названных выше категорий собственности безусловный приоритет всегда отдавался в КНДР государственной собственности, считавшейся всенародным достоянием. Конституция 1972 г. зафиксировала ее "ведущую роль в развитии экономики КНДР" (ст. 19). Вариант 1992 г. поставил задачу дальнейшего ее расширения в первую очередь: "Государство охраняет и увеличивает преимущественно государственную собственность, играющую ведущую роль в развитии экономики страны" (ст. 21). Что касается кооперативной собственности, государство, развивая и укрепляя ее, "постепенно превращает кооперативную собственность в общенародную, согласно свободному волеизъявлению всех членов, состоящих в кооперативных организациях" (ст. 23). В приведенных статьях обращает на себя внимание то, что среди обязанностей государства стала значиться "охрана" государственной и кооперативной собственности, чего не было в прежней редакции. Это наводит на мысль, что теперь в КНДР не исключают каких-либо посягательств на них.

Современный этап социально- экономического развития республики, значительное усложнение возникающих при этом проблем, необходимость для их решения активного приобщения к мировому научно-техническому прогрессу побудили по-новому сформулировать экономические задачи КНДР. Если в 1972 г. шла речь только о закреплении и развитии успехов индустриализации, укреплении материально- технической базы социализма (ст. 24), то в 1992 г. выдвинуто требование ускорения модернизации и перевода на научную основу народного хозяйства, превращения его в высокоразвитое и отвечающее условиям страны (в корейском тексте- "чучхейское"), создания "материально- технической базы, соответствующей полному социалистическому обществу" (ст. 26). Введена отдельная статья о технической революции, о задачах государства по ускорению научно- технического прогресса и технической реконструкции народного хозяйства (ст. 27).

В вариант конституции 1992 г. внесена также новая статья, отражающая современные представления в КНДР о принципах государственного управления экономикой: "В руководстве и управлении социалистической экономикой государство твердо придерживается принципа правильного сочетания политического руководства с хозяйственно- техническим, единого государственного руководства с творческой инициативой каждого подразделения, единоначалия с демократией, морально- политического стимулирования с материальным" (ст.32). Все эти принципы выдвигались и в какой-то мере применялись на практике в КНДР и раньше, но впервые они закреплены в законодательном документе такого уровня.

Интересное и важное, на наш взгляд, дополнение сделано к статье 33 варианта конституции 1992 г., утверждающей "социалистической формой управления экономикой" так называемую Тэанскую систему работы, при которой делами предприятия через партийный комитет руководит сам трудовой коллектив. К этой статье в 1998 г. добавлено следующее: "Государство в управлении экономикой соответственно требованиям Тэанской системы работы использует хозрасчет, добивается правильного применения экономических рычагов, таких как себестоимость, цена, рентабельность". Здесь мы явно име-

ем дело с законодательно оформленной задачей перехода КНДР от административно-командных к экономическим методам развития народного хозяйства.

Редакция 1998 г. оформила также некоторое ослабление государственной монополии внешней торговли. В 1992 г. оставили без изменения статью конституции 1972 г. о том, что внешняя торговля в КНДР ведется или самим государством, или же под его контролем. Теперь эта статья выглядит так: "В КНДР внешнюю торговлю ведут государство и кооперативные организации" (ст. 36). Ни о каком контроле со стороны государства не упоминается, право выхода на внешние рынки предоставлено и кооперативам.

Как уже отмечалось, КНДР придерживается курса на привлечение иностранного капитала в свою экономику, расширение внешнеэкономических связей. В последние годы этот курс интенсифицировался, издан большой пакет документов по разным его аспектам. В 1972 г. о таком не приходилось и думать, но последующие варианты конституции не прошли мимо столь важного поворота в экономической политике и закрепили его в основном законе страны. В тексте 1992 г. записано: "КНДР обеспечивает законные права и интересы иностранных граждан, находящихся на ее территории" (ст. 16) и "Государство поощряет совместное и кооперативное предпринимательство учреждений, предприятий, организаций нашей страны и юридических или частных лиц зарубежных стран" (ст. 37). В 1998 г. статья 37 дополнена словами "создание и эксплуатацию различных предприятий в особой экономической зоне" Тем самым в перечень поощряемых государством сфер совместной с иностранцами предпринимательской деятельности включена также Свободная торгово-экономическая зона Наджин-Сонбон, образованная на крайнем северо-востоке КНДР и ставшая одним из главных объектов международного сотрудничества республики.

Раздел о культуре в последних вариантах по большей части повторяет положения конституции 1972 г., но, как правило, в новых формулировках, толнее отражающих современные представления в КНДР о путях и целях ее развития. Содержание посвященных культуре статей в основном сводится к задачам осуществления в стране культурной революции, воспитания всех людей строителями социализма и коммунизма, всемерной "чужеземизации" различных сфер культуры, сбережения национального наследия, противодействия "культурной экспансии империализма", создания благоприятных условий для просвещения, науки, литературы и искусства, раскрытия творческих возможностей народа, повышения интеллектуального потенциала ("интеллектуализации") всех членов общества и т.д. Некоторые статьи подчинены потребностям научно-технического прогресса: приведение всеобщего обязательного 11-летнего образования в соответствие с "тенденцией развития современной науки и техники и с реальными требованиями социалистического строительства" (ст. 45); повышение научно-теоретического уровня технического образования и обучения общественным и фундаментальным наукам (ст. 46); поднятие науки и техники страны на мировой уровень (ст. 50). В области здравоохранения поставлена задача совершенствования принятого в КНДР "участкового принципа медицинского обслуживания" и профилактического направления в медицине (ст. 56). Впервые в конституцию КНДР внесен пункт, обязывающий государство принимать меры по охране окружающей среды (ст. 57).

Новая глава "Оборона страны" включена в конституцию в 1992 г. и сохранена неизменной в 1998 г. Главная, по нашему мнению, из четырех ее статей гласит: "Государство осуществляет идейно-политическое вооружение армии и народа и на этой основе проводит в жизнь военную линию на самооборону, основным содержанием которой является вооружение всего народа, превращение всей страны в крепость, превращение всей армии в кадровую и

ее модернизация" (ст. 60). В сжатом виде здесь сформулированы основные принципы современной оборонительной политики КНДР.

КНДР принадлежит к числу стран, которые за рубежом, в том числе и у нас, нередко критикуют по вопросам соблюдения прав человека. Между тем глава "Основные права и обязанности граждан" - одна из самых крупных в конституции КНДР, причем три четверти ее содержания посвящено как раз правам граждан. В 1992 г. расширена статья о неприкосновенности личности, граждане не могут быть подвергнуты не только аресту (этим ограничивается статья 64 конституции 1972 г.), но и задержанию и обыску жилища иначе, как на основании закона (ст. 78). В 1998 г. введена новая, весьма актуальная для КНДР статья, предоставляющая гражданам свободу проживания и передвижения. (ст. 75).

По-новому и значительно полнее изложен теперь вопрос о свободе совести в КНДР. В 1972 г. он формулировался кратко: "Гражданам КНДР предоставляется свобода совести и антирелигиозной пропаганды" (ст. 54). А вот как это выглядит в варианте 1992 г. : "Гражданам предоставляется свобода совести. Это право обеспечивается разрешением построения религиозных зданий и исполнения религиозных обрядов. Никому не разрешается использовать религию как средство для проникновения внешних сил и нарушения государственного, общественного порядка" (ст. 68). Данная статья отражает принятую в КНДР в последнее время линию на допущение более широкого участия религиозных организаций в общественной жизни республики и их представительства в зарубежных религиозных движениях. Вероятно, поэтому снят пункт о свободе антирелигиозной пропаганды. Вместе с тем, и, наверное, не без причин, заявлено о недопустимости использования религии в подрывных целях.

Наряду с правами несколько расширены в конституции и обязанности граждан. Их перечень в варианте 1992 г. начат с новой статьи: "Граждане обязаны решительно защищать идейно- политическое единство и сплоченность народа"(ст. 80), что явно отражает растущую заботу о сохранении и упрочении стабильности общества в КНДР. Статья о соблюдении гражданами законов государства и социалистических норм поведения дополнена фразой о необходимости для них "охранять честь и достоинство гражданина КНДР" (ст. 81). Из статьи с требованием повышать революционную бдительность и самоотверженно бороться за безопасность государства изъяты связанное с этим прежде упоминание о "происках империалистов и враждебных элементов всех мастей, выступающих против социалистического строя нашей страны", а также обязанность граждан строго беречь государственную тайну (ст. 85).

Большой проблемой для всех корейцев, и в Северной, и в Южной Корее, остается затянувшийся раскол страны. Эта проблема постоянно находится в центре внимания руководства КНДР. Откликнулась на нее, конечно, и конституция. Полезно, как нам кажется, сравнить формулировки политики КНДР в вопросах национального воссоединения 1972 и 1992 гг. В 1972 г. заявлялось, что КНДР борется "за изгнание внешних сил, достижение мирного объединения Родины на демократических началах и полной национальной независимости в масштабах всей страны" (ст.5). По варианту 1992 г., КНДР борется "за осуществление воссоединения Родины на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и великой национальной консолидации" (ст.9).³ Вторая формулировка более конкретна, она фиксирует те три принципа, которые в настоящее время считаются основополагающими для объединительной политики КНДР. Вместе с тем, в ней отсутствует требование "изгнания внешних сил", что также высвечивает некоторые сдвиги в подходе КНДР к международному аспекту корейской проблемы.

* * *

Выше отмечены наиболее значительные, на наш взгляд, изменения в принципиальных основах функционирования государства в КНДР. Теперь необходимо рассмотреть конституционные положения о государственном устройстве КНДР, в котором за последние годы произведены, пожалуй, еще более крупные перемены.

“Социалистическая конституция КНДР” 1972 г. ввела пост президента республики, который “является главой государства и представляет государственную власть КНДР” (ст.89). Вариант 1992 г. опустил слова “государственную власть” и записал, что президент только “представляет КНДР” (ст. 105). Гораздо важнее другое: из прежних полномочий президента было исключено одно из главных- что он является Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами КНДР и председателем комитета обороны, руководит всеми Вооруженными силами государства.⁴ Следует иметь в виду, что это делалось сравнительно незадолго до кончины президента КНДР Ким Ир Сена и, видимо, нацеливалось на сужение реальных властных полномочий будущего президента, придание ему в большей мере представительских функций.

Однако вариант конституции, принятый в сентябре 1998 г., пошел совершенно по иному пути. Он вообще упразднил пост президента КНДР. Утверждается, что первым президентом КНДР был Ким Ир Сен, который и должен остаться единственным в этом качестве в памяти народа и истории страны.

Вместе с постом президента в 1998 г. ликвидирован и находившийся под его руководством Центральный Народный Комитет, считавшийся прежде “высшим руководящим органом власти” КНДР. Ему предоставлялись обширные полномочия (разработка внутренней и внешней политики и мер ее реализации, руководство деятельностью правительства и местных органов власти, надзор за исполнением конституции, законов и постановлений, назначение высших должностных лиц и т.д.). Теперь эти полномочия распределены среди других высших органов государства, о которых речь ниже.

С 1992 г. в конституцию включен новый раздел “Комитет обороны КНДР”. Этот орган, руководимый прежде самим президентом, упоминался и в первоначальной редакции документа, но теперь ему посвящен отдельный раздел. Из того, что этот раздел в варианте 1992 г. помещен сразу же после раздела о президенте, в 1998 г. - после раздела о Верховном Народном Собрании, и в обоих случаях- выше раздела о правительстве, можно заключить, насколько высоко место Комитета обороны в современной государственной структуре КНДР.

По конституции, Комитет обороны “является высшим военным руководящим органом государственной власти КНДР” (ст. 111). Его председатель “командует и руководит всеми вооруженными силами” (ст. 113). В функции комитета обороны входят: руководство всеми Вооруженными силами и оборонным строительством государства; назначение и освобождение от должности главных военных кадров; учреждение воинских званий и присвоение генеральских и более высоких званий; в чрезвычайных случаях объявление военного положения и издание приказа о мобилизации (ст. 114). В большинстве своем эти функции ранее принадлежали президенту, Центральному Народному Комитету и правительству. Теперь они целиком переданы Комитету обороны.

Когда в сентябре 1998 г. была принята новая редакция конституции КНДР, некоторые наши СМИ, не очень разобравшись в ней, объявили Комитет обороны высшим органом государственной власти в республике. Возможно, их сбilo с толку то, что председателем Комитета обороны тогда же

был переизбран нынешний лидер КНДР, Генеральный секретарь ЦК ТПК Ким Чен Ир, что, естественно, повышало и без того высокую значимость этого органа. Но в 1998 г. оставлен в основном без изменений изложенный выше текст о функциях Комитета. Добавлено только, что Комитет обороны является также органом управления всеобщей государственной обороной (в соответствии с принятой в КНДР концепцией общенародной обороны), а его председатель, помимо командования Вооруженными Силами, руководит всей работой по государственной обороне (ст. 100, 102).

Высшим органом законодательной власти в КНДР является Верховное Народное Собрание (ВНС). С 1992 г. его избирают не на 4 года, как раньше, а на 5 лет. "Если из-за неизбежных обстоятельств выборы не могут состояться в срок, то Верховное Народное Собрание сохраняет свои полномочия вплоть до новых выборов" (ст. 90).

Новые варианты конституции значительно расширили полномочия ВНС. Оно получило теперь право не только избирать, но и отзывать президента (когда такой пост существовал), не только избирать, но и отзывать председателя Комитета обороны (прежде- лишь его заместителей); не только утверждать государственный план развития народного хозяйства и государственный бюджет, но и заслушивать отчеты об их исполнении; в случае необходимости заслушивать доклады центральных государственных органов, созданных ВНС, и принимать по ним соответствующие меры; утверждать ратификацию и денонсацию договоров, предлагаемых на рассмотрение ВНС, и т.д. (ст.91). Увеличено количество комиссий, создаваемых ВНС, их функции также расширены (ст. 98).

Некоторые изъятия в прерогативах ВНС КНДР пока не совсем понятны. Так, в "Социалистической конституции КНДР" 1972 г. записано, что ВНС принимает конституцию и вносит в нее необходимые изменения (ст.76). В 1992 г. за ВНС оставлено только внесение изменений в конституцию (ст.91), а в 1998 г. - поправки и дополнения к ней (ст.91). Возможно, это потому, что "Социалистическая конституция КНДР" 1972 г. считается принятой раз и навсегда, все последующие изменения и дополнения допустимы лишь на ее основе. И еще одно. Вариант конституции 1998 г. исключил из полномочий ВНС прежнее его право решать вопросы войны и мира (ст. 91), причем оно не передано какому-либо другому органу государства. Остается только предполагать, что это продиктовано исключительно демонстрацией мирных устремлений КНДР.

Важным новшеством 1998 г. в системе органов представительной власти явилось существенное расширение функций Постоянного совета ВНС, который теперь по-русски именуется Президиумом ВНС. Ранее это был по преимуществу рабочий орган ВНС, занимавшийся в основном организацией деятельности ВНС и его комиссий, работой с депутатами, межпарламентскими связями и т.д., хотя ему предоставлялись и некоторые законодательные и контрольные права (в перерывах между сессиями ВНС), Должность председателя Постоянного совета занимал по совместительству председатель ВНС. Теперь роль Президиума ВНС значительно повышена, ему в 1998 г. даже посвятили самостоятельный раздел конституции. В период между сессиями ВНС Президиум является высшим органом власти. К имевшимся полномочиям добавлено много новых, принадлежавших прежде президенту, а в еще большей степени- Центральному Народному Комитету (рассмотрение и утверждение в перерывах между сессиями ВНС проектов государственных планов, бюджета и мер по их урегулированию; контроль за исполнением конституции и законов, отмена противоречащих им постановлений; осуществление кадровых назначений; ратификация и денонсация договоров с другими странами; назначение и отзыв дипломатических представителей КНДР; изме-

нение административного устройства страны и т.д.). Прежнее совместительство должностей в ВНС отменено. Председатель Президиума ВНС должен отдельно избираться ВНС. Он, по конституции, не только руководит работой Президиума, но и представляет государство, принимает верительные и отзывные грамоты послов других стран (ст. 106, 109, 111). Примечательно, что в состав Президиума ВНС могут включаться несколько "почетных заместителей" председателя. Это те депутаты ВНС, которые длительное время участвуют в работе по государственному строительству и внесли в нее выдающийся вклад (ст. 108). Ясно, что имеются в виду ветераны революции, представители старшего поколения государственных деятелей.

Правительство КНДР с 1972 г. именовалось в конституции "Административным советом". В 1998 г. ему вернули название, введенное еще конституцией 1948 г. - "Кабинет министров". Несколько повышен и его статус: если раньше правительство значилось как "административный исполнительный орган высшего органа государственной власти", то теперь добавлено, что это "общегосударственный орган управления" (ст. 117). Соответственно расширены и его функции: принятие мер к реализации политики государства; введение, на основе конституции и законов, правил управления государством, их исправление и дополнение; контроль за соблюдением порядка в управлении государством и т.д. (ст. 119). Вновь избранный председатель Кабинета министров, представляя на утверждение ВНС состав правительства, приносит при этом присягу: с 1992 г. - президенту республики, с 1998 г. - Верховному Народному Собранию (ст. 126).

Подверглась реконструкции в КНДР и система местных органов власти. Изначально она состоит из провинциальных (городов центрального подчинения), городских (районных в крупных городах), уездных Народных собраний и избираемых ими соответствующих Народных комитетов. Народные собрания провинций и городов центрального подчинения (и их Народные комитеты) избирались на 4 года, остальные - на 2 года. В 1992 г. для всех местных органов власти установили единый срок деятельности - 4 года (ст. 135).

"Социалистическая конституция КНДР" 1972 г. распределила функции местных органов власти следующим образом: Народные собрания, в рамках своих полномочий, принимают необходимые постановления; Народные комитеты организуют их работу, обеспечивают реализацию принятых постановлений, руководят нижестоящими Народными комитетами, государственными органами и предприятиями на своей территории. Для конкретной практической работы (составление и осуществление местных планов и бюджета, исполнение постановлений и распоряжений своих и вышестоящих органов, обеспечение общественного порядка и т.д.) тогда же были учреждены Административные комитеты, избираемые Народными комитетами всех уровней.

В 1992 г. Административные комитеты были преобразованы в Административно-экономические комитеты. Хотя формально, по конституции, их обязанности в основном остались прежними, но, судя по новому названию, в центре внимания этих комитетов должны были находиться экономические вопросы. Однако в 1998 г. Административно-экономические комитеты были упразднены. Видимо, их сочли излишней структурой, не способствовавшей единому и целенаправленному управлению местными делами, в том числе экономикой. Возложенные на них обязанности передали Народным комитетам, что, надо надеяться, сделает более рациональной и эффективной работу местных исполнительных органов (ст. 141).

Говоря в целом о новых положениях конституции КНДР относительно всей системы государственной власти, нельзя не отметить некоторые элементы ее демократизации. Так, с 1992 г. избиратели получили возможность "в любое время отозвать избранного ими самими депутата, если он утратит ока-

занное ему доверие" (ст.7). Выше упоминалось о праве депутатов ВНС избирать и отзывать президента республики (когда таковой был) и председателя Комитета обороны КНДР. Депутаты Народных собраний более низкого уровня также теперь могут отзывать избранных ими руководителей. Правда, депутатская неприкосновенность распространена только на членов ВНС. Причем в 1998 г. в эту их привилегию внесено определенное ограничение: депутат ВНС не может быть арестован и наказан без согласия ВНС, а в период между сессиями- Президиума ВНС, за исключением случаев совершения ими преступлений при свидетелях (ст.99).

Всем органам представительной власти, начиная с Президиума ВНС, а также Кабинету министров конституция с 1998 г. предписывает проводить пленарные заседания и заседания президиумов. В работе пленума должен участвовать весь состав данного органа для обсуждения наиболее важных вопросов, входящих в его компетенцию. Президиум состоит из председателя, его заместителей, секретаря и рассматривает вопросы, порученные ему пленумом. В статьях конституции, требующих от государственных и общественных учреждений и предприятий, рядовых граждан исполнения законов, распоряжений и правил, теперь на первое место ставят необходимость соблюдения конституции, проявляя таким образом желание повысить значимость этого основополагающего документа.

Последние из выявленных нововведений в конституции КНДР касаются ее государственной символики. В описании государственного герба 1972 г. сказано, что на нем изображена "мощная гидроэлектростанция", но не пояснено, на фоне какой горы она расположена (ст. 147). Вариант 1992 г. уточнил: над гидроэлектростанцией на гербе помещена "священная гора революции- Пэкту" (ст. 168).⁵ Тогда же впервые указано, что "государственным гимном Корейской Народно- Демократической Республики является "Патриотическая песня" (ст. 170)⁶.

* * *

Подводя некоторые итоги прошедших в КНДР изменений конституционного строя, приходится прежде всего констатировать, что общая схема государственного устройства республики в 1998 г. вернулась к той, которая существовала до 1972 г.: Верховное Народное Собрание-Президиум ВНС- Кабинет министров- местные органы власти. Естественно, что первоначальная схема возрождается на значительно более высоком качественном уровне. Она дополнена сейчас лишь Комитетом обороны КНДР, которому отведено очень важное место в структуре высших органов власти, и Народными собраниями (помимо Народных комитетов) в сфере местного самоуправления. Учрежденные в 1972 г. пост президента республики, Центральный Народный Комитет, местные Административно- экономические комитеты по разным причинам упразднены.

"Социалистическая конституция КНДР" 1972 г. практически сделала КНДР президентской республикой, где президент был наделен обширными высшими полномочиями (глава государства, председатель Центрального Народного Комитета, представляет на утверждение ВНС главу правительства, в случае необходимости сам проводит заседания правительства, Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами и т.д.). Теперь, при всех особенностях КНДР, можно говорить о ее превращении в парламентскую республику. Пост президента упразднен. Зато значительно повышена роль и расширены полномочия Верховного Народного Собрания, Президиума ВНС и всех остальных органов представительной власти, им дано явно больше возможностей направлять и контролировать исполнительную власть. В свою очередь и

исполнительной власти в лице Кабинета министров, Народных комитетов созданы условия для большей эффективности в работе.

Возведенное в ранг конституционного закона требование решать важнейшие вопросы на пленарных заседаниях государственных органов должно, по-видимому, содействовать утверждению коллегиального стиля их работы. Единоличного главы государства в лице президента в КНДР теперь нет. Его функции практически выполняет коллективный орган - Президиум ВНС во главе с его председателем. Конституция предусмотрела дальнейшее упрочение связей властных структур с народом, усиление ответственности депутатов перед избирателями, руководителей перед избравшими их депутатами, что также немаловажно для внедрения коллективных начал управления государством.

Как мы попытались показать, в конституционном строе КНДР за последние годы произошли большие изменения. С одной стороны, их цель - углубление и корректировка фундаментальных основ государства, совершенствование и повышение эффективности всех звеньев государственного механизма, увеличение их реальной способности решать стоящие перед республикой задачи и, в конечном счете, обретение дополнительных законодательных возможностей упрочения существующей в КНДР общественно-политической системы. С другой стороны, налицо стремление властей КНДР продемонстрировать через нововведения в конституции желание поднять государственное устройство республики до уровня современных требований, усилить в ней роль и влияние органов представительной власти, содействовать прогрессивным демократическим тенденциям в обществе, создать условия для социально-экономического и культурного развития страны, ее включения в общемировой цивилизационный процесс. Можно полагать, что все это не случайно и в какой-то мере отражает сложное переплетение явлений современной действительности КНДР. Результативность в ней новых конституционных установок будет зависеть, конечно же, от степени строгой приверженности им властей и народа в конкретной общественно-политической практике.

1. Статья основана на следующих изданиях: Конституция Корейской Народно-Демократической Республики 8 сентября 1948 г. - // Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики, М., 1952; Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. 27 декабря 1972 г. // Ким Ир Сен. Сочинения. Пхеньян, 1986; Т.27. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Принята на I сессии Верховного Народного Собрания КНДР пятого созыва 27 декабря 1972 года. В нее внесены изменения на III сессии Верховного Народного Собрания КНДР девятого созыва 9 апреля 1992 года. Пхеньян, 1993; Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. // Нодон Синмун. 1998. 6 сентября. При цитировании вариантов конституции 1972 и 1992 г. сохранен стиль официального перевода на русский язык, выдержки из варианта 1998 г. - в переводе автора.
2. В статье преимущественно цитируются конституционные положения 1992 г. Если по их поводу нет дополнительных указаний, это означает, что они сохранены и в редакции 1998 г.
3. Великая национальная консолидация подразумевает активное участие в мирном воссоединении Кореи не только официальных властей, но и политических партий, общественных организаций, всех патриотических сил Севера и Юга.
4. В Вооруженные Силы государства в КНДР включаются, помимо Вооруженных сил в обычном их смысле, некоторые полувойсковые формирования ("рабочая гвардия" и др.)
5. В 1972 г. это не было указано, возможно, из-за трений относительно территориальной принадлежности Пэктусана.
6. Авторы гимна КНДР - поэт Пак Се Ен, композитор Ким Вон Гюн.

Экономика

Восточноазиатский кризис и его влияние на развитие китайской экономической науки

© 1999

О. Борох

За последние два десятилетия китайская экономическая наука прошла путь динамичного развития. В конце 70-х - начале 80-х годов основное внимание китайские ученые уделяли переосмыслению марксистской политэкономии советского типа и пытались усовершенствовать ее с учетом изменившейся ситуации. В середине 80-х - начале 90-х годов экономическая мысль материкового Китая перешла к активным поискам нового теоретического инструментария в разработках восточноевропейских реформаторов и западных ученых-экономистов. С середины 90-х годов китайские исследователи все более фокусировались на изучении накопленного в Китае собственного опыта, его сравнении с ходом рыночных преобразований в других бывших социалистических странах и с моделями рыночного развития стран Восточной Азии. Многие исследователи приходили к выводу о том, что уникальный китайский опыт может стать основой для формирования новой теоретической концепции, способной бросить вызов монопольному господству неоклассической теории.

За годы реформ китайская экономическая теория вышла на качественно новый уровень в освоении западной экономической мысли, интерес к которой устойчиво возрастал в ходе двух последних десятилетий. Осознание китайскими учеными невозможности механического применения в Китае западных экономических рецептов основывается в наши дни не на идеологических запретах, а на значительно углубившемся по сравнению с уровнем конца 70-х годов пониманием проблем экономической теории и практики рыночных реформ.

С началом азиатского финансового кризиса китайская экономическая теория обрела новую важную тему для дискуссий. Китайские ученые предприняли попытку осмыслить уроки кризиса в странах Восточной Азии. Они стали пересматривать содержание "восточноазиатской модели" развития для того, чтобы помочь китайским реформаторам избежать ошибок, допущенных соседями Китая. Важно отметить, что эти дискуссии практически полностью основываются на западных теоретических концепциях.

Со второй половины 1997 г. азиатский кризис стал одной из центральных тем, обсуждаемых в периодических изданиях экономического профиля - газетах "Цзинцзи жибао", "Чжунго цзинцзи шибао", журналах "Гайгэ", "Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо", "Цзинцзи кэсюэ", а также в популярных у китайской интеллигенции теоретических журналах "Чжаньлюэ юй гуаньли" и

“Ду шу”. Среди научных центров, уделивших особое внимание изучению событий в Восточной Азии, следует отметить Центр исследований развития при Госсовете КНР, где была создана специальная группа по отслеживанию международных финансовых колебаний, Национальный институт экономических исследований при Китайском фонде реформы, а также институты Академии общественных наук Китая (Институт экономики, Институт количественных экономических исследований и др.).

В конце 1997 г. - начале 1998 г. в КНР состоялись многочисленные научные конференции, на которых обсуждалась ситуация в Восточной Азии. Китай посетили ведущие ученые из стран, затронутых финансовым кризисом (прежде всего из Южной Кореи). Были приглашены и ведущие западные специалисты - например, в июле этого года в Китае побывал старший вице-президент и главный экономист Всемирного Банка, профессор Стэнфордского университета Дж.Стиглиц. Он выступил в Пекинском университете с программной лекцией “Стратегия второго поколения для китайских реформ” и встретился с рядом ведущих государственных руководителей. С оценкой событий в Восточной Азии выступили приглашенные в КНР экономисты китайского происхождения, работающие в Северной Америке. Помимо проведения круглых столов и конференций, на китайский язык были переведены многие зарубежные публикации на темы кризиса. В китайских журналах появились статьи первого заместителя директора-распорядителя МВФ С.Фишера, Дж.Стиглица, лауреата Нобелевской премии, профессора Йельского университета Дж.Тобина, директора Института международного развития Гарвардского университета Дж.Сакса¹.

К моменту неожиданного начала восточноазиатского кризиса летом 1997 г. Китай уже располагал собственными квалифицированными теоретиками, способными прогнозировать и анализировать развитие ситуации в регионе. Уже в первой половине 90-х годов в китайской экономической печати появлялись публикации, посвященные анализу проблем экономики “мыльного пузыря”. Задавшись целью “извлечь уроки из финансового кризиса в других странах и способствовать здоровому развитию китайского рынка ценных бумаг”, начиная с 1993 г. журнал “Гайгэ” начал проводить специальные обсуждения проблем предотвращения финансового кризиса². В 1993 г. на страницах журнала появились статья профессора Чжу Шаовэня “Лопнувшая экономика мыльного пузыря в Японии и ее уроки” и публикация Сунь Юньсюаня о взлете экономики Тайваня, предупреждавшая, что материковый Китай также должен предотвращать “денежные игры” (*цзиньцянь юси*) на финансовом рынке. Тема получила развитие в 1994 г. в редакционной статье Сюэ Сяохэ “Как остров Тайваня попал в ловушку “денежных игр””. Важно отметить, что эта публикация привлекла внимание Чжу Жунцзи, занимающего сегодня пост премьера Госсовета КНР, и была перепечатана в “Жэньминь жибао”. Были и другие статьи, которые с позиции сегодняшнего дня оцениваются китайскими экономистами как ранний сигнал предупреждения, что и в Китае может подняться волна финансовых спекуляций³.

В Китае не прошла незамеченной статья американского экономиста П.Кругмана “Миф об азиатском чуде”⁴. Утверждения П.Кругмана о том, что высокие темпы роста “маленьких тигров” не могут быть долговременными, а само понятие “азиатского века” ошибочно, поскольку строится на неверном анализе, китайский экономист У Цзинлянь сравнил с “ушатом холодной воды”, вызвавшим оживленные дискуссии в мире⁵. В 1995 г. он с сожалением отмечал, что по отношению к этим спорам Китай “проявил себя довольно холодно, даже, можно сказать, безразлично”⁶. Ученый подчеркивал, что многие

в Китае пребывают в упоении от высказываний типа "XXI век - век Азии" или "континентальный Китай - 8-й дракон" и не проявляют энтузиазма в исследовании политических источников "азиатского чуда". "Для Китая, являющегося одной из стран Восточной Азии, такую позицию нельзя назвать нормальной. Чтобы достигнуть прогресса, мы должны не только внимательно изучать анализ политических причин чуда, проведенный теми, кто поддерживает мнение о чуде, но и взгляды тех, которые подобно Крутману, специально указывают на недостатки азиатского развития и даже полностью отрицают существование "азиатского чуда". Только тогда можно узнать о чужих достоинствах, избежать чужих ошибок, стабильно развиваться высокими темпами"⁷.

Китайские экономисты откликнулись на призыв У Цзинляня и начали в 1995 г. дискуссию по поводу пессимистического прогноза П.Крутмана. Большинство участников обсуждения выразило свое несогласие с позицией американского ученого, одновременно признавая важность его предупреждения. Ло Чжаохун, к примеру, хотя и выступил против проявленного Крутманом "чувства превосходства", но в то же время заявил, что "преклоняется перед его духом идти наперекор". "Он [Крутман] говорит, что надо вылить ушат воды на настроения воодушевления по поводу "азиатского чуда". Я же надеюсь, что эта вода сможет промыть головы одному или даже нескольким поколениям азиатских политиков, принимающих решения"⁸. Ло Чжаохун подчеркнул, что "китайцы должны еще более внимательно, чем другие азиаты, прочитать статью Крутмана, досконально исследовать его предостережение. Причина в том, что Китай является страной, где легче всего может быть допущена ошибка стремления к темпам и пренебрежения качеством"⁹.

В настоящее время китайские ученые указывают на наличие в своих рядах экономистов, хотя бы отчасти предсказавших наступление нынешнего азиатского кризиса. С позиций сегодняшнего дня по-новому было осмыслено прозвучавшее летом 1996 г. выступление известного экономиста китайского происхождения Лю Цзуньи (Lawrence Lau - Лоренс Лау, Стэнфордский университет) на международной конференции "Китай - движение к современной финансовой системе". Тогда он предположил, что подобный мексиканскому финансовый кризис может в ближайшее время начаться и в Азии. Из приведенных им расчетов следовало, что наиболее уязвимыми среди азиатских стран являлись Филиппины и Таиланд: из десяти факторов, приведших к кризису в Мексике, на Филиппинах можно было обнаружить 6, а в Таиланде 8¹⁰.

Вклад азиатских ученых в исследование экономических основ "восточноазиатского чуда" признается и на Западе. В марте 1998 г. Дж.Стиглиц во время выступления на Азиатском форуме развития в Маниле подчеркнул важность исследований, проведенных Лю Цзуньи. Его доклад был оперативно переведен на китайский язык¹¹. Примечательно, что критическая фраза Дж.Стиглица по поводу "неосновательности" мнения Лау и некоторых других исследователей о том, что "азиатское чудо" строится исключительно на высоком уровне инвестиций, в китайском переводе была пропущена¹².

Потрясения на мировых финансовых рынках возникали и ранее, но в целом они не вызывали в китайских экономических кругах такого интереса, как современные события в Восточной Азии. Финансовый кризис 1994 г. в Мексике казался ученым КНР далеким от реалий китайской экономики из-за глубоких различий в политической и экономической ситуации и совершенно иного культурного фона. Проблемы в финансовом секторе Японии, обострившиеся на рубеже 90-х годов, хотя и изучались в Китае, однако оценивались китайскими экономистами как проблемы страны со значительно более высоким уровнем экономического развития.

Финансовый кризис в соседних с Китаем странах Восточной Азии, сходных с ним по характеру экономических проблем и уровню развития, а также культурно близких ему, непосредственно затронул интересы Китая и стимулировал оживленные научные дискуссии. Со второй половины 1997 г. практически все экономические издания заполнены публикациями на тему восточноазиатского кризиса. При этом масштабность и интенсивность дискуссий дает основания предполагать, что идет формирование нового этапа в развитии современной китайской экономической теории. Если ранее в Китае главное внимание уделялось обсуждению достоинств восточноазиатской экономической модели, то в последнее время центральное место отводится анализу ее уязвимых мест и путей их реформирования.

Круг вопросов, обсуждаемых китайскими учеными в связи с событиями в Восточной Азии, чрезвычайно широк. Публикуются статьи, посвященные анализу ситуации в отдельных странах региона, внутренним и внешним причинам кризиса; приводятся детальные хронологии событий, дается подробная информация о политике международных финансовых организаций, о зарубежных оценках восточноазиатского кризиса. Исследователи анализируют сущность "восточноазиатской модели" развития и задаются вопросами о том, означает ли финансовый кризис ее конец и какова будет дальнейшая судьба связываемых с этой моделью "азиатских ценностей". В газете "Цзинцзи жибао" появилась серия статей под рубрикой "Наступил ли кризис восточноазиатской экономической модели?"¹³, а специальный номер газеты "Чжунго цзинцзи шибао" был посвящен обсуждению вопроса: "Устарела ли восточноазиатская модель?"¹⁴.

Ведущие китайские экономисты отдают себе отчет в том, что уровень теоретических исследований азиатского финансового кризиса в мировой экономической науке выше, чем в Китае. По словам У Цзинляня, "дискуссии по вопросам финансов, моделей развития, международных политических отношений в мире намного глубже китайских"¹⁵. По этой причине китайские ученые при обсуждении экономических трудностей своего региона активно применяют западные теоретические концепции и заимствованные аналитические инструменты. Кризисная ситуация потребовала от науки оперативного анализа и адекватного прогнозирования экономических процессов. В сложившихся условиях китайские исследователи как никогда остро ощутили ограниченные возможности применения к решению этих задач идеологизированных экономических концепций—"лозунгов" - как господствовавшей в дореформенный период теории планового централизованного хозяйства, так и выросшей на основе былого долговременного регионального роста концепции "конфуцианского капитализма". В то же время необходимо подчеркнуть, что китайские теоретики отбирают западный материал с точки зрения своих прагматических интересов.

Особое внимание к статьям и выступлениям Дж.Стиглица может быть объяснено не только авторитетом и глубиной научных разработок ученого, но близостью консенсусных позиций китайских ученых к идеям Дж.Стиглица. К общим взглядам, разделяемым как Дж.Стиглицем, так и большинством китайских ученых, можно отнести, во-первых, признание реальности "азиатского чуда", которое не ставится под сомнение начавшимся кризисом в Восточной Азии; во-вторых, критику упрощенных моделей экономических расчетов, используемых на Западе для выдачи политических рекомендаций другим странам; в-третьих, признание особой роли государства в экономических процессах - с точки зрения Дж.Стиглица, проблема состоит не в чрезмерном вмешательстве государства, а в том, что оно недостаточно или осуществляется ненадлежащим образом.

Повышенный интерес в Китае вызвали публикации Дж.Сакса, посвященные проблемам финансового кризиса. В последний год о его взглядах пишут практически во всех экономических изданиях, а также в популярных среди китайской интеллигенции журналах "Ду шу" и "Чжаньлюэ юй гуаньли"¹⁶. Нет необходимости напоминать, что еще совсем недавно Дж.Сакса в Китае критиковали как автора концепции "шоковой терапии", пронизанной западными политико-идеологическими предрассудками и совершенно неприменимой для перехода к рыночной экономике¹⁷. Его предложения радикально преобразовать плановую экономическую систему противопоставлялись китайскому постепенному подходу к реформам. Однако статья с критикой деятельности МВФ, озаглавленная "МВФ есть сила-для-себя" ("The IMF is a Power Unto Itself" - в переводе на китайский язык - "Кто будет контролировать Международный валютный фонд?"), опубликованная в декабре 1997 г. в "Financial Times", превратила Дж. Сакса в теоретического союзника китайских экономистов. В китайских публикациях часто цитировались следующие слова Дж.Сакса: "Не поддается логике мысль о том, что маленькая группа из 1000 экономистов на 19-ой стрит в Вашингтоне должна диктовать экономические условия жизни 75 развивающимся странам с населением в 1,4 миллиарда человек. Эти люди составляют 57 % развивающегося мира, кроме Китая и Индии (которые не включены в программы МВФ)... Это примерно по семь экономистов на страну"¹⁸.

Особую заинтересованность и явную поддержку вызвали у китайских экономистов критика Дж.Саксом проводимой МВФ политики в охваченных кризисом странах Азии. По его мнению, МВФ "подливает масло в огонь", разжигает панику и нагнетает пессимистические настроения¹⁹. Разрушительное для азиатских экономик бегство иностранных инвесторов связывалось не с плохой экономической ситуацией, а с волной безосновательной паники и столь же необоснованных попыток МВФ навязать этим странам политику жесткой экономии. Китайские ученые обоснованно опасаются, что в случае развития кризисной ситуации в их стране обращение Пекина за помощью в МВФ приведет к тому, что фонд поведет себя так же, как и в других азиатских странах и предложит тот же самый набор рецептов. В настоящее время в Китае проблемы дефляции и падения платежеспособного спроса стоят очень остро поэтому навязываемый МВФ режим жесткой экономии может иметь для страны негативные последствия.

Критикуя предлагаемые МВФ антикризисные меры, китайские ученые также ссылаются на мнение лауреата Нобелевской премии Дж.Тобина. Статья Дж.Тобина "Почему мы должны насыпать песка в зубчатые колеса рынка?" ("Why We Need Sand in the Market's Gears?"), опубликованная в декабре 1997 г. в газете "Washington Post", была перепечатана журналом "Гайгрэ", ее основные положения были изложены на страницах журнала "Ду шу"²⁰. Особое внимание в Китае привлекла критическая оценка Дж.Тобином мер МВФ, направленных на усиление "прозрачности" рынков. В китайской печати часто цитировался заключительный вывод статьи Дж.Тобина, созвучный позиции многих китайских экономистов, выступающих за постепенную экономическую и финансовую либерализацию: "Некоторые заявляют, что либерализация валютного рынка и глобализация - путь к процветанию и прогрессу. Однако развитие событий, подобное тому, которое было в Восточной Азии, ставит под сомнение эту точку зрения. Только когда мир будет разделен на различные суверенные страны и в колеса международных валютных сделок будет добавлено немного песка, их движение, возможно, не будет таким гладким, однако принесет больше пользы"²¹.

Призывы Дж.Сакса и некоторых других западных экономистов к реформе МВФ также хорошо согласуются с идущими внутри Китая дискуссиями о создании нового мирового экономического порядка²². За похвалами своему руководству и утверждениями о том, что Китай "хорошо себя проявил" во время азиатского кризиса, воздержавшись от девальвации своей валюты, просматривается желание Китая играть более активную роль в мировых финансовых организациях.

Тезис о позитивной роли Китая особенно очевидно прослеживается на страницах официально-пропагандистских изданий. В качестве примера можно привести опубликованную в марте 1998 г. в "Бэйцзин ревью" статью Дай Сяохуа, построенную вокруг тезиса о том, что Китай вносит важный вклад в стабильность в Азии и стремится облегчить давление бремени кризиса на весь регион в целом²³. Обосновывая свою позицию ссылками на западные публикации, автор заключает, что "Китай больше не является крупной экономической державой, учитывающей только свои интересы, а скорее глобальной экономической, торговой и финансовой страной, взявшей на себя намного большую ответственность, чем когда-либо ранее. Люди должны быть уверены, что трудности в финансовом кризисе в Восточной Азии могут быть преодолены с помощью Китая и усилий восточноазиатских стран. Улучшенная азиатская модель наполнит регион новой жизненной силой и энергией"²⁴.

Примечательно, что трудности в Азии рассматриваются Дай Сяохуа в связи с проблемами китайского противостояния американскому доминированию в контексте международных политических споров. По его словам, некоторые люди на Западе, "особенно американцы, заявляют, что восточноазиатская модель устарела, надеясь заменить ее американской моделью... Конечной целью США, провоцирующих конфликт между американской и восточноазиатской моделями, является просачивание "американского экономического либерализма" в эти восточноазиатские страны, и создание тем самым основы для проникновения "американской демократии" и "американских прав человека" в Азию"²⁵.

Следует обратить внимание на различие интонации и содержания публикаций на темы кризиса в пропагандистской и серьезной научной печати. В официальной прессе преобладают оптимистические интонации, а основной лейтмотив может быть описан названием упоминавшейся выше статьи Дай Сяохуа - "Восточноазиатская модель" - немножко проблем, но она работает". В научных изданиях глубина озабоченности кризисом выражена намного более очевидно.

Центральной проблемой теоретических разработок китайских экономистов является изучение воздействия восточноазиатского кризиса на Китай. Основное внимание ученые КНР уделили анализу следующих ключевых вопросов: почему Китай остался невовлеченным в финансовый кризис, в чем заключается влияние кризиса на китайскую экономику, каковы уроки кризиса для будущего экономического развития Китая.

Стране необходимо извлечь уроки и предпринять необходимые меры для предотвращения подобных событий в самом Китае. Несмотря на различия в экономических и политических системах Китая и соседних с ним стран, ученые обратили внимание на сходство имеющих у них уязвимых мест. Как писал У Цзинлянь, "надо твердо уяснить, что те глубинные проблемы, которые существуют в затронутых кризисом странах, есть и в нашей стране"²⁶. Прежде всего стоит упомянуть о слабости финансового сектора и в особенности банковской системы. Во-вторых, это проблема экономической эффективности крупных предприятий. В-третьих, серьезные опасения вызывает особая роль неформальных связей в экономике и распространенная коррупция среди чиновников.

Решение всех этих вопросов представляется важным для того, чтобы обеспечить продолжение устойчивого роста китайской экономики. Однако для этого необходимы дальнейшие реформы. Некоторые китайские ученые полагают, что кризис стал для Китая благом. Кризис заставил серьезно задуматься об углублении экономических преобразований. По мнению директора Национального института экономических исследований Фань Гана, кризис "оказал положительное воздействие на реформу госпредприятий в Китае, внедряя широкое признание ее необходимости, даже безотлагательности. Все азиатские проблемы - банки, предприятия, политическая протекция - возможно, еще острее стоят в Китае. В прошлом было немало сомнений относительно реформы собственности, включая приватизацию. Теперь настроения людей в пользу основательного реформирования госсектора, слияния предприятий и реорганизации активов стали очень сильны. Все слои общества думают о значении [кризиса], что хорошо для реформ"²⁷.

Китайские экономисты осознают, что дальнейшее промедление с реформированием банковской системы и госпредприятий может привести к тому, что новая волна кризиса затронет Китай. Их пугает, что при такой ситуации преобразования в их стране будут направлять внешние силы (наподобие международного финансиста Дж. Сороса или же МВФ), как это уже происходит в соседних с Китаем странах.

Кризис также заставил переосмыслить вопрос о том, как следует относиться к заимствованию зарубежного опыта. Это относится прежде всего к "корейской модели". На фоне кризиса в Корее в Китае развернулись острые споры о том, стоит ли повторять ту парадигму индустриального развития, которой следовала Корея в 60-70-е годы²⁸. Во второй половине 1997 г. главным направлением реформирования китайских государственных предприятий считалось укрупнение и слияние в конгломераты, напоминающие южнокорейские *чэболь*. Создание крупных конгломератов может помочь китайской промышленности повысить конкурентоспособность на внутренних и внешних рынках. Однако продолжающийся кризис в Корее усиливает аргументацию тех ученых, которые оспаривают эту стратегию, полагая, что она приведет к превращению убыточных госпредприятий в убыточные *чэболь*. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о полном отказе от дальнейшего использования корейского опыта, а о том, чтобы не повторять его недостатки.

Корейский путь все чаще противопоставляется подаваемому в позитивном ключе опыту "провинции Тайвань" и разработанной там модели экономического развития, строящейся на основе мелких и средних предприятий²⁹. Китайских ученых также очень волнует тайваньский опыт превентивных мер по борьбе с влиянием восточноазиатского кризиса.

Дискуссии на тему кризиса идут и в тайваньских экономических кругах. Помимо изучения общих для всех азиатских стран проблем, в качестве специфики тайваньских дискуссий можно указать на обсуждение "особой роли" валютных резервов, связанное с сомнениями в том, что в случае необходимости МВФ придет на помощь непризнанному острову и будет заключать с ним какие-то официальные соглашения. Как подчеркивал заместитель главного управляющего Центрального Банка Тайваня, бывший директор Института экономики Академии Синика Сюй Цзядун, для Тайваня "накопление достаточных валютных резервов имеет особое значение. Многие страны ЮВА, в случае атаки спекулянтов, могут просить МВФ о помощи, однако нашей стране, возможно, придется опираться на собственные силы, поэтому нам необходимо иметь относительно большие валютные резервы"³⁰. Основные темы теоретических дискуссий на Тайване не изменились, но лишь обрели в связи с

кризисом новое измерение. К ним относятся прежде всего дискуссии о свободной экономике и государственном вмешательстве. Аргументация и круг привлекаемых научных источников (Ф.Хайек - Дж.М.Кейнс; Р.Коуз - А.Пигу) изменились при этом весьма незначительно³¹. Особое внимание в ходе теоретических дискуссий было уделено критике "монетарного национализма", явившегося, по мнению тайваньских экономистов У Хуэйлиня и Се Цзунлиня, "главным виновником" современных финансовых потрясений, и обсуждению выдвинутого Ф.Хайеком проекта "денационализации денег"³², который предусматривал лишить государство монопольного права на денежную эмиссию³³.

В заключение отметим, что восточноазиатский кризис уже оказал значительное влияние на содержание китайских экономических дискуссий и проводимую в КНР экономическую политику. На наш взгляд, представляется обоснованным мнение профессора Фань Гана - одного из наиболее авторитетных экономистов современного Китая. Он полагает, что независимо от того, какое отрицательное влияние оказал или еще окажет на Китай этот кризис в будущем, основным для китайской экономической науки стало его позитивное воздействие. "...кризис в Восточной Азии можно сравнить с "бесплатным уроком" (или "бесплатным завтраком". - "free lunch", как пишет Фань Ган в своих англоязычных публикациях) - мы не заплатили большой цены, но получили глубокие уроки, как будто бы сами пережили кризис. Можно представить, что, если бы не было этого кризиса, мы не знали бы о вреде и серьезных последствиях проблем, связанных с государственными предприятиями, банковской системой, рынком капиталов и т.д., у нас не было бы появившегося сейчас "сознания кризиса" (*вэйцзи иши*), наоборот, мы продолжали бы идти по прежнему пути и даже продолжали бы изучать как положительный опыт некоторые сомнительные методы, применявшиеся в Корее и Японии (у них по-прежнему есть многие хорошие методы, которые следует изучать), в конце концов наши проблемы оказались бы более серьезными, чем в Юго-Восточной Азии, кризис был бы более тяжелым, заплаченная цена - большей"³⁴.

Сходной с Фань Ганом точки зрения придерживаются также и некоторые западные исследователи экономики Китая³⁵. По мнению Г.Джефферсона, "в долгосрочной перспективе кризис, потрясающий остальную часть Азии, является наиболее ярким, уместным и устрашающим уроком для китайского руководства, убеждающим его в безотлагательности реформ предприятий и банковской системы"³⁶. Отмечая негативное краткосрочное влияние кризиса на китайскую экономику, Т.Роски полагает, что долгосрочное воздействие кризиса на Китай может стать позитивным. Во-первых, Китай может воспользоваться уроками азиатского финансового кризиса (о необходимости устойчивых финансовых структур, об опасностях "кумовского капитализма"), не заплатив той огромной цены, которую заплатили Корея, Таиланд и Индонезия. Во-вторых, в "перетягивании каната" между "сторонниками роста" и "реформаторами" кризис смещает баланс сил в пользу выступающих за углубление реформ. В-третьих, события в Гонконге позволили китайцам приобрести ценный, полученный "из первых рук" опыт борьбы с финансовыми потрясениями, у них появилось "видение кризиса изнутри", которое поможет Китаю в будущем в случае прямой вовлеченности страны в финансовый кризис³⁷.

В настоящее время главный вопрос состоит в том, смогут ли китайские политики своевременно и серьезным образом усвоить уроки из экономического кризиса в соседних странах.

1. Фэйсиэр Сытаньли [Фишер С.]. Ячжоу вэйцзи - лай цзы IMF дэ и гэ цзяньцзе (Азиатский кризис - взгляд из МВФ) // Гайгэ. 1998. N 3. С.15-17; Сыдигэлици

- Юэсэфу [Стиглиц Дж.]. Хуань гэ ши цзяо кань вэйцзи (Взгляд на кризис с другой точки зрения) // Гайгэ. 1993. N 3. С.19-21; Сыдигэлици Юэсэфу [Стиглиц Дж.]. Цзиньжун вэньдин юй Ячжоу дэ кэ чиской фачжань (Стабильность финансов и устойчивое развитие Азии) // Цзинци шэхуэй тичжи бицзяо. 1998. N 3. С.1-12; Тобин Чжаньмусу [Тобин Дж.]. Вомэнь вэй шэммо яо цзай фэйсу чжуаньдун дэ шичан чилунь чжун сай шацзы? (Почему мы должны насыпать песка в быстро крутящиеся зубчатые колеса рынка?) // Гайгэ. 1998. N 2. С.23-25; Сакэсы Цзефули [Сакс Дж.]. Шуй лай цзяньду гоцзи хоби цзицинь цзучжи (Кто будет контролировать Международный валютный фонд) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1998. N 1; Сакэсы Цзефули [Сакс Дж.]. IMF хэ Ячжоу цзиньжун фэнбо (МВФ и волнения в международных финансах) // Гайгэ. 1998. N 3. С.23-28 др.
2. "Гайгэ" цзацжи ши нянь да ши цзи (Запись крупных дел журнала "Гайгэ" за десять лет") // Гайгэ. 1998. N 1. Предисловие. С.4.
 3. Там же.
 4. Krugman P. The Myth of Asia's Miracle // Foreign Affairs. November/December 1994. P.62-79.
 5. У Цзинлянь. "Дунъя цици" дэ чжэнцэ лайюань хэ Кэлутэмань цзяошоу дэ тяочжань (Политические источники "азиатского чуда" и вызов профессора Кругмана) // Гайгэ. 1995. N 2. С.5.
 6. Там же. С.6.
 7. Там же.
 8. Ло Чжаохун. "Дунъя цици" бин бу суйхуань - Ду Кэлутэмань цзяошоу дэ вэньчжан ю гань ("Азиатское чудо" вовсе не миф - Впечатления после чтения статьи профессора Кругмана) // Гайгэ. 1995. N 3. С.5.
 9. Там же. С.7.
 10. См.: Вэй Цзянин. Гоцзи цзиньжун фэнчао цишилу (Заметки об уроках волнений в международных финансах) // Чжунго цзинци шибао. 1997. 27 ноября; У Цзинлянь, Вэй Цзянин. Дунъя цзиньжун вэйцзи дэ инсян, циши хэ дуйцэ (Влияние азиатского финансового кризиса, его уроки и контрмеры) // Гайгэ. 1998. N 2. С.17.
 11. Сыдигэлици Юэсэфу [Стиглиц Дж.]. Цзиньжун вэньдин юй Ячжоу дэ кэ чиской фачжань (Стабильность финансов и устойчивое развитие Азии) // Цзинци шэхуэй тичжи бицзяо. 1998. N 3. С.1-12.
 12. Там же. С.3.
 13. Фань Чжиган. Дунъя цзинци моши ши шисянь сяньдайхуа дэ юсяо туцзин (Восточноазиатская экономическая модель - эффективный способ осуществления модернизации) // Цзинци жибао. 1997. 24 декабря; У Шумин. "Дунъя моши" ши фоу цзоудао цзиньтоу (Дошла ли "восточноазиатская модель" до предела) // Цзинци жибао. 1998. 3 февраля.
 14. Чэнь Гоцян. Цзиньжун вэйцзи: Дунъя моши дэ чжунцэ? (Финансовый кризис: конец азиатской модели?) // Чжунго цзинци шибао. 1997. 31 декабря; Ху Чи. Дунъя цзинци фэнбао бу кэ бимянь (Восточноазиатский финансовый кризис неизбежен) // Чжунго цзинци шибао. 1997. 31 декабря; Сюн Сяньлян. Цзиньжун вэйцзи бу нэн моша чжэнфу цзюон (Финансовый кризис не может зачеркнуть роли правительства) // Чжунго цзинци шибао. 1997. 31 декабря.
 15. У Цзинлянь. Цзюань шоу юй (Вступительное слово к номеру) // Гайгэ. 1998. N 3. С.4.
 16. Сакэсы Цзефули [Сакс Дж.]. Шуй лай цзяньду гоцзи хоби цзицинь цзучжи (Кто будет контролировать Международный валютный фонд?) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1998. N 1; Сакэсы Цзефули [Сакс Дж.]. IMF хэ Ячжоу цзиньжун фэнбо (МВФ и волнения в международных финансах) // Гайгэ. 1998. N 3. С.23-28; Шэммо ши гоцзи хоби цзицинь цзучжи дэ чжицзэ (В чем состоит обязанность Международного валютного фонда) // Ду шу. 1998. N 4. С.152-153.
 17. Ван Сяоцян. "Мочжэ шитоу го хэ". Цун Чжунго цзягэ гайгэ цзинъянь фаньбо "да баочжа" фанъянь ("Переходить через реку, нащупывая камни". Опровержение проекта "большого взрыва" исходя из опыта реформы цен в Китае) // Сянган шэхуэй кэсюэ сюэбао. Июль 1995 г. Спецвыпуск. С.109.

18. Sachs J. IMF is a Power Unto Itself // Financial Times. 1997. December 11; Ши Бин-цян. IMF дэ “яофан” дуй “чжэн” ма? (Подходит ли “рецепт” МВФ для [лечения] “болезни”?) // Цзиньжун шибао. 1997. 26 декабря.
19. Сакэсы Цзефули [Сакс Дж.]. IMF хэ Ячжоу цзиньжун фэнбо (МВФ и волнения в международных финансах) // Гайгэ. 1998. N 3. С.23-24.
20. Тобинь Чжаньмусы [Тобин Дж.]. Указ. соч.; Цзай шичан чилунь чжун сай шацзы (Насыпать песка в быстро крутящиеся зубчатые колеса рынка) // Ду шу. 1998. N 7. С.154-155.
21. Тобинь Чжаньмусы [Тобин Дж.]. Указ. соч. С.25; Цзай шичан чилунь чжун сай шацзы С.154-155.
22. См.: Дунгя цзиньжун вэйцзи юй гоцзи хоби цзицзинь цзучжи дэ цзюон: гоцзи таолунь. Гоцзи чжэнлунь дайлай лин жэнь шэнь сы дэ вэньти (Восточноазиатский финансовый кризис и роль Международного валютного фонда. Международные дискуссии ставят вопросы, заставляющие глубоко задуматься) // Гайгэ. 1998. N 3. С.13-15.
23. Dai Xiaohua. “East Asian Model”: A Few Problems, But It Works // Beijing Review. 1998. March 23-29. P.7-9.
24. Ibid. P.9.
25. Ibid.
26. У Цзинлянь. Цзюань шоу юй (Вступительное слово к номеру) // Гайгэ. 1998. N 2. С.4.
27. Asiaweek Online. 1998. May 15.
28. Линь Ифу. Дуннанья цзиньжун вэйцзи дэ цзингянь цзяосюнь юй вого дэ чанье фачжань чжэнцэ (Уроки опыта восточноазиатского финансового кризиса и политика индустриального развития нашей страны) // Цзинци кэсюэ. 1998. N 2. С.6-7; Фань Ган. Дунгя цзиньжун вэйцзи дуй во го дэ цзяосюнь: чжэнцэ, чжиду юй вэньцзи индуй (Уроки восточноазиатского финансового кризиса для нашей страны: политика, институты и ответ на кризис) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1998. N 2. С.59.
29. Линь Ифу. Указ. соч. С.7-8; Фань Ган. Дунгя цзиньжун вэйцзи... С.59.
30. Сюй Цзядун. Дуннанья цзиньжун фэнбо дэ цзяосюнь юй циши (Уроки и пища для размышлений из финансовых потрясений в Юго-Восточной Азии) // Цзинци цяньчжань. 1998. N 55. С.110.
31. Се Цзунлинь. Ян хан бу нэн ганью хуй ши (Центральный Банк не может вмешиваться в дела валютного рынка) // Цзинци цяньчжань. 1998. N 55. С.16-25; У Хуэйлинь, Се Цзунлинь. Гоцзи цзиньжун вэйцзи юй гоцзя хобичжуи (Международный финансовый кризис и монетарный национализм) // Цзинци цяньчжань. 1998. N 55. С.112-117, 128.
32. У Хуэйлинь, Се Цзунлинь. Указ. соч. С.114-117, 128.
33. См.: Капелюшников Р.И. Философия рынка Ф.Хайека // Мировая экономика и международные отношения. 1989. N 2. С.16.
34. Фань Ган. Дунгя цзиньжун вэйцзи... С.61.
35. Chang G., Jefferson G., Lardy N., Parker E. and Rawski T. Will China Catch the “Asian Flu”? // China Economic Review. 1998. Vol.9. N 1. P.96-101.
36. Ibid. P.98.
37. Ibid. P.99-100.

К вопросу о роли экономической науки в хозяйственной реформе КНР*

© 1999

Э.Пивоварова

Судить о роли экономической науки КНР в осуществлении тех или иных шагов хозяйственной реформы и решении многочисленных проблем на ее пути возможно лишь на основе анализа того, в какой мере она участвует в построении новой экономической политики государства.

Последние два десятилетия для экономической науки КНР явились годами переосмысления всего багажа знаний о закономерностях общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития общества.

Как подчеркивается в Китае на рубеже XXI века, после образования в 1949 г. КНР прошла путь "сочетания марксизма-ленинизма с реальной действительностью Китая", на котором произошли "два исторических скачка", ставших "двумя важными теоретическими достижениями" в стране. Первое достижение касается теоретических принципов и итогов опыта китайской революции и строительства, связываемых с именем Мао Цзэдуна, второе - "теория строительства социализма с китайской спецификой", главным создателем которой считается Дэн Сяопин. Все это вместе взятое называется "плодами практического опыта и коллективной мудрости партии и народа"¹.

На вопрос о том, является ли наука о развитии общества, в частности, политическая экономия, практической наукой, мыслители различных времен и направлений дают неоднозначные ответы. "В конечном счете, - писал в 1919 г. один из крупнейших ученых-экономистов XX века Н.И.Бухарин, - всякая теория имеет практические корни. Но если это верно по отношению к любой науке, это "верно в квадрате" по отношению к общественным наукам"². "Идеи экономистов и политических мыслителей ... - возражал по сути этой точке зрения в 1936 г. Джон Мейнард Кейнс, - имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, ...извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад"³.

В значительно большей степени, чем его предшественники, соприкоснувшись с опытом развития двух общественных систем в нынешнем столетии, великий шведский экономист Гуннар К.Мюрдаль писал в 1968 г.: "Если экономической науке и удавалось когда-нибудь по собственной инициативе проложить путь к новым перспективам, то это случалось очень редко... Все ос-

Пивоварова Э.П., главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор экономических наук, профессор.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 97-06-80036

новые перемены в экономической теории... являлись реакциями на изменение политических условий и возможностей"⁴.

Касаясь в начале 80-х годов поиска путей преобразования социалистической экономики с целью повышения ее эффективности, выдающийся венгерский экономист Я.Корнай рассуждал следующим образом: "В полной мере заслуживают уважения экономисты, концентрирующие свои усилия на разработке оперативных предложений, практических программ действия, планируемых к немедленной реализации. Их работа нужна, а политика реформ требует их участия. Они могут способствовать тому, чтобы проводимые изменения были более продуманы, а международный опыт использовался полнее... Вероятно, и труд теоретика, работающего в области фундаментальных исследований, имеет сиюминутную практическую пользу: результаты его анализа могут удержать легкомысленных деятелей от эффективных, но практически бесполезных или просто вредных шагов, могут остудить и развеять чрезмерные ожидания, порождающие сначала иллюзии, а затем разочарование. Помимо этой неблагодарной, но полезной "отрезвляющей" функции фундаментальные исследования и теоретический анализ рано или поздно, *через многие тернии и с большим опозданием могут оказать помощь в переосмыслении существующей ситуации* (выделено нами - Э.П.) и в конечном счете практически способствовать развитию общества"⁵.

Вице-президент Академии общественных наук Китая Лю Гогун обобщая в 1988 г. итоги первого десятилетия хозяйственной реформы и признавая, что в КНР дореформенного периода дух "опоры на практику" потускнел при возросшем значении "опоры только на книгу", подчеркнул, что в результате этого экономические работы стали всего-навсего орудием толкования текущей политики. В этом, по его мнению, заключалась одна из важнейших причин неподвижности теоретических экономических исследований в стране до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, идеологические установки которого "раскрепощать сознание, извлекать истину из фактов" "сыграли роль восточного ветра для китайских ученых-экономистов", в результате чего "экономическая наука постепенно стала избавляться от пут догматизма, вновь повернулась к реальной действительности и, погрузившись в нее, поставила новые проблемы, нащупанные в практике реформы и политике открытости"⁶.

Аналогичные заключения делались в КНР и в 1997 г., на исходе второго десятилетия хозяйственной реформы. Подчеркнув "исключительно важное значение направляющей роли теории", XV съезд КПК констатировал, что научной может быть только та теория, которая "неизменно и строго опирается на объективные факты", а, поскольку "реальная жизнь находится в непрерывном изменении, мощь и глубина которого за последние сто лет достигла непостижимых для предшественников масштабов", марксизм, принятый КПК в качестве направляющей теории, "также должен непрерывно развиваться, не может оставаться в застывшем состоянии"⁷.

Признанные во всем мире успехи хозяйственной реформы в КНР являются лучшим свидетельством плодотворности китайского выбора - при определении стратегии социально-экономического развития исходить "не из субъективных пожеланий, не из тех или иных иностранных моделей, не из догматических интерпретаций отдельных положений марксистских трудов", а руководствоваться принципом "практика - критерий истины"⁸. В этом смысле китайский опыт опровергает приведенное выше мнение Дж.М.Кейнса и предлагает иной ракурс видения роли теории и практики, чем у Я.Корнай, а именно - сделанные на основе практики "прорывы" в экономической теории социализма позволили КНР в переосмыслении социализма значительно сократить период поисков и "родовых мук", занявших в некоторых восточноевропейских странах несколько десятков лет⁹.

На самые серьезные размышления наталкивает приведенное выше высказывание Гуннара К.Мюрдаля, особенно, если иметь в виду судьбы получившего огромный резонанс в мире марксизма и его эволюцию в китайской практике.

Экономический прогноз К.Маркса о грядущей смене формаций строился на анализе развитого капиталистического общества и был "поправлен" ленинской теорией "слабого звена в цепи империализма". К сожалению, этот прогноз обернулся драмой социализма, истоки и причины которой все еще остаются важной темой для исследований.

Для китайских ученых, вынужденных в силу критической ситуации в экономике делать выводы из реальной практики, занимавшая слишком большое место в марксизме-ленинизме идея классовой борьбы естественным образом отодвинулась на задний план, а на главное место было поставлено отыскание способов повышения эффективности экономики. Закономерным следствием этого стало углубленное изучение теории трудовой стоимости, процесса общественного воспроизводства в целом, наиболее полно и основательно исследованных К.Марксом, а также трудов В.И. Ленина, посвященных развитию капитализма в отсталой мелкокрестьянской стране.

Особый интерес стал проявляться к изучению исторических условий выдвижения, осуществления и эволюции НЭПа в послереволюционной России, дискуссий по этим вопросам, а также вопросам "рыночного социализма", "самоуправляющегося социализма в Югославии", "еврокоммунизма", "современного социал-демократизма", "социализма в третьем мире" и т.д. На китайский язык переводятся отличающиеся реформаторскими идеями работы Н.И.Бухарина, В.Бруса, О.Ланге, О.Шика, Э.Карделя, М.Корача, Я.Корнаи, из советских теоретических разработок наиболее пристальное внимание уделяется идеям системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Благодаря переводам оригинальных источников и специальным исследованиям все большую известность получают различные направления экономической мысли - классическая буржуазная политэкономия, кейнсианство, неоклассицизм, институционализм. Одновременно много времени уделяется изучению конкретного хозяйственного опыта различных стран, при этом особое внимание обращается на вопросы организации производства и управления в развитом капиталистическом мире.

Итогом интенсивного теоретического и практического поиска в ходе реформы экономической системы КНР стало утверждение в качестве руководящей идеологии КПК, наряду с марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэ-дуна, теории "строительства социализма со спецификой Китая" (называемой коротко — "теорией Дэн Сяопина", поскольку он был архитектором и главным проводником китайской экономической реформы).

Состоявшийся осенью 1997 г. XV съезд КПК назвал теорию Дэн Сяопина "марксизмом современного Китая", или "соединением марксизма с практикой сегодняшнего Китая и спецификой эпохи", подчеркнув, что никакая другая теория не способна решить вопрос о перспективах и судьбах социализма.

В основании такого вывода лежат следующие 3 аргумента. Во-первых, то, что, наследуя рациональные идеи предшественников, а не отвергая их в целом, данная теория в то же время сломала существовавшие стереотипы и в качестве основного критерия оценки любой деятельности взяла "три полезности": идет ли она (эта деятельность) на пользу развитию производительных сил, совокупной мощи государства, повышению жизненного уровня народа. Во-вторых, то, что вместо лозунга "братся за классовую борьбу как решающее звено работы" на главное место было поставлено экономическое строительство. В-третьих, и это, на наш взгляд, самое главное, то, что выводы о путях дальнейшего развития делались не на основе уже существующих формул

(неважно, марксистско-ленинских, классических буржуазных, кейнсианских, неоклассических, институционалистских или каких-либо еще), а на основе анализа уже изменившейся и продолжающей меняться практики. В этом смысле китайская экономическая наука шла в русле классических, но практически ни разу, кроме периода НЭПа в России, не реализованных рекомендаций марксизма-ленинизма - не бояться делать самостоятельные выводы из новых непредвиденных, но "бесспорнейших" фактов действительности. И потому то, что экономическая мысль в КНР претендует сегодня на творческое развитие марксизма-ленинизма, отнюдь не является просто претензией или данью прежней идеологии, а факт реальной действительности, с которым надо считаться, не пытаясь выводить успехи китайской экономической науки из знакомства китайских ученых с достижениями западной экономической мысли.

Говоря о важнейших достижениях в области экономической теории со времени проведения в КНР реформы и открытой политики на 20-летнем юбилее АОН Китая в 1997 г., директор Института экономики Чжан Чжоюань назвал три главных "детища" этого периода: создание теории "социалистической рыночной экономики", выдвигание теории "начальной стадии социализма" и активное обращение к методу исследования, основанному на выводах из практики. В связи с этим были названы имена сделавших реальный вклад в эти открытия крупнейших ученых страны Сунь Ефана, Ма Хуна, Юй Гуаньюаня, Лю Гогуана, Сунь Шанцина, Лю Минфу, Цзян Ивэя, отмечены молодые исследователи, уже с начала 80-х годов определившие внедрение принципов рынка как направление китайской реформы, подчеркнули роль публикаций фундаментальных трудов по истории народного хозяйства, экономической мысли, развития капитализма в Китае, а также регулярных статистических исследований и специальных, содержащих конкретный экономический анализ работ¹⁰.

Интенсивный теоретический поиск, которым отмечен период после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, заложившего в основу хозяйственной реформы принцип "практика - критерий истины", выявил целую группу противоречий, связанных с попытками соотнести существующие в рамках классического марксистско-ленинского наследия представления о социализме с социально-экономической реальностью Китая. Принципиальные различия между тем социализмом, который предсказывался основоположниками марксизма-ленинизма, и реальной жизнью привели ученых КНР к выводу о том, что цель социализма, заключающаяся в самореализации трудящихся и социальной справедливости, является идеалом, к которому стремятся из поколения в поколение, но процесс перехода социализма от утопии к науке еще очень далек от завершения.

Пытаясь продвинуться на этом пути, китайские ученые-экономисты, опираясь на практический опыт не только предшествующего развития, но и получаемый в ходе реформы экономической системы, по-новому сформулировали ряд положений политической экономии социализма. На этой основе были поставлены вехи пути, названного его "строительством социализма со спецификой Китая".

Хотя по пути переосмысления социализма пошли в 80-е годы почти все бывшие социалистические страны, можно сказать, что КНР, начав решительный эксперимент "снизу", сумела за короткий промежуток времени действительно выйти на "передний край реформы" в социалистическом мире, и уже к середине 80-х годов смело поставила целый ряд таких кардинальных вопросов теории социализма, как необходимость развития товарного хозяйства, дифференциации доходов, конкуренции внутри страны и на международной арене, плюрализма в формах собственности, вплоть до развития частных хозяйств и т.п.

Дело в том, что ни теоретические построения, ни постановления или решения верховной власти не прокладывали путь хозяйственной реформе в КНР. Драматичность ситуации середины 70-х годов, когда после смерти Мао Цзэдуна и прихода к власти нового руководства была перед всем народом признана кризисность положения в экономике, заставила действовать "снизу", решительно и почти без оглядки идти на эксперимент, который очень быстро становился повсеместной практикой. Семейный подряд, разрешенный вначале для отдаленных и бедных районов страны как возможный способ для крестьян прокормить себя, дав эффект на практике, быстро распространился по всей стране и фактически превратился в первые шаги хозяйственной реформы. Впечатляющий успех преобразований в сельском хозяйстве стимулировал решительность шагов реформы в городе, где также практика обгоняла принятие каких-либо государственных решений. Получение положительных экономических (оживление и рост производства) и социальных (увеличение занятости и доходов трудящихся) результатов главным образом благодаря широкому использованию различных форм хозяйственной деятельности, ранее не вписывавшихся в традиционные представления о социализме, служило основанием для последующего их официального признания, законодательного, а также концептуального оформления.

Говоря об эмпирическом анализе как особенности ведущегося в ходе реформы теоретического поиска, следует признать, что в течение длительного времени в политической экономии социализма анализу хозяйственного опыта почти не уделялось внимания. В лучшем случае фактический материал использовался как иллюстрация, которая не должна была поколебать ранее установленные посылки или хотя бы заставить задуматься над их правомерностью в существующих конкретных условиях. Только вызванная критической ситуацией в экономике реформа заставила активно обратиться к методу, основанному на реальности, количественном анализе и эксперименте.

По истечении первого десятилетия реформы вице-президент АОН Китая Лю Гогуан, подтвердив, что экономическая наука КНР от преваляровавшего в прошлом нормативного метода все больше переключается на экспериментальные методы, видит преимущества последних в их нацеленности "на выявление противоречий и изъянов для изыскания средств лечения болезни", что придает экономическим исследованиям еще большую объективность и научность¹¹. Характерно, что при этом Лю Гогуан приводит высказывание К.Маркса о том, что "только в том случае, если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм, только в этом случае политическую экономию можно превратить в положительную науку"¹², а также говорит, что сейчас "в КНР экономическая наука о социализме как раз и движется в направлении положительной науки".

На базе новых методологических подходов, заключающихся в формулировании выводов из практики, в КНР к середине 80-х годов, когда в ряде других стран социалистического мира радикальные перестроенческие процессы только начинались, уже сформировалась целевая модель преобразования экономической системы в стране - "социалистическая плановая товарная экономика", которая предполагала полную хозяйственную

самостоятельность предприятий, замену директивного планирования направляющим, свободную (при сохранении за государством регулирующих функций) куплю-продажу на рынке не только предметов потребления, но и средств производства, создание рынка фондов, науки и техники, рабочей силы, информации, установление цен на основе спроса и предложения, состязательность (конкуренцию) на внутреннем и внешнем рынках.

Тезис о социалистическом хозяйстве как товарном стал общепризнанным в КНР "коренным прорывом" традиционных взглядов на социализм.

Подчеркивалось, что именно на базе этой идеи в КНР появились многие другие "прорывы" в экономической теории социализма (в том числе вывод о необходимости реформы отношений собственности и открытости внешнему миру). Но первым толчком для такого "прорыва", безусловно, послужила практика.

Новизна постановки вопроса - о социалистической плановой товарной экономике - состояла в том, что она не совпадала ни с классическим наследием марксизма по этому вопросу (отрицание товарного производства в социалистической экономике), ни с относящимися к периоду НЭПа ленинскими идеями активного, но временного (до построения социализма) использования товарно-денежных отношений, ни с реформационными постулатами 80-х годов, получившими распространение во многих странах бывшего социалистического мира и чаще отвергающими социализм, чем ищущими совмещения с ним.

В КНР же идеи о целесообразности использования товарно-денежных отношений при социализме, подтвержденные положительными результатами деятельности возникавших как дополнение к недавно занимавшему монопольное положение в экономике государственному сектору разнообразных по формам собственности типов хозяйств, позволили подняться до вывода о товарном производстве как сущностной черте социализма.

Этот "прорыв" в экономической теории социализма по сути вытекал, а потому тесно увязывался с новой трактовкой главного вопроса в характеристике экономического строя общества - собственности на средства производства.

"Прорыв" традиционных подходов к вопросу собственности заключался в КНР в отказе от признания того, что социализм должен базироваться единственно на общественной собственности на средства производства, и выработке мнения о необходимости создания плюральной структуры собственности.

Вопрос о реформе отношений собственности, затрагивающий не только структуру, но и саму сущность отдельных форм собственности, был прямо поставлен в КНР еще на рубеже 80-х годов. Когда в начале 1979 г. была опубликована статья выдающегося китайского ученого Дун Фужэна¹³, где он высказал идею о необходимости преобразований в государственной собственности, немногие разделили его мнение (отрицательный резонанс эта идея получила не только в КНР, но и во всем социалистическом мире, включая СССР).

Однако в процессе обобщения итогов тех или иных экспериментов хозяйственной реформы китайские экономисты все больше стали склоняться к мнению, что для повышения эффективности производства нужна не только реформа хозяйственного механизма, но и реформа отношений собственности. Вывод, который был сделан участниками специального совещания, созванного в 1985 г. Центром развития исследований при Госсовете КНР, состоял в том, что коренным вопросом реформы экономической системы является реформа отношений собственности.

Обобщая итоги дискуссий по этому вопросу на совещании, вице-президент АОН Китая Лю Гоуан, признавая наличие в современном Китае тенденции к формированию плюральной структуры собственности, подчеркивал, что в отличие от прежних прогнозов марксистско-ленинской науки, предполагавших постепенное вытеснение несоциалистических форм хозяйствования и движения социализма в направлении создания единой всенародной собственности, объективная реальность требует сосуществования различных по формам собственности типов хозяйств и в будущем. Будет ли такая экономика считаться "смешанной", в которой преобладает общественная собственность, но существуют и многие другие формы хозяйства, или "социалистической экономикой с капиталистическим укладом" - вопрос, требующий специального изучения. Количественные границы каждого из типов хозяйств должен определить эволюционный процесс рыночного естественного отбора: те из них, которые в равных условиях рыночной конкуренции проявят свою

эффективность, пусть продолжают существовать и развиваться, для тех же, которые не смогут функционировать без постоянной государственной поддержки, неизбежно должно наступать банкротство. В целом же об экономике можно говорить как о социалистической до тех пор, пока преобладающий удельный вес (или господствующие позиции) занимают общественные формы собственности, особенно (и главным образом) в ключевых отраслях производства¹⁴.

Отвечая на вопросы, возникающие в связи с необходимостью соотнести многие традиционно считавшиеся несоциалистическими по своему характеру явления экономической жизни реформируемого Китая с социалистическим статусом страны, один из крупнейших ученых-экономистов КНР Юй Гуанъюань обращается к идеям В.И.Ленина относительно использования госкапитализма при переходе к социализму. При этом он подчеркивает, что вовсе не хочет мнение Ленина, высказанное в 1918 г. о положении России в то время, "сделать основанием для установления государственного капитализма в Китае сегодня", а лишь фокусирует внимание на диалектическом подходе Ленина, позволяющем конкретно понимать противоядие между капитализмом и социализмом.

По существу Юй Гуанъюань вплотную подходит к более поздним трактовкам новых, непредвиденных вопросов теории и практики социалистического строительства в условиях экономической и культурной отсталости, которые делались В.И.Лениным в период осуществления НЭПа. Обосновывая необходимость использования госкапитализма в переходный период к социализму, В.И.Ленин подчеркивал, что "сколько-нибудь путные книги о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм", и "ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм, который бывает при коммунизме". Вывод из этой ситуации следовал тот, чтобы в вопросах теории не бояться "выкарабкиваться самим", принимая во внимание новую ситуацию и новые факты. Эта мысль, высказанная В.И. Лениным в 1922 г. после неоднократных корректировок новой экономической политики, была вновь повторена им в одной из последних своих работ в 1923 г. как призыв к творческому развитию экономической теории социализма, ибо "дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут приносить..., несомненно, больше своеобразия, чем русская революция", а "учебник, написанный по Каутскому", будучи для своего времени "вещью очень полезной", не мог "предусмотреть все формы развития дальнейшей мировой истории"¹⁵.

Творческий подход к ленинским идеям, в том числе и периода НЭПа, у Юй Гуанъюаня проявляется в том, что он продвигает идею до признания возможности в социалистическом обществе после завершения переходного периода (решения вопроса "кто кого") длительного существования государственного капитализма, называя его "государственным капитализмом периода строительства социализма".

Характеризуя отличия госкапитализма периода строительства социализма и переходного периода, Юй Гуанъюань высказывает мысль о том, что время существования госкапитализма периода строительства социализма очень длительно, ликвидация его не может быть, как в переходный период, задачей, которую следует выполнить в определенный срок, а исчезновение его, скорее всего, пойдет путем "естественного отмирания"¹⁶.

Выступая по этому поводу, Дун Фужэн вообще не говорит о сроках исчезновения несоциалистических форм хозяйствования, а ведет речь о том, что наличие одной лишь общественной собственности не способствует экономическому развитию и удовлетворению нужд людей, а становление и развитие диверсифицированной системы собственности сможет преодолеть слабости и

использовать преимущества каждой из форм собственности, обеспечив тем самым более эффективное функционирование экономики в целом¹⁷.

Причину обращения к идее госкапитализма в современном Китае китайские ученые видят отнюдь не в наличии ее в чужом или прошлом китайском опыте, а в том, что "это - средство, играющее активную роль в социалистической модернизации Китая". Признавая, что в реформируемой экономике страны, наряду с существовавшими социалистическими, возникли несоциалистические уклады, Юй Гуанъюань, например, подчеркивает, что основным принципом отношения к государственному капитализму хозяйствующих в КНР иностранцев или представленному гражданами страны, должен быть один - "смотреть, могут ли они и при каких условиях играть активную роль в развитии производительных сил общества", т.е. необходимо "принимать решения в соответствии с диалектическим принципом "живой дух марксизма - конкретный анализ конкретных вещей"¹⁸.

Как видно, нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства вовсе не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных собственников из социалистического общества. Школа НЭПа состояла в том, чтобы научиться вытеснять несоциалистические хозяйства не волевыми актами, а экономическими методами, а научившись, сделать хозрасчет постоянным принципом социалистического хозяйствования. Что касается длительности этого вытеснения, то, по мнению В.И.Ленина, ту "целую историческую эпоху", которая понадобится для того, чтобы подрезать "все корни мелкого хозяйства и господства рынка", можно "пройти на хорошей конец... в одно-два десятилетия"¹⁹. Что касается точки зрения китайских ученых, то "государственный капитализм периода строительства социализма" в КНР "вероятно, совпадет по времени с продолжительностью начального этапа социализма"²⁰, продолжительность которого вначале стала определяться примерно столетием, а затем и более продолжительным сроком.

Такого рода заключения китайских ученых предшествовали выводу XIII съезда КПК (октябрь 1987 г.) о том, что КНР находится на "начальной стадии социализма" и принятию в качестве регулятора хозяйственной деятельности в стране принципа "государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия", ставшего прологом концепции "социалистической рыночной экономики".

Сущность принципа "государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия" заключалась в том, чтобы "вся экономическая деятельность была охвачена рыночными отношениями, но и все рыночные отношения подвергались регулированию и контролю с помощью плана"²¹. Предполагалось, что государство при помощи экономических, юридических и необходимых административных средств станет регулировать соотношения между рыночным спросом и предложением, создавать благоприятную экономическую и социальную среду и тем самым подсказывать предприятиям правильные хозяйственные решения.

Принятие в 1992 г. курса на ускорение темпов реформы и "создание системы социалистической рыночной экономики" мотивировалось следующим образом: "Практика показывает, что там, где полностью выявляется роль рынка, экономика обладает могучей жизненной силой и процесс развития идет довольно хорошо. Поэтому, чтобы наша экономика могла оптимизировать свою структуру, повысить эффективность, ускорить темпы развития и включиться в международную конкуренцию, нужно и впредь усиливать роль рыночного механизма"²².

Концепция "социалистической рыночной экономики" завершила почти 15-летний теоретический поиск, осуществлявшийся в ходе реформы экономи-

ческой системы КНР. В то же время, как свидетельствует сопоставительный анализ постановки вопросов по всем ее компонентам, становление рыночной системы в КНР мыслилось практически в тех же самых параметрах уже после принятия "Постановления о реформа экономической системы" в 1984 г. и особенно - формулы "государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия" в 1987 г. На международном научном симпозиуме в 1989г. ведущими китайскими учеными высказана общая мысль основанная на результатах 10-летнего опыта хозяйственной реформы КНР, что, несмотря на разность принимавшихся в те или иные периоды теоретических формулировок - "плановая товарная экономика" или "государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия", - цель реформы вообще состояла в том, чтобы "при условии поддержания макроконтроля осуществлять рыночнизацию хозяйственной деятельности" на рынок, чтобы "создавать и развивать комплексную открытую рыночную систему, полностью развернув роль рыночного механизма в размещении ресурсов"²³. Эти же самые цели закладываются в концепцию "социалистической рыночной экономики", или регулируемую и социально ориентированную по своему содержанию рыночную экономику.

По существу в формулировке целевой модели хозяйственной реформы КНР как "социалистической рыночной экономики" речь идет не о новом подходе развитию рыночных начал в китайской экономике, а о намерении на практике осуществлять тот решающий шаг по рыночной ориентации хозяйственной деятельности, который связан с переводом на рыночные рельсы наиболее важного и самого сложного для преобразований блока производительных сил страны - крупных и средних промышленных предприятий государственной собственности, дающих на протяжении ряда лет реформы до половины валовой промышленной продукции страны и около 60% доходов государственного бюджета.

О необходимости свершения этого шага в КНР было заявлено еще в 1984 г; в 1988 г. вопрос уже "стоял ребром", однако нарастающий дисбаланс в народном хозяйстве и политическая нестабильность в 1989 г. при недостаточной апробированности реформой конкретных форм возможной трансформации хозяйственного механизма крупных и средних государственных предприятий, откладывали принятие соответствующих решений. Такие решения были приняты лишь после завершения трехлетней политики урегулирования народного хозяйства, во время инспекционной поездки Дэн Сяопина по югу страны в начале 1992 г., и заключения о наличии всех внутренних условий и благоприятной международной среды для ускорения процесса реформы, расширения внешних связей и модернизации.

Подобные заключения на высшем уровне способствовали "дальнейшему раскрепощению сознания". Результатом этого стало "искоренение чувства страха" перед термином "рыночный" применительно к характеристике социалистического хозяйства, сохранявшемуся все предшествующие годы, несмотря на реальное развитие рыночных начал в китайской экономике. Как указывалось на XIV съезде КПК, высказывания Дэн Сяопина в начале 1992 г. относительно того, что "плановая экономика не равняется социализму, так как при капитализме тоже есть планирование, а рыночная экономика не равняется капитализму, так как при социализме тоже есть рынок", а план и рынок - лишь экономические рычаги, "несколько большее использование планирования либо рынка не служит существенным различием между социализмом и капитализмом" - "радикально сняли оковы" со взглядов на плановую и рыночную экономику как категории основных социальных систем²⁴.

В целях ускорения экономического строительства страны съезд призвал "не сковывать себя абстрактными спорами о том, под каким именем выступают реформы - социализма или капитализма", а смело заимствовать и изучать все передовые методы хозяйствования и управления, которые имеют-

ся за рубежом, в том числе и у развитых капиталистических стран, ибо они отражают общие законы обобществленного производства и товарного хозяйства. Подчеркивалось, что зарубежный капитал, ресурсы, технику и технологию, специалистов, а также в качестве полезного дополнения сам частный сектор нужно и можно использовать в интересах социализма, что поскольку власть в руках народа и налицо могучий сектор экономики, основанный на общественной форме собственности, все это не только не повредит социализму, а принесет его развитию одну пользу.

Мотивация такого рода, благословленная главным партийным форумом страны, можно сказать, помогла "окончательно снять" и вопрос о принципиальной несовместимости плана и рынка в основанной на общественной собственности экономике социализма. Если в начале реформы такого рода убеждения можно было объяснить главным образом трудностями расставания с глубоко укоренившимися догматами экономической теории социализма, то сохранение их по мере получения практического опыта реформы - реальными сложностями, связанными с усилением дисбаланса в экономике, непомерным разбуханием потребительского и производственного спроса, безуспешностью попыток превратить государственные предприятия в самохозяйствующие субъекты, действующие на основе самокупаемости и несущие ответственность не только за прибыли, но и за убытки.

Выводы, сделанные на XIV съезде КПК, позволяли достичь определенного консенсуса в научных кругах и одновременно несли в себе положительный заряд для дальнейшего продвижения по пути реформ.

На основе новых подходов к таким кардинальным вопросам экономической теории социализма, как собственность и развитие товарного хозяйства, в КНР сформировалась концепция "начальной стадии социализма".

Официально провозглашенная на XIII съезде КПК в 1987 г. концепция "начальной стадии социализма" позволяла, как подчеркивалось, трезво оценить условия страны и получить на этой основе "коренную предпосылку" для разработки и проведения правильной линии и правильных установок. Согласно этой концепции, "весь период, начавшийся с завершения в основном социалистического преобразования частной собственности на средства производства в 50-х годах и кончающийся осуществлением в основном социалистической модернизации, на что требуется минимум сто лет, и составляет нашу начальную стадию социализма"²⁵. По мнению ученых КНР, концепция начальной стадии социализма "есть важный теоретический вопрос, тесно связанный с базовой программой выдвинутой Дэн Сяопином - сочетая общую истину марксизма с конкретной практикой страны, идти своим путем, строить социализм с китайской спецификой"²⁶.

"Прорыв" в экономической теории по этому вопросу, как отмечается в КНР, заключается в отказе от рассмотрения социализма в виде кратковременного и быстро завершающегося периода преобразования многоукладности экономики, после чего начинается постепенный переход к коммунизму. Считается, что такого рода взгляд внес немало хаоса и сумятицы в экономическую теорию, а также практику социалистического строительства, что именно он явился источником существования в КНР "левого" идейного течения, так как неизбежно рождал желание использовать различные политические движения, например "классовую борьбу", для скорейшего завершения этого периода, в результате чего коммунизм рассматривался в качестве ближайшей конкретной цели строительства.

Новый подход заключается в том, чтобы рассматривать социализм как довольно устойчивую и самостоятельную стадию развития, как могущий иметь многие самостоятельные этапы и потому занимающий собой довольно длительное время.

Анализируя современное китайское общество, ученые КНР сделали вывод о существовании огромной разницы между ним и теми прогнозами, которые делали классики марксизма, опираясь на опыт развитых европейских стран. Тот социализм, который строился в КНР на полуколониальной и полуфеодальной основе, считают китайские экономисты, отличается от абстрактного научного социализма не только по количественным параметрам - степени развития производительных сил, но и по качественным - его наполнителям, составным частям.

Подчеркивая, что характеристика этапа, на котором находится общество, должна даваться не только с позиций оценки уровня развития его производительных сил, но и с учетом существующих в нем форм собственности, распределения, других элементов производственных отношений, китайские ученые все больше склоняются к выводу о том, что для того, чтобы достичь тех идеалов, которые начертаны классиками марксизма-ленинизма для коммунистической формации, в том числе и для первого ее этапа, Китаю необходимо проделать неимоверно долгий и трудный путь, на котором неизбежно должны использоваться все факторы экономического роста, оправдавшие себя в предшествующей формации²⁷.

По существу, в "начальной стадии социализма" нашла концептуальное оформление идея о необходимости довольно длительного исторического этапа, в течение которого развитие всех традиционно считавшихся несоциалистическими форм хозяйственной деятельности, соответствующих им форм распределения и т.п. могло бы рассматриваться как естественный путь создания необходимой для социализма цивилизованности. По мнению китайских ученых-экономистов, выдвижение концепции "начального этапа социализма" стало тем "прорывом", который позволяет и в теории, и в экономической политике придерживаться реальности, учитывая такую специфику современного Китая, как "неразвитость производительных сил, несовершенство производственных отношений, незрелость надстройки"²⁸.

На XIII съезде КПК особо подчеркивалось, что "начальный этап социализма" - это не та первоначальная стадия вообще, которую переживает любая страна при вступлении в социализм, а тот особый период, через который неизбежно должен пройти Китай, создавая социализм в условиях неразвитости производительных сил и товарного хозяйства. Завершение "начальной стадии социализма" путем осуществления (в основном) социалистической модернизации страны предполагается по меньшей мере к середине следующего столетия. Не отождествляя этот этап ни с переходным периодом, когда еще не заложен фундамент социалистической экономики, ни с этапом уже проведенной социалистической модернизации, съезд указал, что основным его противоречием является противоречие между растущими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством, что же касается классовой борьбы, то хотя она и "будет еще долго существовать в известных пределах", но "уже перестала составлять главное противоречие"²⁹.

По существу, "начальной стадии социализма" в том виде, как определяется ее срок и ее задачи в КНР, отводится та миссия, которую в развитых странах мира выполнил капитализм. Эту стадию нельзя назвать посткапиталистической, ее можно принять как формацию, заменяющую капитализм, и по содержанию, и по срокам. Ибо дело не только в незрелости, недостаточной развитости экономических отношений (собственности, распределения и т.д.) социалистического характера, но и в необходимости развития экономических отношений несоциалистического характера в интересах создания цивилизованности. Дело также в том, что для разрешения противоречий между теми и другими, для выполнения на такой основе поставленных задач по всеобщему благосостоянию и духовному развитию всех трудящихся необходимо дей-

ствительно длительное время, и тот срок в 100 лет, который отводится для этого в КНР, отнюдь не выглядит чрезмерным, а скорее - оптимистичным.

Характерно, что на XV съезде КПК, где теории "начальной стадии социализма" было уделено особое внимание, акцент сделан именно на длительности срока, подчеркнуто, что на решение задачи социалистической модернизации потребуется "по меньшей мере сто лет", а для укрепления и развития социалистического строя - "неустанные усилия нескольких, даже десятков поколений"³⁰.

Можно сказать, что ко времени XV съезда в КНР были достаточно полно и ясно сформулированы идеи, обозначившие путь строительства социализма со спецификой Китая. Путь этот обусловлен постепенным избавлением от неразвитости и осуществлением в основном социалистической модернизации посредством целой серии переходов:

- от аграрной страны, с большим удельным весом занятого в сельском хозяйстве населения, опирающегося в основном на ручной труд, к промышленно развитой стране с современными сельским хозяйством и индустрией сервиса;
- от в значительной мере натурального и полунатурального хозяйства к экономике с достаточно развитыми рыночными отношениями;
- от состояния с большим удельным весом неграмотного и полуграмотного населения и отсталой науки и техники к достаточно развитым науке и технике, образованию и культуре;
- от состояния с очень большим удельным весом бедного населения и низким уровнем жизни народа к достаточно обеспеченной жизни всего народа;
- к сужению разрыва в экономическом и культурном развитии регионов, образовавшегося из-за большой неравномерности их прежнего развития;
- к сужению разрыва уровня социально-экономического развития КНР с передовым мировым уровнем.

В соответствии с этим набором стратегических задач в более законченном виде была сформулирована сама теория "строительства социализма с китайской спецификой" как "развитие рыночной экономики в условиях социализма", предполагающее необходимость соблюдения следующих принципов:

- отстаивать и совершенствовать базисный экономический строй, при котором совместно развиваются все сектора многоукладной экономики с доминирующей социалистической общественной собственностью;
- отстаивать и совершенствовать систему социалистической рыночной экономики, с тем чтобы под государственным макрорегулированием и макроконтролем рынок играл базисную роль в размещении ресурсов;
- отстаивать и совершенствовать многообразные формы распределения при доминирующем распределении по труду, позволять части районов и людей стать зажиточными раньше других, чтобы помогать стать зажиточными остальным, чтобы шаг за шагом добиться общей зажиточности для всех;
- отстаивать и совершенствовать открытость внешнему миру, активно участвовать в международном экономическом сотрудничестве и конкуренции.

По широко утвердившемуся за 20 лет реформы в КНР мнению ученых и практиков, неуклонное следование этим принципам в экономической политике в состоянии "гарантировать устойчивое и быстрое развитие экономики на здоровой основе, а народу - пользование плодами процветания экономики"³¹.

По существу в КНР сформировался нашедший отражение в экономической политике государства подход, в котором идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединялась бы с идеей социальной защищенности трудящихся, взятой у социализма. Практически все новые моменты в представлениях о строительстве социализма в КНР связывались с задачей ликвидации экономической отсталости страны и бедности нации. Поэтому предлагалось, исходя из реалий китайской действительности, уже обогащенной 30-летним опытом строительства, отвечающего традиционным

“чисто социалистическим” нормам, и многолетним опытом ранее не вписываемых в социализм рыночных преобразований, вносить в долгосрочную программу социально-экономического развития китайского общества все то, что будет работать на преодоление бедности и отсталости и создание в конечном счете мощного и богатого государства.

Безусловно, те “прорывы” в экономической теории социализма, которые были сделаны китайскими учеными в ходе теоретического и практического поиска за годы реформы, существенно изменили прежние представления о социализме и “социализм с китайской спецификой” по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма. В этом, собственно, и состоит творческое развитие прежней теории, которое было осуществлено благодаря критическому переосмыслению, во-первых, неудач прежней экономической политики, во-вторых, причин трудностей и успехов на новом пути реформы и открытости, в-третьих, плюсов и минусов как теоретических достижений, так и практики зарубежных стран. Именно на этой основе экономическая мысль в КНР поднялась до уровня выработки таких собственных рекомендаций, реализация которых вела к успеху в социально-экономическом развитии страны. Ведь задача экономической теории как науки состоит не в отыскании в мировом багаже пусть самых современных, популярных и нашедших международное признание концепций, “пригодных”, как пишут некоторые авторы, “для объяснения новых явлений хозяйственной практики”³², а в способности сделать собственные выводы на основе анализа реальной действительности. И в этом заслуги современной экономической мысли в КНР несомненны. Не видеть этого равносильно тому, что все достижения китайской науки за 20 лет реформы сводятся к замене прежних марксистских догм новыми догмами западной науки.

Признавая в качестве сущностной характеристики социализма как общественного строя обязательную защиту интересов трудящихся, следует признать и право китайских ученых и политиков называть создаваемую ими ныне экономическую систему “социализмом с китайской спецификой”. Важно понять, что независимо от того, будет ли называться новая система “социализмом с китайской спецификой” или как-то иначе, имеет не столь принципиальное значение, если она сможет дать колоссальному по численности населению этой страны более обеспеченную и достойную человека жизнь.

Пытаясь охарактеризовать модель “социализма с китайской спецификой” на фоне всего исторического опыта развития экономической мысли, можно сделать заключение не только о значительной эволюции идеи социализма в китайской концепции, но и о существенном приближении ее к выросшим на эволюционной почве теориям “конвергенции”, “смешанной экономики”, “институционализма”, при всех различиях которых объединяющей их является идея сближения двух общественных систем и необходимости “социального контроля” над производством. В КНР к этой идее закономерно пришли за 20 лет реформы экономической системы, отказавшись от мышления категориями классового антагонизма, и очень постепенно, но открыто и легально допустив в рамках социалистического государства формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики, плюральной структуры собственности и распределения, отведя на их существование по сути не ограниченный во времени срок. Подобная эволюция, выражаясь словами академика Л.И. Абалкина, “детерминирована качественными сдвигами в социально-экономических процессах и связана с поиском ответов на вопросы, выдвигаемые жизнью”³³.

Соглашаясь с тем, что главным критерием оценки экономической политики государства является то, в какой мере она способствует развитию производительных сил страны и улучшению жизни народа, а также - с несомненными успехами КНР на этом пути, следует признать безусловно позитивную роль той социальной и идейно-политической основы, которая движет глубоко экономическими решениями в Китае.

На наш взгляд, невозможно разобраться в социально-экономических проблемах страны, игнорируя или пренебрежительно относясь к тому, что сформировалось здесь как официальная теоретическая платформа.

Основные контуры концепции социализма с китайской спецификой вырисовывались на протяжении всех лет хозяйственной реформы через столкновение самых различных мнений, изучение своего и международного опыта, но, главное - через экспериментальное апробирование всех наиболее существенных нововведений с последующим обобщением как положительных, так и отрицательных результатов.

В этом смысле экономическая наука КНР на этапе реформы прошла классический путь от описательной, эмпирической стадии сбора фактического материала и сопоставления его с существующими гипотезами к формулированию выводов и экономических принципов, которые целесообразно учитывать в политике государства для решения социально-экономических проблем огромной, многонаселенной, но все еще бедной и отсталой страны.

Можно сказать, что экономической науке КНР повезло больше, чем российской, в том, что в экономической политике государства нашли отражение те моменты и рекомендации, которые выражают национальные интересы страны, а потому способствуют движению ее по пути социально-экономического прогресса. Но в этом - уже не столько сила экономической науки, сколько мудрость руководства страны.

1. Жэньминь жибао. 22 сентября. 1997 .
2. Бухарин.Н.И. Избранные произведения. Политиздат. 1988., С. 1.
3. Кейнс.Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика. 1993. С. 518.
4. Мюрдаль Г. Азиатская драма. Исследование нищеты народов. Нью-Йорк - Лондон, 1968. . 1. С. 9.
5. Корнаи.Янош Дефицит. М.: Наука. 1990. С. 24.
6. КНР на путях реформ. М: Наука. 1989. С. 32.
7. Жэньминь жибао. 22 сентября 1997 .
8. Жэньминь жибао.22 сентября 1997 .
9. Цзинцзи яньцзю. 1988. № 11. С. 11-12.
10. Цзинцзи яньцзю, 1997. № 7. С. 10-11.
11. КНР на путях реформ. М.: 1989. С. 38.
12. Маркс,К .Энгельс.Ф Соч.Т. 32. С. 145.
13. Цзинцзи яньцзю, 1979. № 1. С. 21-38.
14. Цзинцзи жибао, 4 января 1986.
15. Ленин.В.И. ПСС. Т. 45. С. 84, 117, 381-382.
16. Цзинцзи яньцзю. 1987. № 7. С. 7-8.
17. Бэйцзин ревью, 1987. № 40. С. 19-21.
18. Цзинцзи яньцзю, 1987, №7 ., С. 3-9.
19. Ленин.В.И. ПСС. Т. 44. С. 343. Т. 45. С. 372.
20. Цзинцзи яньцзю. 1987. № 7. С. 7-8.
21. Документы XIII Всекитайского съезда КПК. Пекин. 1989. С. 34.
22. Жэньминь жибао. 21 сентября 1992.
23. Стратегия развития стран третьего мира. Жэньминь чубаньшэ. 1990. С. 131, 134.
24. Жэньминь жибао. 21 октября 1992.
25. Документы XIII Всекитайского съезда КПК. С. 9, 13.
26. Цзинцзи яньцзю, 1987. № 7. С. 3.
27. Жэньминь жибао, 5 мая 1986.
28. Цзинцзи жибао, 21 октября 1987.
29. Документы XIII Всекитайского съезда КПК. С. 13-14.
30. Жэньминь жибао. 22 сентября 1997.
31. Жэньминь жибао. 22 сентября 1997.
32. Проблемы Дальнего Востока, 1997, № 2. С. 79, 78.
33. Вопросы экономики, 1997. № 3. С. 4.

Рынок компьютеров в КНР: современное состояние, тенденции, перспективы.

© 1999

П.Остров

В далеком прошлом остались 70-е годы, когда пределом мечтаний простого китайца было обладание авторучкой, часами и велосипедом. В 80-е годы их место заняли цветной телевизор, видеомагнитофон и мотоцикл. Сейчас же, в конце 90-х, идет борьба за обладание кредитной карточкой, сотовым телефоном и персональным компьютером (ПК). И что знаменательно – все три современных предмета вожделения в той или иной степени относятся к области информационных технологий.

Китайское руководство предпринимает целенаправленные шаги в деле приоритетного развития информационных технологий, при этом сочетаются меры централизованного планирования и рыночного регулирования.

В апреле 1996 г. была создана Руководящая группа Госсовета КНР по информатике, заменившая существовавшее ранее Объединенное совещание при Госсовете КНР по экономике и информатизации. Возглавил Группу заместитель премьера Госсовета Цзоу Цзяхуа. В ее состав вошли министры электронной промышленности и связи, а также высокопоставленные представители всех других заинтересованных министерств и ведомств в ранге, как правило, замминистра. Группа была призвана выработать политический курс в области информатизации, организовывать и координировать разработку проектов соответствующих законов и правил; намечать стратегию развития информатизации государства, осуществлять комплексное планирование в этой области; координировать строительство государственных межведомственных, межрегиональных информационных объектов, имеющих важное значение для экономического и социального развития страны; решать важные вопросы по работе с крупномасштабными отечественными компьютерными информационными сетями и по работе с соответствующими международными сетями, и т.д.¹

Производство компьютеров в КНР непосредственно курировалось существовавшим до недавнего времени Министерством электронной промышленности, которое возглавлялось бывшим членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ху Цили. В марте 1998 года в результате слияния этого министерства с рядом других министерств и ведомств было создано Министерство информационных технологий КНР.

Девятым пятилетним планом предусматривается первоочередное развитие производства микросхем, новых компонентов, компьютеров и оборудования для связи. Ставится задача наладить крупномасштабное промышленное

производство 6-дюймовых микросхем по технологии 0,8 мкм, построить специализированные объекты по производству 8-дюймовых микросхем по технологии 0,5 мкм, исследовать и развивать технологию 0,3 мкм. Помимо этого, в документе говорится о необходимости разработки новых типов мониторов и создания базы для производства и экспорта компьютеров и периферийных устройств.²

Эти направления в дальнейшем были конкретизированы в ряде документов. Так, в конце декабря 1997 г. Госсоветом КНР утверждены и с 1 января 1998 г. вступил в силу «Перечень отраслей, продукции и технологий, на развитие которых государство делает упор в настоящее время»³ и «Руководящий перечень отраслей для иностранных инвестиций».⁴

Первый документ определяет направления использования внутренних инвестиций и совершенствования их структуры, а также объекты капитального строительства и технической реконструкции. В соответствии с ним китайские инвесторы освобождаются (с некоторыми оговорками) от уплаты импортных пошлин и НДС на импортируемое оборудование и технологии для использования на тех объектах, которые подпадают под действие этого перечня.

В области промышленности по производству компьютеров оба документа повторяют и дополняют друг друга. Так, в них перечисляется следующая продукция: новые виды электронных компонентов; оптоэлектронные устройства, детекторы и сенсоры; полупроводники и оптоэлектронные специализированные материалы; большие и средние ЭВМ; рабочие станции, серверы; программное обеспечение; системы трехмерного автоматизированного проектирования (САД), системы автоматизированного тестирования (САТ), системы автоматизированного производства (САМ), системы автоматизации инженерного труда (САЕ) и другие прикладные компьютерные системы; устройства массовой памяти (лазерные и магнитные диски) и их компоненты; новые виды дисплеев (дисплеи на жидких кристаллах, плоскоэкранные дисплеи); новые типы принтеров (лазерные принтеры). В дополнение к этому общему списку перечень для инвесторов из КНР упоминает о высокопроизводительных компьютерах, рабочих станциях, серверах, разработке программного обеспечения. Оба документа в качестве первоочередной задачи выдвигают развитие производства интегральных схем. Однако, иностранные инвестиции должны делаться в крупномасштабное производство микросхем по передовой технологии 0,35 мкм и менее, в то время как китайские инвестиции могут идти в производство микросхем по сравнительно отсталой технологии 0,8 мкм.

В 1993г. на производство ПК правительство КНР распространило льготный налоговый режим.⁵

Промышленность по производству компьютеров в КНР.

Хотя первые компьютеры были разработаны в КНР еще в конце 50-х годов,⁶ однако по понятным причинам бурный рост в этой отрасли начался в КНР лишь в последние несколько лет. В конце 80-х годов ряд научно-исследовательских институтов, университетов и организаций, принадлежащих Министерству электронной промышленности КНР, преобразовались в коммерческие компании, которые занялись производством и торговлей компьютерами. Поначалу эти фирмы не могли конкурировать с иностранцами в двух критически важных сферах: навыки ведения бизнеса и технологии. В результате компьютеры иностранного производства занимали основную часть китайского рынка ПК вплоть до середины 1990-х годов.

Китайские фирмы смогли использовать такие свои преимущества как поддержку со стороны правительства, знание местных условий рынка, более низкие цены, наличие у ряда из них каналов сбыта продукции. Продавая иностранные марки компьютеров в течение нескольких лет, местные компании сумели почерпнуть у иностранных партнеров необходимые для успешной конкуренции навыки ведения бизнеса и технологии. В результате сейчас они создают и продают собственные серии ПК. Освоение зарубежного опыта позволило им создать прибыльные сбытовые и сервисные сети.

Тем не менее китайские фирмы все еще находятся на ранней стадии конкуренции с зарубежными производителями ПК. На данный момент эта конкуренция ограничена в основном сегментом настольных компьютеров.

В настоящее время в КНР уже существует почти 3000 компаний-разработчиков программного обеспечения и около 1000 производителей аппаратных средств. Из этих последних около 200 имеют лицензии от государства на производство ПК,⁷ что слишком много, учитывая общий объем производства компьютеров в КНР (в среднем 9 тысяч ПК на одно предприятие в 1997 г.).

Руководство Китая прекрасно осознает необходимость укрупнения производства для повышения его эффективности. Так, Министерство электронной промышленности КНР в начале 1997 г. с учетом мирового опыта пришло к выводу, что годовое производство ПК на одном предприятии должно быть не меньше 500 тыс. штук.⁸ В результате было решено, что к 2000 году три крупнейших отечественных производителя должны выпускать более 1 млн. компьютеров в год, а ежегодный уровень производства еще у семи-восьми компаний должен превысить 500 тыс. штук.⁹

Иностранный капитал в китайской промышленности по производству компьютеров.

Первое крупное СП по сборке ПК в КНР было создано в конце 1993 года компанией AST Research Inc. в Тяньцзине. С тех пор свои предприятия по производству ПК в КНР создали такие фирмы как Compaq Computer Corp., IBM, Hewlett-Packard Co., NEC Corp., Siemens-Nixdorf Informationsysteme AG и др. Стимулом для этого служит то обстоятельство, что совместные предприятия или иностранные производители ПК в КНР не всегда платят пошлины на импортируемые компоненты.

Иностранный производитель вкладывает в совместное предприятие капитал, предоставляет технологии и управленческие навыки. Китайская сторона предоставляет землю, фабричные площади, свое знание китайских законов и условий местного рынка, а также — свои связи в органах власти.

В настоящее время совместные предприятия могут продавать на китайском рынке лишь часть своей продукции, причем доля эта определяется по соглашению с правительством страны. Так, IBM разрешено продавать на китайском рынке 75% компьютеров, произведенных на заводе в Шэньчжэне, которым она владеет совместно с Great Wall. Причем этот процент выше чем у других компаний, поскольку власти КНР в данном случае больше заинтересованы в получении передовых западных технологий, чем валюты от экспорта.¹⁰

Как бы то ни было, произведенные на различных СП персональные компьютеры часто вывозятся за рубеж лишь для того, чтобы удовлетворить правительственные требования по стимулированию экспорта, но затем их нередко привозят обратно в КНР в качестве импортной продукции (как легальной, так и по теневым каналам).

Совместные предприятия по производству ПК закупают комплектующие как на местном рынке, так и за рубежом. Обычно в самом Китае они приобретают мониторы, источники питания и корпуса для ПК. Материнские платы, центральные процессоры, дисководы для жестких и гибких дисков, накопители CD-ROM закупаются у зарубежных поставщиков.

Производители ПК обосновывают необходимость импорта комплектующих тем, что трудно найти надежного поставщика в самом Китае. Чтобы сэкономить на перевозках, иностранные фирмы создают совместные предприятия по производству комплектующих в провинции Гуандун. Впрочем, производители комплектующих предпочитают экспортировать свою продукцию, чтобы получить иностранную валюту.

Что же касается импорта готовых компьютеров, то здесь китайское правительство проводит линию на защиту отечественной промышленности. Импортеры ПК вынуждены платить 15-процентную таможенную пошлину и 17-процентный НДС на эту продукцию.¹¹ Однако в октябре 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь во время встречи с президентом США Б.Клинтоном заявил о намерении Китая присоединиться к Соглашению об информационных технологиях (ИТА) в рамках ВТО, согласно которому все пошлины на продукцию в области информационных технологий должны быть поэтапно отменены к 2000 г.¹² Видимо, китайское руководство рассчитывает, что к этому времени отечественная компьютерная промышленность твердо станет на ноги и ей будет не страшна иностранная конкуренция.

Пока же, по утверждению главы азиатско-тихоокеанского подразделения Dell Computer Corp. Фила Келли, если платить полностью импортные пошлины на ввозимые в Китай ПК, то цены на них не будут конкурентоспособными. Поэтому иностранные фирмы продают свою продукцию китайским дистрибьюторам на условиях франко-завод или франко-Гонконг.¹³

С целью приближения своей продукции к запросам китайских потребителей некоторые зарубежные компьютерные фирмы начали доверять своим китайским партнерам по сбытовому каналу сборку компьютеров по своей лицензии и из своих комплектующих. Например, тайваньская Асег начала делать это еще в 1992 г. Не исключено, что ее примеру могут последовать в этом году и Compaq. Однако такая ведущая фирма как IBM пока не собирается этого делать, опасаясь ухудшения качества продукции и ущерба своей марке.¹⁴

В целом, огромный потенциал китайского рынка ПК привлекает очень многие зарубежные компании. Последние начинают конкурировать друг с другом, что приводит к фрагментации пока еще небольшого рынка и низкому коэффициенту прибыльности. По мнению аналитиков IDC, большинство иностранных фирм, действующих в области информационных технологий, смогут получить прибыль на инвестированный в Китае капитал лишь через 10-15 лет. Фактически, сейчас они получили бы больше, если бы положили эти средства на сберегательный счет. Однако в расчете на будущие прибыли зарубежные компании сознательно идут на определенные потери, полагая, что чрезмерная осторожность в осуществлении инвестиций может серьезно ограничить их потенциал и обойтись гораздо дороже в долгосрочной перспективе.

Уровень компьютеризации в КНР и развитие рынка ПК.

Уровень компьютеризации в Китае растет весьма быстрыми темпами. Так, в конце 1996 г. установленный парк компьютеров в стране составлял 5,16 млн. штук.¹⁵ Спустя год с небольшим, в начале 1998 г., по оценке Министерства электронной промышленности КНР компьютерный парк страны насчиты-

вал уже около 8,5 млн. ПК,¹⁶ составляя примерно 2,5% общемирового парка.¹⁷ Таким образом, если в конце 1996 г. 1 компьютер приходился на 237 человек, то в начале 1998 г. это соотношение уже составляло 1 к 146. Ожидается, что в 2000 г. в КНР будет уже 20 млн. компьютеров¹⁸ и соотношение будет примерно 1 к 64.

По имеющимся данным на конец 1996 г., 36% компьютеров в КНР были подключены к различного рода сетям.¹⁹ Это дало представителям Министерства электронной промышленности КНР основания утверждать в начале 1997 г., что Китай уже эволюционировал от рынка отдельных персональных компьютеров к их сетевому применению. При этом предполагается, что платформа клиент/сервер станет основной средой применения ЭВМ в ближайшие годы. В качестве еще одного признака растущей зрелости рынка отмечался рост расходов на программное обеспечение и обслуживание компьютеров.²⁰

В настоящее время КНР является самым быстро растущим рынком компьютеров в мире. Начиная с 1992 г. темпы роста продаж ПК в КНР почти ежегодно превышали 50%. Такие же высокие темпы ожидаются и в период до 2000 г.

Таблица 1

Продажи ПК в КНР в 1990-х гг. (факт и прогноз)²¹

Год	Объем продаж (млн. шт.)	Прирост (%)
1992	0,27	—
1993	0,45	66,7
1994	0,72	60,0
1995	1,15	59,7
1996	2,10	82,6
1997	3,00	42,8
1998	4,50	50,0
2000	10,00	—

Большой объем прироста продаж ПК является главным образом результатом создания в КНР информационной инфраструктуры в общенациональном масштабе. По утверждению китайских ответственных лиц, на ее долю в настоящее время приходится более 90% поставок ПК в стране.²² Помимо этого, свою роль играет рост доходов населения, имеющее следствием большее распространение домашних компьютеров.

Рост рынка сопровождается увеличением объема собственного производства ПК в Китае. В течение долгого времени большую часть китайского рынка занимали ПК иностранного производства, однако в 1996 г. их с небольшим преимуществом опередили китайские марки. В последующие два года отечественные производители продолжали завоевывать рынок за счет стратегии снижения цен, поскольку себестоимость их продукции была по понятным причинам ниже, чем у зарубежных конкурентов.

Таблица 2

Производство ПК в КНР (факт и прогноз)²³

Год	Производство (млн. шт.)	Доля китайского рынка ПК, занимаемая отечественными производителями (%)
1995	0,46	40
1996	1,16	55
1997	1,80	60

Год	Производство (млн. шт.)	Доля китайского рынка ПК, занимаемая отечественными производителями (%)
1998	2,60	58
2000	7,00	70

На рост китайской компьютерной промышленности продолжали благотворно влиять и другие факторы, прежде всего – массовые закупки ПК со стороны государства. По оценке Министерства электронной промышленности КНР, около 85% ПК в стране в 1997 г. было закуплено государственными учреждениями и организациями (прежде всего действующими в таких областях как банковская деятельность, страхование, налогообложение, финансы, торговля, таможня, общественная безопасность). Благодаря хорошим связям во властных сферах (чего, как правило, нет у зарубежных конкурентов), китайские фирмы обеспечивают себе многомиллионные контракты. Кроме того, им на руку играет и тот факт, что органы государственной безопасности страны запрещают вторжение в эту сферу деятельности иностранцев.²⁴

Распределение рынка между ведущими компьютерными фирмами.

По официальным китайским данным, в 1996 году отечественные производители ПК впервые заняли большую долю рынка по сравнению с иностранными компаниями. Впрочем, пять из семи крупнейших поставщиков компьютеров на китайский рынок являлись иностранными фирмами. Обращает на себя внимание и отсутствие явного лидера, а также тот факт, что крупнейшие семь компаний заняли в сумме менее половины рынка ПК.

Таблица 3

Распределение рынка ПК в КНР в 1996 г. между различными производителями²⁵

Название компании	Продажи (тыс. шт.)	Доля рынка (%)
Legend (КНР)	207	9,9
IBM	160	7,6
Compaq	150	7,1
AST	145	6,9
Hewlett-Packard	120	5,8
DEC	75	3,7
Great Wall (КНР)	64	3,2
Другие	1 179	56,1
Всего	2 100	100

В 1997г. китайский рынок ПК претерпел серьезные изменения. Так, четко обозначилось деление рынка на 3 примерно равные части, занятые 1). отечественными марками ПК; 2). продукцией известных иностранных фирм; 3). компьютерами кустарной сборки («серое» производство). Legend прочно захватила лидерство, далеко оторвавшись от преследователей, ближайšie из которых отстают от нее почти наполовину. В то же время по-прежнему очень велика доля рынка, занятая мелкими кустарными фирмами (главной причиной этого является тот факт, что немаркированная продукция кустарной

сборки в среднем на 25% дешевле компьютеров известных китайских марок и на 30% дешевле импортных).

Таблица 4

**Распределение рынка ПК в КНР в 1997 г.
между различными производителями²⁶**

Название компании	Продажи (тыс. шт.)	Доля рынка (%)
Legend (КНР)	430	14,3
Great Wall (КНР)	225	7,5
Tontru (КНР)	198	6,6
Founder (КНР)	138	4,6
Другие китайские марки	210	7
Иностранные марки	900 - 1 050	30-35
- среди них IBM	240	8
Продукция кустарной сборки	750 - 900	25-30
Всего	3 000	100

Руководство КНР выделило из всей массы китайских компаний-производителей ПК пять основных, на приоритетное развитие которых решено делать ставку: Legend, Great Wall, Tontru, Founder и Langchao. Правительство оказывало им поддержку с помощью политики преференций, включающей в себя возможное финансирование и финансовые льготы. Кроме того, по словам сотрудников Министерства электронной промышленности КНР, было решено предоставлять им содействие в поглощении других, более мелких компаний.²⁷

Региональное деление рынка ПК в КНР.

По степени зрелости китайский рынок информационных технологий можно разделить на три региона:

Восточный регион включает три города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь и Шанхай) и восемь провинций (Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнань). Этот район наиболее развит в экономическом плане, и в совокупности на него приходится более 82% рынка информационных технологий и телекоммуникаций КНР. На его долю приходится 90% всех ПК, проданных в КНР в 1997 г.

Центральный регион включает 10 провинций: Хэйлуцзян, Цзилинь, Шэньси, Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуанси, Аньхой, Цзянси и Сычуань, а также четвертый город центрального подчинения Чунцин. В 90-х годах на долю этого региона приходится 13% продаж в области информационных технологий и телекоммуникаций. Развитие там идет пока лишь в отдельных зонах, как правило, в провинциальных центрах и крупных городах. Наибольший спрос существует в городах Сиань, Чэнду, Ухань, Чанша, Хэфэй и Шэньян.

Западный регион включает 9 провинций и автономных районов: Синьцзян, уйгурский автономный район, Внутренняя Монголия, Тибет, Цинхай, Ганьсу, Нинся-Хуэйский АР, Шаньси, Гуйчжоу и Юньнань. Этот регион является наименее развитым в стране по социальным и экономическим показателям. На его долю приходится менее 5% общих продаж в области информационных технологий и телекоммуникаций в стране.²⁸

Структура китайского рынка компьютеров.

По имеющимся данным, различные категории компьютеров занимали следующие доли китайского рынка в 1997 г.:

Таблица 5

Бизнес-ПК	Домашние ПК	Ноутбуки	Серверы
64,8	18	7,2	10

Обращает на себя внимание тот факт, что доля ноутбуков в структуре рынка ПК в КНР в 1997 г. была весьма низка по сравнению с ситуацией в западных странах, где она достигает 30-40%. Невелика и доля домашних ПК. В то же время имеются данные, свидетельствующие о том, что эти два сектора растут опережающими темпами по отношению к остальным секторам китайского рынка ПК.

Китайский рынок ПК в международном контексте.

Бурный рост продаж ПК в Китае привел к тому, что по данным IDC уже в 1996 г. китайский рынок стал крупнейшим в Азиатско-Тихоокеанском регионе (не включая Японию), превзойдя южнокорейский. В 1997 г. на долю КНР приходилась более четверти всех ПК, проданных в АТР (без Японии). Однако по стоимостным показателям на долю КНР приходилось всего лишь 18% этого рынка. Это объясняется тем, что на китайском рынке доминируют недорогие модели компьютеров, а объем рынка ноутбуков весьма невелик.²⁹

В настоящее время Китай находится на 6 месте в мире по объему своего рынка ПК после США, Японии, Германии, Великобритании и Франции.³⁰ Однако IDC предсказывает, что уже к 2000 г. КНР станет третьим крупнейшим рынком в мире после США и Японии.³¹

Пока же на сегодняшний день место китайского рынка ПК в мире выглядит следующим образом:

Таблица 6

Продажи ПК в КНР, России, АТР, Японии, США и в мире в целом (млн. шт.)³²

Страна	1997	1998 (прогноз)	Прирост (%)
Россия	1,4	1,7	21,4
КНР	3,0	4,5	50,0
Япония	7,9	8,5	7,3
АТР (не включая Японию)	10,3	11,0	6,9
США	31,5	36,3	15,4
Мир в целом	79,9	90,6	13,4

Таким образом, в настоящее время на долю Китая с его 23% населения земного шара приходится лишь 3,75% мирового рынка ПК. Однако это соотношение будет выглядеть несколько по-иному, если учесть неравномерность регионального развития страны, при котором 90% продаж компьютеров приходится на городское население восточных районов страны.

Весьма любопытным представляется сравнение ситуации с компьютерами в КНР и России по некоторым ключевым параметрам:

Таблица 7

	КНР	Россия
Установленный парк компьютеров (млн. шт.)	8,5	4,0 ³³
Продажи ПК в 1997 г. (млн. шт.)	3,0	1,4

	КНР	Россия
Продажи ПК в 1997 г. (млрд. долл. США)	3,6 ³⁴	1,9 ³⁵
Доля ПК отечественного производства на рынке (%)	60	71 ³⁶
Количество пользователей Интернет (тыс.)	620 ³⁷	600 ³⁸

Как видно из таблицы, ряд черт свидетельствует о большей зрелости рынка ПК в России по сравнению с Китаем. Так, для китайского рынка характерны более дешевые модели ПК, чем для российского (средняя цена 1 компьютера в КНР составила 1 200 долл. США, в то время как в России – 1 345 долл. США). Доля пользователей Интернета в России выше, чем в КНР. Однако общих черт также немало. В частности, рынок ПК в обеих странах сильно фрагментирован: по данным Dataquest, на долю десяти крупнейших компаний продавцов ПК в России приходится 58% продаж в 1997 г. (41% в 1996 г.).³⁹ Схожая картина существует и в КНР. Вообще говоря, большинство приведенных ниже в заключительном разделе характерных черт китайского рынка ПК могут проследиваться и в России. Однако темпы роста рынка в КНР значительно выше, чем в России:

Таблица 8

Динамика роста рынка ПК в КНР и в России (млн. шт.)

Страна	1994	1995	1996	1997	1998	2000
					(прогноз)	(прогноз)
КНР ⁴⁰	0,72	1,15	2,10	3,00	4,50	10,00
Россия ⁴¹	0,65	0,88	1,05	1,40	1,70	2,00

Таким образом, при существующих темпах роста в 2000 г. российский рынок ПК будет составлять в лучшем случае одну пятую часть китайского.

Основные черты современного рынка ПК в КНР.

Подводя итоги, можно выделить следующие характерные черты современного рынка ПК в КНР:

- 1). Темпы его роста самые высокие в мире.
- 2). Норма прибыли действующих на нем компаний достаточно низкая.
- 3). Практически нет отставания от Запада в поступлении в продажу компьютеров, произведенных по новейшим технологиям.
- 4). В то же время на рынке господствуют младшие модели ПК.
- 5). Местные производители могут реально конкурировать с иностранными фирмами лишь в секторе настольных ПК.
- 6). На рынке реализуется огромный объем контрабандной продукции.*
- 7). Значительная часть рынка (по официальной статистике около одной трети) приходится на долю немаркированной продукции кустарной сборки.
- 8). На долю крупнейших производителей (первой десятки) приходится лишь около половины объема рынка.
- 9). Очень сильна региональная неравномерность в развитии рынка (подавляющая часть компьютеров потребляется в восточном регионе страны).

* По некоторым оценкам, общее количество контрабандно ввезенных в КНР (и, соответственно, нигде не учтенных) персональных компьютеров составило в 1996 году 550 тысяч штук, что превышает четверть общего объема рынка ПК в стране в том году // Цзинцзи юй синьси. 1998. №1. С. 29.

Вышеперечисленные черты позволяют охарактеризовать китайский рынок в целом как обладающий большим потенциалом, но еще очень незрелый, находящийся в начальной стадии формирования. Можно ожидать в ближайшие годы продолжения и развития следующих тенденций: доля ПК отечественной сборки на китайском рынке будет повышаться (при этом в абсолютных цифрах снижение импорта вряд ли произойдет из-за быстрого роста рынка); будет происходить увеличение доли ноутбуков и домашних ПК в продажах компьютерной техники; возможно, вырастет доля старших моделей ПК; снизится объем контрабанды в случае присоединения КНР к Соглашению по информационным технологиям в рамках ВТО. В то же время представляется, что такие особенности как региональная неравномерность развития, большая доля продукции кустарной сборки и т.д. сохранятся и в дальнейшем, поскольку они определяются общим уровнем экономического развития страны. Низкая покупательная способность населения еще в течение долгого времени будет сдерживать развитие рынка ПК в КНР. Однако значение этого фактора будет постепенно уменьшаться вслед за повышением жизненного уровня и в результате общей тенденции удешевления компьютеров.

В целом, хотя темпы роста рынка могут несколько снизиться, но они будут оставаться достаточно высокими (хотя бы в абсолютных цифрах) с учетом масштабов страны и развернутого властями КНР широкомасштабного строительства инфраструктурных объектов.

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго го'уюань гунбао. 1996. №13 (827). Сс. 489-490.
2. Чжунхуа жэньминь гунхэго го'уюань гунбао. 1996. №7 (821). Сс. 223, 224
3. Синьхуа мэйжи дяньсюнь. 1998. 5 января Сс. 1,2.
4. Синьхуа мэйжи тунсюнь. 1998. 7 января С. 3.
5. China Daily. 1997. 22 октября С. 5.
6. Там же.
7. China Daily. 1998. 14 января С. 6.
8. Цзинцзи юй синьси. 1997. № 4. С. 15.
9. Сообщение IDG News Service за 27 февраля 1997 года (см.: www.idgchina.com/NEWS/Feb97/comdex1.htm). Стоит отметить, что похожую линию китайское руководство проводит и по отношению к другой технически передовой отрасли - автомобильной промышленности (подробнее см. Цыганов Ю., Остров П. Автомобильная промышленность Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1996. №2. Сс. 52-60)
10. South China Morning Post. 1997. 11 декабря.
11. Сообщение агентства Reuters специально для CNET NEWS. 1997. 24 декабря.
12. CNET NEWS. 1998. 16 января
13. См.: www.idgchina.com/NEWS/August97/Dell.htm
14. South China Morning Post. 1998. 6 января.
15. Цзинцзи юй синьси. 1997. №7. С. 58.
16. Синьхуа мэйжи дяньсюнь. 1998. 24 февраля С. 5.
17. По оценкам, в начале 1998 года в мире насчитывалось 334 млн. компьютеров (PC-WEEK (Russian Edition). №15(139). 1998. 21-27 апреля С. 52).
18. China Daily. приложение Business Weekly. 1998. 12-18 апреля С. 1.
19. Цзинцзи юй синьси. 1997. №7. С. 58.
20. Сообщение IDG News Service за 27 февраля 1997 года (см.: www.idgchina.com/NEWS/Feb97/comdex1.htm).
21. Источник: China Daily. 1997. 24 сентября; 1998. 7 января; 1998. 4 февраля; 1997. 22 октября.
22. China Daily. 1997. 5 августа С. 5. Здесь имеются в виду прежде всего проекты т.н. «Золотой» серии, к реализации которых Китай приступил в середине 90-х гг.: 1). «Золотой мост» - создание информационной сети, действующей в общенациональном масштабе (китайский вариант информационной супермагистрали). 2). «Золотая

- карточка» - создание общенациональной системы банковских и кредитных карт для сокращения объема сделок за наличный расчет. 3). «Золотая таможня», который через компьютерные сети свяжет внешнеторговые компании с таможенными и налоговыми службами, а также с банками с целью создания условий для автоматизации таможенных проверок и расчетов. 4). «Золотой налог» - компьютеризация системы сбора налогов в масштабах всей страны.
23. Рассчитано по: Синьхуа мэйджи дяньсюнь. 1998. 11 января; China Daily. 1998. 14 января; South China Morning Post. 1997. 11 декабря
 24. China Daily. 1998. 7 января С. 6.
 25. Источник: Центр по изучению развития компьютерной и микроэлектронной промышленности Министерства электронной промышленности КНР (см. www.hitachi.co.jp/New/cnews/E/970929D.html).
 26. Источники: Министерство электронной промышленности КНР (см. China Daily. 1998. 7 января С. 6); ИБАС. №13354. 1998. 6 февраля С. 15.
 27. China Daily. 1997. 22 октября С. 5.
 28. South China Morning Post. 1997. 11 декабря.
 29. Japan Times. 1997. 30 июля.
 30. South China Morning Post. 7 мая 1998 года.
 31. CNET NEWS. 1998. 16 января.
 32. Данные по КНР взяты из: China Daily. 1997. 24 сентября; 1998. 7 января; 1998. 4 февраля; 1997. 22 октября. По России, АТР, Японии, США и миру в целом - данные IDC (South China Morning Post. 1998. 17 марта).
 33. Статистических данных по этой позиции применительно к России обнаружить не удалось. Приведенная цифра - оценка автора на основе объемов и динамики российского рынка.
 34. Сообщение агентства Синьхуа. Цит. по: CNET NEWS. 1998. 16 января.
 35. Данные IDC (Россия).
 36. Данные IDC (Россия).
 37. Гуанмин жибао. 1998. 15 января С. 6.
 38. Цифра, приведенная вице-премьером В.Булгаком (Компьютерра. №2(230). 1998. 19 января С. 40).
 39. Цит. по: Algorithm Weekly. №1. 1998. 17 апреля С. 2.
 40. Источник: China Daily. 1997. 24 сентября; 1998. 7 января; 1998. 4 февраля; 1997. 22 октября.
 41. Источник: IDC (Россия) // см. Финансовые известия. №27 (477). 1998. 16 апреля С. 5.

Система социальной защищенности в Японии

© 1999

В.Хлынов

Одним из важнейших факторов сравнительно успешного социально-экономического развития современной Японии является довольно эффективная система социальной защищенности как всего японского общества, так и каждого человека в отдельности.

Японские специалисты характеризуют суть и цели этой системы следующим образом: "Социальная защищенность, в противовес нестабильности, присущей развитию индустриальных обществ, преследует цель гарантировать минимально-необходимый уровень жизни всем гражданам нации и стабильность их стилей жизни путем коллективных действий, координируемых национальным правительством"¹. Иначе говоря, создание такой системы требует совместных усилий всех слоев общества под руководством правительства.

Исторически такая система казалось начала складываться в Японии в результате незавершенной буржуазной революции Мэйдзи 1868 года. Однако вплоть до окончания второй мировой войны, ввиду милитаристского курса политики тогдашних правящих кругов Японии, социальная защищенность человека находилась в эмбриональном состоянии.

Поражение японского милитаризма во второй мировой войне создало необходимые условия для развития Японии по мирному демократическому пути, что позволило приступить к созданию всеобъемлющей системы социальной защищенности самых широких слоев японского общества. Создание и развитие этой системы прошло несколько этапов.

Сразу же после окончания войны и до начала 50-х годов японским правительством был принят ряд важных законов, направленных на ликвидацию царившей в стране нищеты и оказание социальной помощи нуждающимся слоям населения. Так в 1946 году был принят Национальный закон о вспомоществовании, дополненный в 1950 году. В 1948 году появился Закон о благосостоянии инвалидов, а в 1949 году Закон о благосостоянии детей.

Не менее важное значение имело принятие в первые послевоенные годы и таких законов, как Закон о профсоюзах (1946 год), демократизировавший отношения труда и капитала, Закон о трудовых стандартах, ликвидировавший полуфеодалную эксплуатацию труда (1947 год), Закон о страховании по безработице (1947 год) и других, направленных на обеспечение основных прав и нормальное существование наемных работников.

Фундаментом этих и всех последующих законов и осуществленных на их основе реформ являлась и является принятая в 1947 году послевоенная Японская конституция, провозгласившая основные демократические права и свободы народа.

Период с конца 50-х годов и до 1973 года характеризовался принятием целого ряда законов, направленных на расширение системы социального страхования. Так, в 1958 году был принят Национальный закон о страховании здоровья, а в 1959 году - Национальный закон о пенсиях. Оба эти закона с апреля 1961 года вступили в силу и с тех пор распространяются на всех японских граждан. В 1973 году, в связи с вызванным "нефтяным кризисом" резким ростом потребительских цен, на основании этих законов были значительно повышены размеры всех социальных пособий и пенсий.

Не менее важное значение имело принятие в указанный период времени и таких законов, как Закон о благосостоянии лиц с замедленным умственным развитием (1960 г.), Закон о благосостоянии лиц преклонного возраста (1963 г.), Закон о материнстве и младенчестве (1964 г.), Закон о повышении детских пособий (1964 г.), Закон о повышении специальных детских пособий (1964 г.) и новый Закон о детских пособиях (1971 г.).

Наконец, начиная с 1974 года основное внимание японского правительства уделяется законодательству, нацеленному на дальнейшее коренное совершенствование системы социального страхования, которая бы отвечала требованиям приближающегося XXI века. В качестве первого шага в этом направлении стало принятие Закона об обеспечении занятости (1974 г.), сменившего собой Закон о страховании по безработице 1947 года. В 1989 году на основе ранее принятых законов была разработана стратегия обеспечения здоровья и благосостояния престарелых лиц, нуждающихся в оказании им помощи на дому, известная как "Золотой план". Немаловажное значение имело и принятие в 1985 году Закона о равных возможностях в области занятости, запретившего дискриминацию женщин на предприятиях и в учреждениях. Наконец, в 1986 году на свет появился Закон о стабилизации занятости лиц пожилого возраста. В результате в стране создана всеобъемлющая и весьма эффективная система социальной защищенности как всего японского общества, так и каждого отдельного человека. При этом указанная система продолжает совершенствоваться. Она сыграла и продолжает играть крайне важную позитивную роль в сравнительно успешном социально-экономическом развитии Японии. Основными и главными компонентами этой системы являются: гарантии доходов из общественных фондов лицам, оказавшимся в экстраординарном положении; страхование здоровья; обеспечение благосостояния лиц преклонного возраста, инвалидов и малолетних детей, нуждающихся в повседневном уходе; общественная помощь лицам, чей уровень жизни ниже установленного стандарта.

Остановимся на каждом из этих компонентов.

1. Гарантия доходов

Гарантия доходов из общественных фондов лицам, оказавшимся в экстраординарном положении, представляет собой первостепенный компонент общей системы социальной защищенности человека в современном японском обществе. Основной целью этого компонента является возмещение материальных потерь тем, кто в результате безработицы, бытовой травмы и болезни, преклонного возраста, инвалидности, потери кормильца, несчастного случая на производстве и других подобных случаев столкнулся с сокращением своего дохода. Это осуществляется прежде всего на основе различных систем социального страхования, включая страхование занятости, страхование здоровья и прочие виды социального страхования. Совершенно очевидно, что широкий охват населения различными видами социального страхования обеспечивает всем застрахованным определенное возмещение материальных потерь, поне-

сенных ими в результате вышеуказанных случаев. К этой же категории можно отнести и пенсионное обеспечение по старости.

Страхование занятости можно считать фундаментом развития экономики. Принятый правительством в 1975 году Закон о страховании занятости направлен на то, чтобы обеспечить безработным минимально-необходимый доход из общественных фондов путем выплаты им соответствующих пособий. Закон обязателен для всех отраслей экономики вне зависимости от типа и размера предприятия. Он охватывает практически всех работников за исключением: вновь нанятых в возрасте 65 лет и старше; сезонных рабочих, занятых менее четырех месяцев в году; лиц, охваченных специальной системой страхования моряков; а также служащих центральных и местных учреждений, получающих выходные пособия, превышающие размер обычного пособия по безработице.

Общий фонд страхования занятости создается за счет ежемесячных страховых взносов как работников, так и предпринимателей, а также средств, выделяемых из государственного бюджета. При этом застрахованные работники и предприниматели вносят в этот фонд равные доли.

Размер основного пособия по безработице в зависимости от стажа работы и периода уплаты страховых взносов колеблется от 60 до 80% зарплаты, которую безработный получал до наступления безработицы. Для получения такого пособия необходимо лишь одно условие: безработный должен быть застрахован по крайней мере 6 месяцев в течение года, предшествовавшего потере работы. Наряду с основным пособием в ряде случаев могут выплачиваться также дополнительные пособия для поиска новой работы, для изменения вида занятости и для продолжения работы на прежнем месте².

Наконец, что касается периода выплаты пособия по безработице, то он зависит как от возраста безработного, так и от количества лет, в течение которых он уплачивал страховые взносы. Этот период может колебаться от 90 до 300 дней³. В течение этого периода времени безработный, как правило, находит себе работу, т.е. вновь включается в число занятых.

В результате такой системы страхования занятости уровень безработицы в Японии значительно ниже чем у других ведущих капиталистических стран. Так, например, в 1996 году он составлял всего 3,3% от общего количества занятых. В США этот показатель был равен 5,4%, в Германии - 10,3%, в Великобритании - 7,6%, в Канаде - 9,6%, во Франции - 12,4%, в Италии - 12,2%⁴.

Все более важное значение в плане социальной защищенности человека в современном японском обществе приобретает также пенсионное обеспечение по старости. Это вызвано беспрецедентно быстрым старением японской нации. О масштабах и скорости этого процесса свидетельствуют, в частности, следующие данные. За период с 1950 по 1995 годы население Японии выросло с 84,12 млн. до 125,57 млн. человек, т.е. увеличилось примерно в 1,5 раза. За те же годы число лиц в возрасте 65 лет и старше выросло с 4,16 млн. до 18,26 млн. человек, т.е. почти в 4,4 раза. При этом, особенно заметно выросло число лиц старше 75 лет. Эта группа престарелых увеличилась с 1,07 млн. до 7,17 млн. человек, т.е. в 6,7 раза⁵.

Согласно существующим прогнозам, к 2000 году лица старше 65 лет составят 17% всего населения страны и Япония станет самым старым обществом в мире⁶.

Учитывая все это, руководство Японии придает первостепенное значение совершенствованию всех существующих в стране систем социального обеспечения по старости путем постоянных реформ в этой области.

В настоящее время в Японии действует шесть взаимосвязанных между собой систем пенсионного обеспечения, охватывающих практически все слои взрослого населения страны. К ним, в частности, относятся:

1. Национальная пенсионная система, охватывающая в основном самостоятельно занятых работников, осуществляемая правительством;

2. Пенсионная система наемных работников, или так называемая система пенсионного страхования лиц, работающих по найму в частных компаниях, осуществляемая правительством;

3. Национальная пенсионная система работников общественной службы, осуществляемая Ассоциацией взаимопомощи и охватывающая работников общенациональных общественных учреждений, работников государственных железных дорог, работников Телеграфно-телефонной корпорации, работников Табачной монополии;

4. Пенсионная система работников местных общественных учреждений, осуществляемая Ассоциацией взаимопомощи;

5. Пенсионная система учителей частных школ и работников Ассоциации взаимопомощи;

6. Пенсионная система работников Ассоциаций взаимопомощи в сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве, осуществляемая этими ассоциациями⁷.

Все эти пенсионные системы включают в себя три вида пенсий: по старости, по инвалидности и по случаю смерти кормильца, которая выплачивается родственникам умершего.

Начиная с середины 80-х годов японское правительство осуществляет крупномасштабную поэтапную реформу всех видов социального обеспечения. Основной целью этой реформы является объединение всех существующих разрозненных систем социального страхования, в том числе и пенсионного обеспечения по старости, в единую систему с общими принципами страхования, включая единый размер страховых взносов, предоставление единообразных пособий и услуг. Первым важным шагом в этом направлении явилось введение для всех пенсионных систем единой "базовой пенсии". Такая пенсия, согласно общим правилам, назначается в возрасте 65 лет при 25-летнем стаже страхования. При этом, чрезвычайно важное значение имеет и то, что в результате введения так называемой "двухъярусной системы" пенсионного обеспечения, помимо "базовой", некоторыми крупными компаниями выплачивается и дополнительная, т.н. "местная" пенсия из средств компаний, размер которой в зависимости от той или иной пенсионной системы выше "базовой". На конец, что касается общего размера пенсии по старости, то при любой системе он зависит от стажа работы и периода страхования. Важно отметить и то, что пенсии по старости подлежат ежегодной автоматической индексации если рост розничных цен в предыдущем году превысил 5%. Кроме того, индексация пенсий осуществляется и через каждые 5 лет для того чтобы учесть те изменения, которые в течение этих лет произошли в экономике страны и уровне жизни народа⁸.

Таким образом, вполне очевидно, что государство играет важную роль в постоянном совершенствовании пенсионного обеспечения вообще, и пенсионного обеспечения по старости, в особенности.

Не менее важная роль в этой области принадлежит и японским крупным компаниям, большинство из которых имеет собственные программы, направленные на усиление социальной защищенности своих работников, в том числе и в сфере их пенсионного обеспечения.

Среди всех этих программ особенно важное значение для уходящих на пенсию по старости имеет система так называемых "выходных пособий", практикуемая практически всеми японскими компаниями с числом занятых

30 и более человек. При этом важно отметить, что эти пособия выплачиваются без каких-либо предварительных страховых взносов со стороны работников, т.е. осуществляются на безвозмездной основе за счет прибылей предприятия. Единственное условие, дающее право на получение таких пособий, сводится к тому, что работник должен непрерывно проработать на данном предприятии не менее 20 лет. Общий размер выходного пособия зависит как от стажа работы, так и от уровня образования работника. Нижеприводимые результаты последнего официального обследования дают общую картину средних размеров выходных пособий на указанных предприятиях (см. табл. 1).

Таблица 1

**Средний размер выходных пособий на предприятиях Японии
(1993 год. Работники - мужчины)**

Уровень образования и стаж работы	Размер предприятия							
	Все пред- приятия		Более 1 тыс. занятых		100-999 занятых		30-99 занятых	
	млн. иен	кол. з/п	млн. иен	кол. з/п	млн. иен	кол. з/п	млн. иен	кол. з/п
Университетское								
20-24 года	12,8	24,7	13,7	26,9	13,5	25,6	9,9	18,9
25-29 лет	16,9	30,9	19,7	37,5	13,9	24,9	12,3	18,9
30-34 года	25,0	41,3	27,8	43,5	18,6	34,9	10,7	29,8
более 35 лет	28,5	48,0	30,6	50,0	22,3	41,4	10,3	27,8
Полная средняя школа								
20-24 года	8,6	20,8	11,1	27,3	8,6	19,7	5,6	14,3
25-29 лет	11,3	27,3	15,2	35,7	9,9	24,9	8,4	19,9
30-34 года	16,2	36,0	19,0	40,9	14,3	32,2	14,2	32,5
более 35 лет	22,0	46,6	24,0	50,2	17,4	37,6	12,4	32,9

Источник: *Japanes Working Life Profile. Labor Statistics. The Japan Institute of Labour, 1996-1997. - Tokyo, Japan. - P. 80.*

где: 1 - млн. иен, 2 - количество месячных зарплат.

Как видно из таблицы, средний размер выходных пособий в подавляющем большинстве случаев составляет десятки миллионов иен. Совершенно очевидно, что это является важным подспорьем в обеспечении достойной жизни пенсионеров.

2. Страхование здоровья

Страхование здоровья представляет собой чрезвычайно важный компонент общей системы социальной защищенности человека в современном японском обществе, поскольку затрагивает интересы всех без исключения слоев населения.

В настоящее время в Японии действует шесть систем страхования здоровья, в том числе:

- система страхования наемных работников частного сектора;
- система страхования моряков;
- система страхования служащих общенациональных общественных учреждений;
- система страхования служащих местных общественных учреждений;
- система страхования учителей частных школ и других школьных работников;

- национальная система страхования самостоятельно занятых работников и незанятых лиц⁹.

Все эти системы в конечном итоге контролируются японским правительством в лице Министерства здравоохранения и благосостояния и охватывают все население Японии. Все расходы, необходимые для выплаты страховых пособий, покрываются за счет взносов работников и предпринимателей, вносящих в страховые фонды, как правило, равные доли.

Пособия по страхованию здоровья охватывает довольно широкий круг оплачиваемых страховыми компаниями расходов на медицинские услуги, включая медобследование, предоставление лекарств и медицинских препаратов, прививки, операции и другие виды лечения, госпитализацию, уход за больным и транспортировку больного. Кроме того есть и пособия наличными выплатами по случаю болезни и травмы, беременности и родов, по случаю смерти кормильца и ряду других видов страхования здоровья¹⁰.

В связи с чрезвычайно быстрым старением японского населения, о чем уже говорилось выше, следует особо остановиться на страховании здоровья лиц преклонного возраста. Этот вид страхования осуществляется сегодня на основе принятого правительством и вошедшего в силу в феврале 1983 года "Закона об охране здоровья и медицинском обслуживании лиц преклонного возраста". Созданная и действующая на основе этого закона специальная программа включает в себя такие меры, как профилактика, терапия и реабилитация здоровья лиц преклонного возраста. В осуществлении этой программы ведущую роль играют местные муниципалитеты, предоставляя нуждающимся пособия на медицинскую помощь и другие услуги по охране здоровья. При этом важно отметить, что все расходы на это покрываются из общественных фондов, которые создаются центральными, префектуральными и местными органами власти. При этом лицам старше 70 лет, доход которых ниже установленного уровня, медицинская помощь оказывается бесплатно также из общественных фондов, 2/3 в которые вносит правительство, 1/6 - префектуры и 1/6 - муниципалитеты¹¹.

3. Обеспечение благосостояния

Важным компонентом общей системы социальной защищенности человека в сегодняшней Японии является также обеспечение благосостояния лиц преклонного возраста, инвалидов и малолетних детей, нуждающихся в повседневном уходе. О том, насколько серьезное значение придается правящими кругами Японии благосостоянию этих слоев населения свидетельствует существование в стране целого ряда специальных законов и самых разнообразных учреждений, связанных с оказанием услуг в этой области.

К числу т.н. основных законов в этой сфере относятся Закон о благосостоянии детей, Закон о благосостоянии физически неполноценных лиц, Закон о благосостоянии умственно отсталых лиц, Закон о благосостоянии лиц преклонного возраста и Закон о благосостоянии матерей, детей и вдов. Исходя из положений основных законов в Японии приняты и действуют также Закон об институциональных стандартах для умственно и физически неполноценных лиц, Закон о детских пособиях и пособиях по поддержанию семей без отцов, Закон о специальных пособиях по воспитанию ребенка в семьях с умственно отсталыми детьми, Закон о здоровье матери и ребенка, Закон о здоровье лиц преклонного возраста, Закон о помощи бедным и другие.

На основании этих законов все учреждения по оказанию социальных услуг в области обеспечения благосостояния осуществляют свою деятельность

под управлением и контролем правительства, префектур, муниципалитетов и зарегистрированных властями различных общественных корпораций по вопросам благосостояния. Наряду с этим в стране существует целая система так называемых общественных советов по вопросам благосостояния, которые создаются как в центре так и на местах и играют главную роль в частном секторе этой деятельности. Правительство оказывает этим советам финансовую помощь из государственного бюджета¹².

Учитывая быстрое старение японского общества и необходимость особой поддержки лиц преклонного возраста, японское правительство еще в 1963 году приняло специальный Закон о благосостоянии престарелых. Этот важный закон предоставляет возможность престарелым, особенно 65-ти и старше лет с низким доходом или прикованным к постели болезнью, воспользоваться помощью специальных государственных учреждений, не полагаясь на неопределенную и случайную общественную поддержку.

Немалую роль для поддержания благосостояния лиц преклонного возраста, наряду с правительством, играют и местные органы власти, предоставляющие указанным лицам ряд других важных видов обслуживания и льгот. К числу последних, например, относится бесплатный проезд на общественном и частном транспорте.

Не менее важное значение в Японии предается также обеспечению благосостояния инвалидов. Деятельность правительства и местных органов власти в этой области осуществляется на основе Закона о благосостоянии физически неполноценных лиц и Закона о благосостоянии лиц с замедленным умственным развитием. Эти законы предусматривают 3 вида обслуживания, включая службу предотвращения, раннего обнаруживания и раннего лечения инвалидности; службу предоставления помощи инвалидам на дому и стационарное лечение. Все эти виды обслуживания представляют собой единую программу, преследующую цель гарантировать каждому инвалиду медицинскую помощь, минимально необходимый доход, занятость, обучение и другую помощь.

Особая забота со стороны государства проявляется также к малолетним детям и прежде всего к тем, которые нуждаются в повседневном уходе. Практически эта забота осуществляется целым рядом специальных детских учреждений, занимающихся вопросами благосостояния детей. К ним относятся дневные центры ухода за детьми, учреждения для детей-инвалидов, дома для младенцев, за которыми некому ухаживать, опекунские дома по уходу за новорожденными, дома для детей, не имеющих отцов и дома для подростков-правонарушителей. В стране создана сеть центров, консультирующих родителей по всем вопросам благосостояния детей¹³.

Деятельность всех указанных учреждений осуществляется на основе целого ряда специальных законов, таких как Закон о благосостоянии детей, Закон о благосостоянии матери, ребенка и вдовы, Закон о детских пособиях и пособиях по поддержке семей, не имеющих отца, Закон о специальных пособиях по воспитанию ребенка в семьях с умственно отсталыми детьми и Закон о здоровье матери и ребенка. Согласно этим законам, забота о малолетних гражданах начинается с их рождения. Так, с целью как можно раньше обнаружить возможные отклонения в развитии малышей они в течение первых трех лет в обязательном порядке трижды подвергаются всестороннему обследованию - сразу после рождения, в возрасте 18 месяцев и 3 лет. После обследования дети с отклонениями в развитии проходят лечение. Одновременно на каждого ребенка заводится специальная карта с программой по необходимому уходу за ним. Физически неполноценные дети, нуждающиеся в продолжении лечения, направляются в специальные детские лечебные заведения. Детей с умст-

венными отклонениями направляют в специальные дневные детские центры. В связи с этим важно отметить, что законодательство о благосостоянии малолетних детей предусматривает оказание финансовой помощи и предоставление широкого круга других услуг лицам, осуществляющим уход за малолетним ребенком.

Следует упомянуть и о существующей в стране системе детских пособий. Основу этой системы составляет Закон о детских пособиях. Он призван уменьшить бремя, лежащее на родителях и переложить часть расходов по уходу за ребенком на общество. Общегосударственная его цель заключается в том, чтобы обеспечить прочную основу для нормального роста и развития молодого поколения, которое должно поддержать нацию в будущем, в сложных условиях быстрого старения японского общества.

4. Общественная помощь

Наряду с тремя вышерассмотренными компонентами общей системы социальной защищенности человека в современном японском обществе, не менее важную роль в этой системе играет и оказание общественной помощи лицам, уровень жизни которых ниже периодически определяемого Министерством здравоохранения и благосостояния уровня.

Говоря об общественной помощи указанным лицам, необходимо прежде всего подчеркнуть, что Япония никогда не шла в этой области по пути Западных стран, где такая помощь оказывается всем, в том числе и трудоспособным бедным, на основе Закона о бедности. Напротив, правящие круги Японии постоянно отвергали концепцию оказания такой помощи нищим с нормальным здоровьем и в своей политике делали упор на специальные формы общественного труда и социальные программы, направленные на предотвращение и ликвидацию нищеты.

Основным законом, согласно которому осуществляется эта политика, является Закон о гарантии нормальной повседневной жизни. Принятый в 1946 году и значительно дополненный в 1950 году он, в отличие от многочисленных законов об общественной помощи в других странах, например, в США, представляет собой единое законодательство, определяющее и регулирующее все виды такой помощи.

Закон предусматривает оказание следующих видов общественной помощи:

- помощь на жизнедеятельность, включающая питание, одежду и другие предметы первой необходимости для удовлетворения нужд повседневной жизни;

- помощь на образование, включающая предоставление учебников, школьных завтраков, школьных пособий и других услуг, связанных с обязательным образованием;

- жилищная помощь, предоставляемая тем, кто не в состоянии уплатить за жилье, или осуществить необходимый ремонт жилища;

- медицинская помощь, предоставляемая тем, кто в виду бедственных обстоятельств не в состоянии поддержать минимальный уровень жизни. Она включает в себя медицинское обследование, предоставление лекарств, лечение, включая операции и другие виды медицинского вмешательства, помещение в больницу или клинику с предоставлением транспорта и услуги медицинской сестры;

- помощь по материнству, предоставляемая тем, кто не в состоянии оплатить стоимость родов, а также предродового и послеродового ухода;

- помощь для поддержания трудовой деятельности в виде профессиональной информации, пособий и средств производства, необходимых для их

профобучения с тем, чтобы они имели возможность поддержать себя самостоятельно;

- помощь на похоронный ритуал¹⁴.

Наконец, что касается размеров общественной помощи, то они устанавливаются Министерством здравоохранения и благосостояния с учетом возраста, пола, состава семьи и других сведений нуждающихся в этой помощи. При этом, согласно Закону о гарантии нормальной повседневной жизни, эта помощь должна быть достаточной для удовлетворения минимально-необходимых жизненных потребностей. В связи с этим важно отметить и то, что учитывая рост цен и повышение общего уровня жизни народа, размеры общественной помощи с середины 80-х годов ежегодно индексируются и приводятся в соответствие с этими показателями¹⁵.

* * *

Предпринятый выше анализ системы социальной защищенности человека в современном японском обществе позволяет сделать два главных вывода.

Во-первых, в отличие от довоенных и первых послевоенных лет действующая сегодня в Японии система социальной защищенности человека носит довольно развитый характер, поскольку охватывает все слои населения от рождения и до смерти, или, по образному выражению японских специалистов, "от колыбели до могилы".

Во-вторых, указанная система уже сыграла и продолжает играть чрезвычайно важную роль в сравнительно быстром социально-экономическом развитии Японии.

Однако, было бы неправильно думать, что все проблемы в этой важной области уже окончательно решены. Жизнь идет вперед и ставит новые задачи, в том числе и в области социальной защищенности человека. Многочисленные специальные обследования говорят о том, что больше половины граждан Японии сегодня уже не довольны действующей в стране системой социальной защищенности человека.

В связи с этим в последние годы ряд государственных и частных учреждений разработали и опубликовали предложения о необходимости осуществления целого ряда конкретных мер, направленных на совершенствование системы социальной защищенности в стране. Среди таких документов особое место занимает опубликованный в июне 1997 года Доклад исследовательского комитета по вопросам жизни нации и экономики верхней палаты японского парламента, озаглавленный "Управление экономикой, соответствующее требованиям общества в 21 веке". В докладе подчеркивается необходимость осуществления двенадцати первоочередных мер, направленных на совершенствование ныне действующей в Японии системы социальной защищенности человека. Эти меры сводятся к следующим:

- внесение изменений и дополнений в систему с тем, чтобы она отвечала решению проблем, связанных с сокращением рождаемости и быстрым старением общества;

- обеспечение стабильного дохода лицам преклонного возраста;

- создание соответствующих условий для обеспечения занятости лиц преклонного возраста;

- улучшение системы здравоохранения и медицинской помощи;

- повышение степени вовлеченности лиц преклонного возраста в общественную жизнь;

- улучшение условий ухода за лицами преклонного возраста и особенно за теми, которые нуждаются в помощи на дому;
- оказание поддержки группам добровольцев, оказывающим помощь лицам преклонного возраста;
- создание эффективной системы защиты здоровья лиц преклонного возраста;
- облегчение бремени родителей по воспитанию детей;
- развитие принципа совместимости работы с воспитанием детей и уходом за ними на дому;
- оказание помощи родителям по воспитанию детей на уровне местных общин;
- упрощение информации и процедур ее получения в области здравоохранения, медицинского обслуживания и благосостояния лиц, пользующихся этими видами услуг¹⁶.

Осуществление всех этих мер, по мнению японского правительства, которое с 1997 года уже претворяет их в жизнь, к началу XXI века принесет свои первые позитивные плоды.

1. Social Security in Japan / Foreign Press Center. Japan, 1995. P. 7.
2. Ibid. P. 39.
3. Ibid. P. 39.
4. Nippon 1997, Business facts and figures. Yetro, 1997. P. 115.
5. A Report on National Life and Economy. Appropriate Economic Management to Respond to the Demands of the Economic Society in the 21st Century. Summary, June 1997. Research Committee on National Life and Economy. House of Councillors, Diet of Japan. P. 8.
6. What is needed for a Rapidly aging Society / Foreign Press Center. Japan, 1997. P. 33.
7. Japanese Working Life Profile. Labor Statistics / The Japan Institute of Labour. Tokyo, Japan, 1996-1997. Pp. 81-82.
8. Подробнее об этих реформах см.: Матрусовой Т. Социальное обеспечение в Японии: достижения и проблемы стареющего общества // монография Япония: в поисках новых рубежей / Восточная литература РАН. Москва, 1998. С. 116-131.
9. Social Security in Japan / Foreign Press Center. Japan, 1995. P. 46.
10. Outline of Social Insurance in Japan. Compiled by Social Insurance Agency. Japanese Government. Tokyo, 1993. P. 27-42; Social Security in Japan / Foreign Press Center. - Japan, 1995. Pp. 45-50.
11. Ibid. P. 50.
12. Social Security in Japan / Foreign Press Center. Japan, 1995. Pp. 58-59.
13. Ibid. Pp. 59-62.
14. Glimpses of Social Work in Japan. Edited by Dorothy Dessan, Social Workers' International Club of Japan. Tokyo, 1968. Pp. 63-64; Social Security in Japan / Foreign Press Center. Japan, 1995. Pp. 55-56.
15. Ibid. P. 56.
16. A Report on National Life and Economy. Appropriate Economic Management to Respond to the Demands of the Economic Society in the 21st Century / Research Committee on National Life and Economy, House of Councillors, Diet of Japan. June, 1977. Pp. 19-23.

Национализм в понимании Сунь Ятсена

© 1999

А.Москалев

В своей монографии о Сунь Ятсене Г.В. Ефимов писал, что основатель Китайской Республики «был и остался националистом»¹. Подобного рода характеристики, как правило, несут в себе негативную окраску. Такие оценки национализма весьма распространены. И не только у нас. «Не может быть хорошего национализма»², - говорил американский синолог Жуань Мин на состоявшейся в 1996 г. в Зандфоорте (Голландия) международной научной конференции «Национализм и перспективы Китая»³. Но такая трактовка национализма - односторонняя. Показательно, что большинство участников конференции в Зандфоорте пришли к мнению, что «хорошая перспектива для Китая - в соединении национализма с демократизмом»⁴.

Сам Сунь Ятсен относил национализм к общечеловеческим ценностям. В этом его взгляды близки к позиции тех современных исследователей, которые видят в национализме конструктивное, творческое начало, отнюдь не закрывая глаза на все негативное в этой идеологии. Сунь Ятсен тоже видел «крайности» национализма, старался от них избавиться. Тем не менее, в национализме Сунь Ятсена есть и положительное, и отрицательное. Не может быть однозначной оценки суньятсеновского национализма. К тому же национализм Сунь Ятсена противоречив. Это также нельзя не учитывать при оценке его позитивных и негативных сторон.

Отечественная историография богата литературой о Сунь Ятсене. Но это в основном работы о нем как о политике, об авторе социально-экономических программ, революционере-демократе. Гораздо менее раскрыта сущность его учения о национализме. Между тем в идейном наследии Сунь Ятсена национализм занимает отнюдь не периферийное место. Го Чжаньбо еще в 30-х годах отмечал, что «центральной, всепроникающей идеей» Сунь Ятсена была «его "идея нации" (миньцзу сысян)»⁵. В статье «Единая нация в проектах Сунь Ятсена» я затронул тему суньятсеновского национализма под углом зрения его нациестроительской деятельности⁶. Настоящая статья посвящена характеристике суньятсеновского национализма в более общем плане, с учетом его различных граней. В ней я хочу привлечь внимание, в частности, к особенностям формирования и эволюции националистических идей Сунь Ятсена, коснуться его взглядов на национализм вообще и на, как он говорил, «национализм ханьцев», его истоки, роль в жизни нации.

Всю эту проблематику удобно рассмотреть поэтапно в соответствии с основными периодами эволюции суньятсеновского национализма. Начальный этап, стартовой точкой которого можно назвать 1893 г., связан с формулированием первых националистических лозунгов, определивших характер суньятсеновского национализма и русло его дальнейшего развития. Второй этап охватывает период примерно с начала 900-х гг. до конца 1912 г. В этот период происходит расширение содержательного поля суньятсеновского национализма, проводится в жизнь его антимаьчжурская установка, складывается и выдвигается программное требование ассимиляции неханьских национальностей. Третий этап - годы поисков «формулы» национализма, определения его «позитивных» начал (с конца 10-х гг. до 1 съезда Китайского Гоминьдана включительно). Последний, четвертый этап связан с выдвинутой Сунь Ятсеном концепцией национализма государственной нации, изложенной в лекциях 1924 г.

I

Исследователи относят время зарождения суньятсеновского национализма к первой половине 90-х гг. прошлого столетия ⁷. Примерно это же время имел в виду Сунь Ятсен, когда писал в 1916 г., что он придерживается учения о трех народных принципах на протяжении «более 20 лет» ⁸. В ходе подготовки к созданию Синчжунхуэя (Союза возрождения Китая) Сунь Ятсен и его ближайшие единомышленники в Гуанчжоу (Лу Хаодун, Чжэн Шилян) сформулировали в 1893 г. программные лозунги этой организации. В первоначальной редакции эти лозунги гласили: «Изгнать варваров-татар (*далу*), породить Хуася (т.е. Китай. - А.М.)» ⁹. Много лет спустя Сунь Ятсен так комментировал использованное в первом лозунге наименование «варвары-татары». Китайцы, говорил он, «двести с лишним лет имели татарина (*дацзы*) императором». «Татары - это и есть маньчжуры, - пояснял Сунь Ятсен, - иначе их именуют *далу*» ¹⁰. Компонент *да* в этом слове означает «татары», *лу* - название варварского племени, обитавшего на северных окраинах Китая. Что касается наименования Хуася в качестве обозначения дошанского государственного образования в Китае, то оно еще однажды встречается в Уставе Синчжунхуэя гавайской (1894 г.) редакции в контексте: «некогда величественное (государство) Хуася...».

Употребляя в качестве названия Китая слово Хуася, Сунь Ятсен и его единомышленники хотели, по-видимому, подчеркнуть глубочайшие корни государственности ханьцев и их предков, из чего должен был следовать непреложный вывод о необходимости восстановления ханьского государства в Китае. Впоследствии, когда в китайском языке появились термины «нация» и «национализм», тенденция поисков корней ханьского национализма в глубокой древности (ко временам мифологической фигуры Хуанди) продолжилась.

Правда, когда в конце 1894 г. на Гавайях был образован Синчжунхуэй, название Китая в его программных лозунгах обозначалось иначе. В тексте присяги (1894 г.) второй лозунг звучал так: «Возродить Срединное государство (Чжунго)» ¹¹. В программных же лозунгах Устава Синчжунхуэя гавайской (1894 г.) и гонконгской (1895 г.) редакций в качестве названий Китая фигурировало слово Чжунхуа ¹². Отказ от архаики (Хуася) все же взял верх. Революционеры решили использовать в своем лозунге возможное название будущего «послеманьчжурского» Китая.

Для начального этапа становления суньятсеновского национализма особенно характерен акцент на ущемленности национальных чувств ханьцев, обусловленной их зависимостью от власти «инородцев» внутри страны и

внешним давлением со стороны держав на Китай. В гонконгской (1895 г.) версии Устава Синчжунхуэя читаем: «Некогда величественное Китайское государство (Хуаго) ни во что не ставится державами; цвет (ханьской) нации третируется инородцами. Могут ли (при этом) не сокрушаться сердца всех (ханьских) патриотов!»¹³ Именно такие чувства, связанные со всякого рода дискриминацией, утратой былой государственности и т.п., создавали благоприятные условия для появления и разрастания националистических настроений среди ханьцев. Сунь Ятсен и его соратники использовали данное обстоятельство в своей революционной пропаганде. Даже в двадцатые годы Сунь Ятсен назовет ханьцев «униженной нацией», имея в виду несправедливости навязанных Китаю державами неравноправных договоров и т.п.¹⁴

Итак, основными националистическими лозунгами, выдвинутыми Сунь Ятсеном и его соратниками в первой половине 90-х годов прошлого века, стали призывы к устранению от власти маньчжуров и возрождению ханьского Китая. Ибо с воцарением маньчжурской династии, как подчеркивал Сунь Ятсен, ханьцы утратили собственное государство. Борьба за свое национальное государство – типичное, так сказать, «классическое» требование этнического национализма. С первых же шагов формирования своего учения о национализме Сунь Ятсен стоял на позициях именно этнического национализма^{14а}. И он остался последовательным этническим националистом до конца своих дней. В центре его внимания находилось положение «своего» народа, ханьцев. Интересы ханьцев были для него «превыше всего». Они являлись его постоянной заботой и болью.

Другой особенностью национализма Сунь Ятсена с самого начала стал революционный характер его главных установок. «Изгнание маньчжуров» представляло собой «национальную революцию (миньцзу гэмин)», или, как говорил впоследствии Сунь Ятсен, «националистическую революцию (миньцзучжуй дэ гэмин)»¹⁵. Он называл свой национализм (наряду с принципами народовластия и народного благосостояния) одним из трех лозунгов китайской революции¹⁶. «До тех пор, пока китайская революция не реализует три народных принципа, ... ее никак нельзя считать завершенной», говорил лидер Китайского Гоминьдана в 1923 г.¹⁷

Как писал Сунь Ятсен в работе «История китайской революции», его национализм представляет собой «всего лишь наследие предков», которое он «развил, придав ему более совершенный вид и исправив его недостатки»¹⁸. На начальном этапе особенно заметна связь суньятсеновского национализма с «наследием предков». «Совершенствование» этой доктрины происходило на дальнейших этапах. Сами программные лозунги Синчжунхуэя и их форма явно напоминали призывы почитавшегося Сунь Ятсеном Чжу Юаньчжана (основателя династии Мин), который возглавил в свое время борьбу соотечественников за «изгнание северных варваров (хулу, т.е. монголов. – А.М.), возрождение Китая»¹⁹. Связь учения Сунь Ятсена с ханьским наследием прошлого в области, которую он называл «идеей нации», продолжала проявлять себя и в ходе дальнейшего развития его национализма.

II

Историки Китайского Гоминьдана пишут, что учение «Три народных принципа» как система сложилось у Сунь Ятсена к лету 1897 г., в ходе его занятий этой проблематикой в Лондоне²⁰. Однако свое отношение к национализму Сунь Ятсен впервые сжато изложил в «напутственном слове», открывавшем первый номер журнала «Миньбао», партийного органа только что

созданного Китайского Объединенного союза (Чжунго Тунмэнхуэй). Этот номер журнала вышел в свет в Токио в конце 1905 г.

Наряду с принципами народовластия и народного благосостояния национализм был в этом напутствии обозначен Сунь Ятсеном как один из «трех великих принципов», способствовавших «прогрессу Европы и Америки». Благодаря подъему национализма, писал Сунь Ятсен, «страны Европы смогли стать независимыми». Говоря о современном Китае, Сунь Ятсен подчеркивал, что «иностранцы терзают его, а державы на него насаждают». Поэтому, писал он, обстановка в Китае и вокруг Китая достигла того предела, когда с реализацией национализма больше медлить нельзя. Здесь же Сунь Ятсен пояснил, что все три великих принципа «коренятся в народе»²¹. Эти лаконичные замечания показывают, что уже в период раннего Тунмэнхуэя Сунь Ятсен проникся пониманием сущности национализма, был знаком с его развитием в различных странах мира.

Рассмотренные выше лозунги Союза возрождения Китая стали программными и для новой партии Тунмэнхуэй. Как гласила статья 2 Устава Тунмэнхуэя, «руководящими установками настоящего Союза являются изгнание варваров-татар, возрождение Китая...»²². Принцип верховенства ханьцев четко формулировался в Декларации Объединенного союза (август 1905 г.): «Китай - это государство китайцев. Власть в Китае должны вершить китайцы»²³.

Однако к этому времени содержание принципа национализма Сунь Ятсена не ограничивалось одними лишь этими установками. Об этом можно судить по теоретическим статьям Ван Цзинвэя, печатавшимся на страницах «Миньбао». Тексты Ван Цзинвэя можно считать важным источником сведений о национализме Сунь Ятсена в период раннего Тунмэнхуэя по той причине, что глава этой партии специально поручал своему тогдашнему сподвижнику знакомить читателей «Миньбао» с основными идеями и программными установками по национализму, которых он (Сунь Ятсен) придерживался. Необходимые сведения Ван Цзинвэй черпал из личных бесед с Сунь Ятсеном. Первая такая беседа состоялась осенью 1905 г.²⁴ Сам Ван Цзинвэй неоднократно упоминал в своих статьях, что излагаемые им положения и идеи он слышал непосредственно из уст Учителя. Поэтому можно полагать, что в текстах Ван Цзинвэя, особенно написанных по поручению Сунь Ятсена, позиция последнего по национализму изложена достаточно адекватно.

Ван Цзинвэй, в частности, разъяснял читателям «Миньбао» смысл понятия национализм (миньцзучжуи). Это принцип, писал Ван Цзинвэй, требующий создания «нацией, обладающей большими политическими способностями», своего «национального государства»²⁵. Такое толкование, данное, несомненно, со слов Сунь Ятсена, напоминает некоторые определения современных теоретиков национализма.

Поскольку Китай полиэтничен, утверждение в нем национального (ханьского) государства ставило в повестку дня вопрос о судьбе населяющих страну неханьских национальностей. Ван Цзинвэй писал об альтернативах решения данной проблемы. Один путь - «оставить без изменения», то есть не подвергать ассимиляции, национальности страны. Другой - «слить различные национальности и, ассимилируя их, образовать одну нацию»²⁶. Тунмэнхуэй склонялся ко второму варианту. В статье, вышедшей в 1907 г., Ван Цзинвэй затрагивает эту проблему более детально. Он поясняет, что «национализм, которого мы (т.е. Тунмэнхуэй. - А.М.) придерживаемся, исходит из того, что все национальности должны быть ассимилированы в одну нацию». И далее: «(Мы) не говорим, что национальности помимо ханьцев не могут существовать в Китае, но считаем, что все они должны быть ассимилированы ханьцами как жи-

тели (ханьского) Китая»²⁷. «Механизм» ассимиляции неханьцев ханьцами, согласно Ван Цзинвэю, отличается тем, что ассимилирующая нация, то есть ханьцы, предпочитает не воспринимать качеств ассимилируемых этносов. «Эталонном должны быть ханьцы»²⁸. Несомненно, эти идеи разделялись в то время Сунь Ятсеном. Впоследствии они получили у него дальнейшее развитие.

Проблема ассимиляции рассматривалась Ван Цзинвэем и под иным углом зрения. Он привел в статье «Граждане нации» своего рода типологию ассимиляционных ситуаций. Хронологически в его типологической схеме учитывался период «от Хуанди до конца Мин». Согласно Ван Цзинвэю, предки ханьцев «в эпоху Хуанди соперничали с племенами мяо». В конце концов «Хуанди разбил их и уничтожил»²⁹. С учетом исторически сложившихся типов ассимиляционных ситуаций, пояснял Ван Цзинвэй, для ханьцев наиболее приемлема такая ситуация, при которой «большинство победителей поглощает меньшинство побежденных и ассимилирует их»³⁰. По словам Ван Цзинвэя, ханьцы и их предки придерживались данного типа взаимоотношений с неханьцами на протяжении четырех тысяч лет. Сам Сунь Ятсен видел характерную особенность ханьцев и их предков в их высокой способности ассимилировать другие этносы³¹. Своеобразной иллюстрацией к суньятсеновскому принципу национализма, которому было уделено весьма много внимания в первом же номере «Миньбао», можно считать помещенное перед текстом журнала изображение Хуанди со следующим пояснением: «Первый в мире величайший националист Хуанди (Первооснователь государства китайской нации)». Деяния последнего, по мысли революционеров Тунмэнхуэя, видимо, должны были вдохновлять ханьцев на борьбу с маньчжурами.

Таким образом, еще в первой половине 900-х годов Сунь Ятсен был сторонником проведения политики ассимиляции неханьских национальностей ханьцами, превращения Китая в одноплеменное государство. Это, как видим, соответствовало традиционной модели поведения ханьцев и их предков в отношении «инородцев» со времен глубокой древности. Иначе говоря, ханьцы исторически были и являются ассимилирующей нацией в Китае. Это хорошо понимал Сунь Ятсен. И его позиция в вопросе ассимиляции, думается, опиралась прежде всего на традиции собственной нации. Поэтому трудно согласиться с Чжан Чжэнмином и Чжан Найхуа в том, что, как они утверждают, теория ассимиляции Сунь Ятсена пришла из Америки с ее единым «плавильным котлом» национальностей, который якобы послужил для Сунь Ятсена примером³². Хотя в конце 10-х - начале 20-х годов Сунь Ятсен действительно ссылался на американский «плавильный котел» и считал, что в Китае также нужно всех «переплавить», как это делает Америка, я полагаю, что пример американской нации привлекал его главным образом как образец «позитивного» национализма (об этом речь пойдет ниже).

Что касается «отсчета» ханьского национализма «от Хуанди», то уход в мифологию и желание найти как можно более древние корни своего национализма - довольно обычное явление в истории конструирования националистических идеологий. «Мы, ханьцы, все являемся потомками Сюань Юаня (т.е. Хуанди. - А.М.)», писал Сунь Ятсен в 1905 г.³³ В 1912 г. он упоминает о «пребывающей на небесах душе Хуанди», которая окажет покровительство «соотечественникам-ханьцам» в их свершениях во славу своей нации³⁴. Как бы воспроизводя деяния «первого в мире величайшего националиста», Сунь Ятсен упоминает в своих лекциях о пришедших в Китай с северо-запада предках ханьцев, которые «либо уничтожили, либо ассимилировали его первоначальных обитателей - племена мяо»³⁵. Так или иначе, в представлении Сунь Ятсена ханьский национализм обладает весьма древними традициями и

корнями. «Возникновение национализма, - писал Сунь Ятсен в 1919 г., - относится к чрезвычайно отдаленным временам». XIX век, по его словам, - это период развития национализма, а XX век - эпоха его расцвета ³⁶. Современные теоретики национализма рисуют примерно аналогичную картину. Большинство исследователей, правда, полагают, что национализм - это сравнительно новое явление, возникшее, по мнению многих авторов, в конце ХУШ века. Но в то же время ряд ученых признают, что национализм зародился в весьма отдаленные эпохи. По мнению американского исследователя О'Брайена, национализм «в действительности представляет собой вещь чрезвычайно древнюю» ³⁷. У Сунь Ятсена в этом отношении сомнений не было.

После свержения цинской династии и образования Китайской Республики Сунь Ятсен предпринимает шаги, чтобы закрепить намеченный ранее курс на ассимиляцию неханьских национальностей в документах возглавлявшихся им партий. Конечно, курс на ассимиляцию разделялся не только им, но и его сподвижниками, и их мнение в данном вопросе также имело свой вес. Но позиция Сунь Ятсена, думается, была решающей. В результате, в новом Уставе Тунмэнхуэя (28 февраля 1912 г.) появилось положение: «Осуществлять ассимиляцию национальностей» ³⁸. А в августе 1912 г. это положение в несколько усиленной форме («Неуклонно осуществлять ассимиляцию национальностей») вошло в Декларацию по случаю создания Гоминьдана ³⁹.

Рожденная Синьхайской революцией доктрина *У цзу гунхэ*, - «Республика пяти национальностей» (ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев), поддержанная многими революционерами и ставшая популярной в стране, Сунь Ятсеном с самого начала была воспринята как помеха его планам создать в Китае национальное, то есть ханьское государство, превратить полиэтнический Китай в однонациональный. Показательна в данном отношении позиция Сунь Ятсена в отношении государственной символики «пятинациональной Республики». Известно, что Сунь Ятсен активно противился принятию пятицветного пятиполосного флага (*у сэ ци*) в качестве государственного. Вместо него он рекомендовал принять свой проект флага, в основу которого был положен «ханьский флаг» (хань ци) его рано погибшего соратника Лу Хаодуна - «белое солнце на синем небе». Флаг, предлагавшийся Сунь Ятсеном, имел красное полотнище (символизировавшее землю) с эмблемой в угловой части, которая повторяла композицию ханьского флага Л. Хаодуна ⁴⁰. Но предложение Сунь Ятсена тогда «не прошло». И он был вынужден мириться и с доктриной «пятинациональной Республики», и с флагом *у сэ ци*. В силу обстоятельств лишь с конца 10-х годов Сунь Ятсен перешел к резкой критике доктрины *У цзу гунхэ*. К этому времени он окончательно убедился в полной, с его точки зрения, несостоятельности идеи пятинационального Китая. Он еще более уверился в правоте своей концепции: Китай должен быть однонациональным. Действительно, Сунь Ятсен видел, что неханьцы из большой пятерки склонялись к сепаратизму, их поведение грозило разрушить целостность страны ⁴¹.

В то же время Сунь Ятсен не был против идеи равноправия национальностей, заложенной в доктрине «пятинациональной Республики». Еще в период раннего Тунмэнхуэя Ван Цзинвэй писал в «Миньбао», что ханьцы будут придерживаться «системы равноправия» национальностей ⁴². В установках политической программы Гоминьдана (1912 г.) был и такой пункт: «Пять национальностей - равноправны» ⁴³. Однако понимание Сунь Ятсеном равноправия национальностей было противоречивым. Оно не только не исключало, но, напротив, предусматривало ассимиляцию ханьцами всех неханьцев.

Говоря об этническом национализме Сунь Ятсена, необходимо также коснуться вопроса о гражданском национализме - гоминьчжуи. В период Тунмэнхуэя (особенно раннего) идея гражданского национализма - гоминьчжуи (от гоминь - «гражданин»⁴⁴) была весьма популярна среди революционеров, группировавшихся вокруг Сунь Ятсена. Термин гоминьчжуи широко представлен в текстах Ван Цзинвэй и других авторов, печатавшихся в «Миньбао». Встречается он и в некоторых документах Тунмэнхуэя. Ван Цзинвэй в своих статьях сопоставлял оба национализма - миньцзучжуи и гоминьчжуи, писал об их направленности, касался этимологии термина гоминьчжуи и т.п. «Цель миньцзучжуи, - разъяснял он, - изгнание инородцев, а цель гоминьчжуи - свержение абсолютизма»⁴⁵. Гражданский национализм связывался, таким образом, с задачей политической революции (чжэнчжи гэмин), каковую Тунмэнхуэй считал необходимым осуществить одновременно с революцией национальной. Поэтому в пропаганде, проводившейся этой партией, революционные принципы миньцзучжуи и гоминьчжуи обычно выставлялись «в паре». «Эти два принципа, - писал Ван Цзинвэй, - каждый революционер должен постоянно иметь на вооружении, и тогда цели граждан (ханьской) нации (ликвидация маньчжурского господства и создание республики. - А.М.) будут достигнуты»⁴⁶. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что этнические националисты стремились использовать гоминьчжуи (идеологию, казалось бы, надэтническую) в целях удовлетворения интересов ханьской нации.

«Увязка» гражданского национализма с задачей революционного перехода к республиканскому строю объясняется тем, что именно республика, как утверждали революционеры Тунмэнхуэя, сможет обеспечить права и интересы граждан, тогда как в условиях монархии в Китае люди оставались бесправными и, как говорил Сунь Ятсен, рабами императора. То, что вопросу о гоминьчжуи отводилось место в написанной по заданию Сунь Ятсена статье Ван Цзинвэй «Граждане нации», вроде бы говорит о том, что лидер Тунмэнхуэя в то время разделял идею гражданского национализма (гоминьчжуи). В вошедшем в собрание сочинений Сунь Ятсена документе «Революционный план Китайского Объединенного союза» дважды встречается термин гоминьчжуи в сопряжении с термином миньцзучжуи. В упомянутом документе читаем: «Принципы миньцзучжуи и гоминьчжуи стали всем близки и понятны...», «сегодня принципы миньцзучжуи и гоминьчжуи у всех на устах»⁴⁷. Текст документа, однако, составлялся не одним Сунь Ятсеном. Поэтому утверждать, что за присутствие в этом документе принципа гоминьчжуи может быть ответственен Сунь Ятсен, не представляется возможным.

Когда в 1906 г. Сунь Ятсен выступил с речью по случаю годового юбилея «Миньбао», он сказал, что Китайская Республика будет не только национальной (то есть ханьским) государством, но и гражданским государством (гоминь дэ гоцзя)⁴⁸. Это как будто бы предполагает «опору» на принцип гоминьчжуи. Однако нужно также учитывать, что проведение в Китае политической революции, а следовательно и образование республики, самим Сунь Ятсеном связывалось с осуществлением принципа народовластия (миньцзоаньчжуи). Как заявил он в той же речи, этот принцип - «основа политической революции»⁴⁹. Впоследствии Сунь Ятсен неоднократно разъяснял смысл и задачи принципа народовластия. Но он ничего не говорил о гражданском национализме (гоминьчжуи).

В то же время термин гоминьчжуи, «национализм», дал в 1912 г. название партии Гоминьдан как Националистической партии (а не Национальной)⁵⁰. Обоснование такому выбору названия Гоминьдана (желание отразить в этом названии высокий статус гражданина в Китайской Республике) дается

в Декларации по случаю создания Гоминьдана, текст которой включается в собрания сочинений Сунь Ятсена⁵¹. Впоследствии, в 1920 г., Сунь Ятсен вновь обратился к вопросу о наименовании Китайского Гоминьдана, когда в специальном циркуляре дал предписание руководствоваться данным им английским переводом этого названия: «Chincse Nationalist Party»⁵². Таким образом, революционная деятельность Сунь Ятсена, несомненно, имела определенное касательство и к принципу гоминьчжуи.

Возвращаясь к суньятсеновскому принципу этнического национализма, следует отметить, что на втором этапе он приобрел более четкие очертания, расширилось его содержание, уточнилась позиция Сунь Ятсена по ряду его аспектов. Важное значение, в частности, придавал Сунь Ятсен языку как символу единства нации. В октябре 1911 г., находясь в Европе, он говорил о необходимости использования общекитайского языка гуаньхуа как средства, воплощающего единство Китая⁵³. В следующем месяце, в беседе с корреспондентом парижской газеты, он подчеркнул, что в Китайской Республике гуаньхуа должен стать «основой единого языка»⁵⁴.

На втором этапе происходила беспрецедентная интенсификация пропаганды национализма, прежде всего этнического, которая принесла свои плоды. В результате был реализован основной (на данном этапе) лозунг национализма, призывавший к отстранению маньчжуров от власти. Была тем самым решена и задача возрождения национального (ханьского) государства.

На втором этапе началось, по выражению Сунь Ятсена, «исправление недостатков» традиционного ханьского национализма. Выступая в 1906 г. в Токио, Сунь Ятсен говорил, что ему приходилось слышать высказывания о том, что-де «национальная революция означает полное уничтожение маньчжуров». Но, заявил он, «подобные речи - большая ошибка»⁵⁵. Сунь Ятсен пояснил, что ханьцы вовсе не против маньчжуров вообще, а лишь против тех из них, кто «вредит ханьцам». В данной связи нужно отметить, что некоторые документы Тунмэнхуэя действительно содержали прямые призывы к уничтожению маньчжуров. Так, в уже упоминавшемся документе «Революционный план Тунмэнхуэя», в частности, говорилось, что «наши граждане, а также все патриоты непременно должны истребить маньчжуров, дабы возродить отчизну...»⁵⁶. По существу, это свидетельствовало о намерении этнонационалистов Тунмэнхуэя проводить в стране политику радикальной этнической чистки. Но Сунь Ятсен как один из составителей этого документа, как видим, отмежевался от политики подобного рода. Эта его позиция впоследствии получила подтверждение в других его высказываниях. Так, к ноябрю 1911 г. относятся следующие слова Сунь Ятсена: «Хотя у нас есть основания, чтобы ненавидеть маньчжуров, мы все же будем пытаться с ними жить в мире и согласии»^{56а}.

К числу «улучшений» принципа национализма можно также отнести признание принципа равноправия национальностей. «Стараться обеспечить равноправное сосуществование с ними (неханьскими национальностями. - А.М.) в Китае. Такова (позиция) национализма в отношении всех национальностей в стране», - писал Сунь Ятсен в 1923 г.⁵⁷

Идея такого сосуществования, как видим, стала постепенно складываться у Сунь Ятсена в ходе развития его национализма на втором этапе, что было зафиксировано в 1912 г. в виде уже упоминавшегося пункта политической программы Гоминьдана о равноправии национальностей «большой пятерки», а также отразилось в некоторых его высказываниях.

(Продолжение следует)

1. Ефимов Г.В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914-1922. М., 1981. С. 156.
2. Чжэн мин. 1996. Ноябрь. С. 73.
3. Позиция Жуань Мина изложена в его статье: Миньцзучжуи сань хай (Три порока национализма) // Чжэн мин. 1996. Декабрь. С. 58-61.
4. Линь Ли. Лунь Чжунго данся дэ миньцзучжуи. Хэлань «Миньцзучжуи юй Чжунго цянъту» гоци сюэшу таолуньхуэй цэ цзи (Китайский национализм сегод-дня. Заметки о международной конференции в Голландии «Национализм и пер-спективы Китая») // Чжэн мин. 1996. Ноябрь. С. 71-73.
5. Го Чжаньбо. Цзинь уши нянь чжунго сысян ши (История китайской мысли за по-следние 50 лет). Бэйпин, 1936. С. 78.
6. См. ПДВ. 1997. № 3. С. 105-116.
7. Тихвинский С.Л. Принцип Сунь Ятсена «Национализм» и его внешняя политика. М., 1945. С. 51-52 (машинопись канд. дисс.); Чжан Чжэнмин, Чжан Найхуа. Лунь Сунь Чжуншань дэ миньцзучжуи (О национализме Сунь Ятсена) // Миньцзю яньцзю. 1981. № 6. С. 2.
8. Тао Юань сюаньянь (Декларация о походе против Юань Шикая) // Сунь Чжун-шань цюань цзи (ПСС Сунь Ятсена). Пекин, 1984. Т. 3. С. 283.
9. Чжан Чжэнмин, Чжан Найхуа. Упом. соч. С. 2; Чжунго цзиньдай ши (Новая исто-рия Китая). Пекин, 1983. С. 350.
10. Цзюньжэнь цзиншэнь цзююй (Духовное воспитание военнослужащих)// Го фу цюань шу (ПСС Отца Республики). Тайбэй, 1970. С. 913.
11. Таньсяншань Синчжунхуэй мэн шу (Гавайская версия текста присяги вступаю-щих в Синчжунхуэй) // Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1981. Т. 1. С. 20.
12. Таньсяншань Синчжунхуэй чжанчэн (Устав Синчжунхуэя гавайской редакции) // Там же. С. 19; Сянган Синчжунхуэй чжанчэн (Устав Синчжунхуэя гонконгской редакции) // Там же. С. 22.
13. Сянган Синчжунхуэй чжанчэн // Сунь Чжуншань цюань цзи. Т. 1. С. 21.
14. Сунь Чжуншань сюань цзи. (Избранные сочинения Сунь Ятсена). Пекин, 1956. Пе-кин, 1956. Т. 2. С. 632.
- 14^a. Об этническом национализме см., например: Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии (Гл. III. Этничность и национализм. С. 143-182). СПб., 1997.
15. Цзай гуанчжоу хуаньянь гэ цзюнь цзянлин хуэй шан дэ яньшо (Выступление в Гуанчжоу на торжественном приеме армейского комсостава) // Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1986. Т. 8. С. 471.
16. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 689.
17. Цзай Гуанчжоу Цюань го сюэшэн пинъихуэй дэ яньшо (Выступление в Гуанчжоу на заседании совещательного комитета Всекитайской студенческой ассоциации) // Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1986. Т. 8. С. 115.
18. Чжунго гэмин ши // Го фу цюань шу. С. 1042.
19. Шан Юэ (главн. сост.). Чжунго лиши ганъяо (Конспект китайской истории). Пекин, 1954. С. 291.
20. Чжунго Гоминьдан юй Чжунхуа Миньго (Китайский Гоминьдан и Китайская Рес-публика). Тайбэй, 1988. С. 12.
21. Фа кань цы (Нападение (к выходу в свет журнала Миньбао)) // Миньбао. 1905. № 1. С. 1.
22. Чжунго Тунмэнхуэй цзунчжан (Устав Китайского Объединенного союза) // Сунь Чжуншань цюань цзи. Т. 1. С. 284.
23. Го Фу цюань шу. С. 393. Этноним чжунгожэнь («китайцы») здесь и вообще в тек-стах Сунь Ятсена равнозначен этнониму ханьцзю («ханьцы»).
24. Сунь Чжуншань цюань цзи. Т. 1. С. 289 (примечание редакции к тексту: «Беседа с Ван Цзинвэем»).
25. Цзинвэй. Миньцзю дэ гоминь (Граждане нации) // Миньбао. 1905. № 1. С. 3.
26. Там же. С. 4.
27. Цзинвэй. Яньцзю миньцзю юй чжэнчжи гуаньси чжи цзыляо (Материалы к изу-чению взаимоотношения этнических и политических факторов) // Миньбао. 1907. № 13. С. 25.
28. Там же. С. 31.

29. Цзиньвэй Миньцзу дэ гоминь // Миньбао. 1905. № 1. С. 5.
30. Там же С. 9.
31. Вэньянь бэнь Сань минь чжуи (Три народных принципа в вэньяневском изложении) // Го фу цюань шу. С. 180-181.
32. Чжан Чжэнмин, Чжан Найхуа. Упом. соч С. 5.
33. Цзюнь чжэнфу сюаньянь (Декларация военного правительства) // Го фу цюань шу. С. 394.
34. Линьши да цзунтун бутго цюань го тунбао шу (Обращение временного президента ко всем соотечественникам) // Го фу цюань шу. С. 446.
35. Сань минь чжуи Миньцзучжуи (Три народных принципа. Национализм) // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 623.
36. Вэньянь бэнь сань минь чжуи // Го фу цюань шу. С. 180.
37. O'Вгел С.С. Шидай дэ фэньну. Миньцзучжуи дэ юаньчу гэньюань (Ненависть эпох. Первоначальные корни национализма) // D5 Миньцзу яньцзю. 1995. № 1. С. 91-04 (перевод с англ.).
38. Цзоу Лу. Чжунго Тунмэнхуэй (Китайский Объединенный союз) // Чжунхуа Миньго кай го уши нянь вэньсянь. Ди-и бянь, ди-шии цэ (Материалы к 50-летию создания Китайской Республики. Ч. 1. Т. 11.). Тайбэй, 1964. С. 268.
39. Гоминьдан цзу дан сюаньянь // Го фу цюань шу. С. 398.
40. Цзян Вэйго (гл. ред). Гоминь гэмин чжань ши. Ди-и бу. Цзяньли Миньго. Ди-сань цзюань (Военная история национальной революции. Ч. 1. Создание республики. Т. 3). Тайбэй, 1981. С. 61-63 (415-417).
41. Подробнее об отношении Сунь Ятсена к У цзу гунхэ см. в моей статье: Сунь Ятсен и доктрина «Республика пяти национальностей» // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998. С. 353-361.
42. Цзиньвэй Яньцзю миньцзу.. С. 33.
43. Гоминь гэмин чжань ши. Цзяньли Миньго. Т. 3. С. 450.
44. Существительное гоминь имеет и другие значения, в том числе «нация» (политическая), «народ»; но последние значения не связаны с термином гоминь-чжуи («национализм»).
45. Цзиньвэй. Миньцзу дэ гоминь // Миньбао. № 1. С. 26.
46. Пумань (псевдоним Ван Цзиньвэй). Гэмин хэнги (Словесные баталии по поводу революции) // Миньбао. 1906. № 3. С. 11.
47. Чжунго Тунмэнхуэй гэмин фанлюэ // Сунь Чжуншань цюань цзи. Т. 1. С. 311, 314.
48. Цзай Дунцзин Миньбао чуан кань чжоуянь цинчжу дахуэй дэ яньшо // Там же. С. 331.
49. Там же. С. 325.
50. По аналогичной модели образуются в югтайском языке также названия других политических партий, связанных с тем или иным «измом». Так, от шэхуэйчжуи, «социализм», образуется название партии шэхуэйдан («социалистическая партия»).
51. Гоминьдан цзу дан сюаньянь // Го фу цюань шу. С. 398.
52. Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1985. Т. 5. С. 405.
53. Там же. Т. 1. С. 560.
54. Там же. С. 561.
55. Там же. С. 325.
56. Там же. С. 311.
- 56^a. Там же. С. 556.
57. Го фу цюань шу. С. 1043.

Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923)

© 1999

М.Крюков

Современные историки единодушно в признании того, что опубликованная в январе 1923 г. совместная декларация Сунь Ятсена -Иоффе явилась непосредственной прелюдией заключения военно-политического союза Гоминьдана с Советской Россией. Однако и по сей день не прекращаются споры о том, какова была идеологическая подоплека этого союза.

Согласно точке зрения, безоговорочно разделявшей ранее ведущими советскими специалистами в области истории советско-китайских отношений, Сунь Ятсен был великим другом советского народа, глубоко симпатизировавшим идеям социалистической революции в России и потому вскоре после Октября вступившим в оживленную переписку с вождем мирового пролетариата Лениным. Появление в Кантоне направленных из Москвы советников во главе с М.Бородиным, реорганизация Гоминьдана и создание единого фронта с китайскими коммунистами было закономерным итогом всей предшествующей деятельности Сунь Ятсена. Неудивительно, что и на смертном одре все помыслы вождя китайской революции были обращены к Москве, что нашло свое отражение в последнем письме Сунь Ятсена руководителям СССР¹.

Прямо противоположное мнение до недавнего времени отстаивалось ведущими тайваньскими историками. Согласно их видению проблемы, Сунь Ятсен всегда с подозрением относился к Советской России и считал ее потенциальным врагом китайского народа, вынашивавшим в отношении его далеко идущие агрессивные планы. Поэтому контакты Сунь Ятсена с русскими большевиками и Коминтерном отнюдь не были выражением его принципиального стратегического курса: они представляли собой не более чем тактический ход, посредством которого Отец Государства отвел от Китая внешнюю угрозу и тем оказал неоценимую услугу своему народу².

Что касается историков КНР, то во времена оно, когда политическая жизнь в стране определялась требованием учиться у СССР в большом и малом, их научные суждения не отличались от господствовавшей тогда советской точки зрения. Но жизнь не стояла на месте, и вскоре китайские специалисты по новейшей истории, не сговариваясь со своими тайваньскими коллегами, также пришли к выводу о агрессивной сущности Коминтерна, то и дело ставившего препону на пути развития революции в Китае. Сравнительно недавно и эта точка зрения претерпела существенные изменения. Было выяснено, что на первых порах Коминтерн недооценивал роль Сунь Ятсена в национально-освободительном движении Китая и предпочитал иметь дело с умело замаскировавшимися реакционерами-милитаристами вроде Чэнь Цзюньмина

или У Пэйфу. Лишь после того, как А.Маринг встретился в 1921 г. с лидером Гоминьдана и имел с ним продолжительные беседы, подлинное значение идей сунь Ятсена было по достоинству оценено в Москве. После этого Коминтерн резко изменил направление своих усилий, результатом чего в свою очередь вскоре стало решение Сунь Ятсена ориентироваться в своей борьбе на СССР³.

Наконец, недавно была высказана еще одна концепция, связанная с нашей темой. Согласно ей, политика Советского государства в отношении Китая в своих общих чертах была прямым продолжением внешней политики царского правительства, которое еще в 1911 году всерьез рассматривало перспективу поддержки оппозиционных сил на юге Китая с целью оказания давления на центральное правительство. В новых исторических условиях Совнарком и Коминтерн действовали по аналогичной схеме и в надежде на то, что контакты с Сунь Ятсеном сделают Пекинское правительство более уступчивым⁴.

Сегодня политические императивы в значительной мере утратили свое определяющее воздействие на научные выводы исследователей, а круг имеющихся в распоряжении специалистов исторических источников значительно расширился благодаря тому, что перед ними распахнулись (или хотя бы приоткрылись) двери многих ранее наглухо закрытых архивов. Все это позволяет надеяться, что позиции сторонников ранее непримиримых концепций со временем сблизятся, а может быть и вообще совпадут. Пока же этого еще не произошло, автор этих строк предлагает читателю обратиться к первоисточникам и постараться установить, что именно в вышеприведенных точках зрения не находит подтверждения в исторических фактах.

Однако прежде, чем мы сделаем это, нам необходимо коснуться еще одного общего вопроса - оценки побудительных мотивов, определявших движение партнеров по будущей коалиции навстречу друг другу. Начнем с позиции советской стороны и тотчас же обнаружим, что в мировой историографии на сей счет также существуют взаимоисключающие друг друга точки зрения.

Еще совсем недавно в нашей литературе безраздельно господствовал тезис о абсолютной неизменности внешнеполитического курса СССР на мирное сосуществование и дружбу народов всех стран, сформулированного в свое время Лениным и последовательно осуществлявшегося в 20-х годах (равно как и в более позднее время) усилиями партии и советского правительства. В соответствии с этой оценкой дипломатической активности Наркоминдела, сама постановка вопроса о каких-либо изменениях его внешнеполитических ориентиров немедленно вызывала решительную отповедь специалистов по истории советской внешней политики.

Достаточно вспомнить в данном связи, как в конце 50-х годов наши историки дали уничтожающую оценку появившейся тогда монографии А.Уайтинга "Советская политика в Китае". Один из ее рецензентов писал:

"Автор, собрав ворох разнообразных фактов, важных и десятистепенных, озабочен прежде всего теми, чтобы дать выгодный ему ответ на вопрос, почему советская политика в Китае еще в первые годы могла оказаться такой успешной. Вторая линия его интересов - попытаться доказать "противоречивость" советской внешней политики по отношению к Китаю, ее "непоследовательность". Взявшись за такие диаметрально противоположные задачи, автор... не смог справиться ни с одной из них... Бесспорно немалый труд, затраченный А.С.Уайтингом на сбор фактического материала, оказался в значительной мере бесплодным из-за предвзятой концепции автора и необоснованности его выводов"⁵.

Позднее те же нокаутирующие удары были повторены М.С.Капицей: "Не будучи в состоянии скрыть огромного влияния внешнеполитических ак-

тов Страны Советов на Китай, апологеты буржуазии пытаются протащить версию о непоследовательности политики Советского правительства"⁶.

В чем же заключалась та непоследовательность советского внешнеполитического курса, которую на свою беду обнаружил Уайтинг? Он сформулировал мысль о том, что в начале 20-х годов произошел "поворот в советской политике от новой, революционной, бескорыстной дипломатии к дипломатии традиционной, националистической, ориентированной на собственные интересы"⁷.

Данная точка зрения Уайтинга, за которую ему так досталось от его советских коллег, была спустя двадцать лет оспорена другим зарубежным исследователем. Он пришел к выводу, что "советская дипломатия в Китае с самого начала была своекорыстной и бесспорно последовательной в этом отношении на всем протяжении десятилетия (т.е., в 20-х годах. - М.К.)"⁸. В те годы, продолжал он, в руководстве Наркоминдела были как "идеалисты", увлеченные перспективой мировой революции, так и "реалисты", склонные в большей степени заботиться о государственных интересах Советской России. В результате большевики все время гибко маневрировали между этих двух различных концепций⁹.

Отдавая должное научным усилиям предшественников, я вынужден в то же время признаться, что не разделяю ни одной из вышеперечисленных точек зрения. Мнение Уайтинга, взятое в его общей форме, в наибольшей степени отвечает, на мой взгляд, исторической истине, но и оно нуждается в существенном уточнении и конкретизации.

Советская политика в Китае

Непосредственно после захвата власти в октябре 1917 года большевики практически не имели сколько-нибудь достоверной информации о том, что в это время происходило в Китае и каков был возникший там расклад политических сил. Соответственно, было неясно, какую позицию по отношению к двум существовавшим тогда в этой стране правительствам следовало занять.

Известно было, что Пекинское республиканское правительство признало державами. Но политический курс его был не вполне очевиден. Как должна была вести себя по отношению к нему Советская Россия? как к пособнику империалистов или как к правительству, по-прежнему находящемуся в неравноправном положении на международной арене и потому представлявшему собой потенциального союзника революционной России? Необходимо было как можно скорее дать аргументированный ответ на данный вопрос, чтобы в дальнейшем строить свою конкретную политику в отношении Китая.

19 января 1918 года китайское посольство посетил заведующий Восточным отделом НКИД А.Вознесенский; он был встречен там секретарем Ли Шичжуном. Беседа прошла "в дружественной обстановке". На следующей неделе Ли нанес Вознесенскому ответный визит в качестве частного лица. Активное участие в обмене мнениями принимал ответственный сотрудник Наркоминдела Е.Поливанов. Он заявил китайскому чиновнику:

"В Китае и в России революция произошла почти одновременно. Если оставаться на почве исторических фактов, следует признать, что революционная ситуация в России созрела раньше, чем в Китае. Но путь ее был извилист, и никто не мог предположить, что Китай станет страной, опередившей в данном отношении Россию. Я уверен, что китайцы не могут не приветствовать установление власти народа в нашей стране. Ведь народы Китая и России - братья, которые должны рука об руку идти к общей цели"¹⁰.

Далее речь зашла о перспективах революции в Китае и Японии. Ли Шичжун упомянул о том, что не будь нынешней мировой войны, в России ни при каких условиях не могла бы быть установлена власть народа. Поливанов приветствовал это мнение своего коллеги:

“Несмотря на то, что мировая война принесла людям неисчислимые бедствия, она в то же время способствовала освобождению народов. Я уверен, что противоречия между Англией, Японией и Америкой - уже совершившийся факт. В недалеком будущем между этими странами вспыхнет война. Ее результатом станет революция в Японии. Мы должны воспользоваться этим и начать действовать. Сейчас мы способствуем тому, чтобы Индия вышла из-под гнета Англии. Мы помогаем ей обрести независимость. Одним словом, общая ситуация в 20 столетии будет определяться тем, что дни империалистических правительств сочтены!”¹¹.

Можно подумать, что мнениями в тот вечер обменивались не официальные дипломатические представители двух соседних стран, а соратники по революционной борьбе. Наверное, так же думали и в Наркоминделе. Но скоро наступило отрезвление. Китайский посланник принял участие в демарше дипломатического корпуса, явившись вместе со своими коллегами к Ленину и заставив его отдать приказ об освобождении арестованного румынского посла; вскоре он вслед за персоналом других посольств покинул Петроград и направился в Вологду, отказавшись переехать в Москву. После этого отношение Советского правительства к Пекинскому изменилось самым существенным образом.

22 февраля 1918 года Наркоминдел направил Международным отделам краевых Совдепов инструкцию, в которой предписывал им:

“В отношении китайцев надлежит помнить, что нынешнее Пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику”¹².

В дальнейшем Наркоминдел не отказывался от общения с реакционным Пекинским правительством, но отныне не считал необходимым обсуждать с ним проблемы мировой революции. Данная тема должна была стать центральным пунктом в общении Советского правительства с революционным Югом во главе с Сунь Ятсеном.

4 июля 1918 года в отчете НКВД 5-му съезду Советов нарком Чичерин упоминает о только что полученной от Сунь Ятсена приветственной телеграмме. Текст ее не сохранился и потому судить о содержании послания можно лишь по косвенным данным. Так или иначе, через месяц после этого нарком посылает д-ру Суню письмо, в котором приветствует его “как вождя китайской революции и как человека, который с 1911 года в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей - северо-китайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств”¹³.

“Южнокорейский пролетариат” назван в этом тексте другом Советской России, а о Пекинском правительстве сказано, что оно, будучи создано иностранными банками, готово присоединиться к империалистическим грабителям. Письмо заканчивается словами: “Сомкнем теснее наши ряды в великой борьбе за общие интересы пролетариата всего мира. Да здравствует трудящийся китайский крестьянин. Да здравствует китайский рабочий. Да здравствует союз между русским и китайским пролетариатами”.

Примерно в то же самое время о своих прежних встречах с Сунь Ятсеном рассказал на страницах “Известий” Вознесенский. Он утверждал, что “в неоднократных беседах с автором этих строк в 1912-1913 годах в Нанкине

доктор Сунь Ятсен высказывал свою уверенность, что полное торжество социальной революции возможно только при одном неперенном условии: участие в ней России, Индии и Китая. В своем органе "Китайский республиканец", закрытом после появления по требованию английских властей Шанхая, Сунь Ятсен ратовал за союз германского, русского и китайского пролетариата против англо-японского империализма"¹⁴.

Помимо бросающегося в глаза терминологического сходства статьи Вознесенского и письма Чичерина, в последнем обращает на себя внимание еще одна небольшая деталь: имитируя традиционный китайский эпистолярный стиль, автор послания трижды называет Сунь Ятсена "уважаемым Учителем" - выражение, которое явно было подсказано ему знатоком Китая Вознесенским. Так начался период ориентации на Сунь Ятсена.

26 июля 1919 года замнаркома по иностранным делам подписал ноту НКИД, получившую известность под названием Первой декларации Карахана. В полном соответствии с тогдашней практикой Наркоминдела обращена она была одновременно к правительствам Южного и Северного Китая, а также непосредственно к китайскому народу.

Однако Сунь Ятсен не ответил ни на послание Чичерина, ни на декларацию Карахана. Непосредственных контактов с ним не было; поэтому было решение испробовать еще один потенциальный канал связи. В качестве такового был избран председатель Союза китайских рабочих в Москве Лю Цзэжун (в документах того времени он фигурирует как Лау Сиу-джау).

В ноября 1918 года Лю Цзэжун был принят Лениным в качестве "представителя кантонских рабочих" и неожиданно для самого себя оказался вовлеченным в большую политику. Прежде всего он получил в Наркоминделе мандат, дававший ему право представлять интересы всех китайских иммигрантов. Ленин сделал на этой бумаге собственноручную приписку: "Со своей стороны очень прошу советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие тов. Лау Сиу-джау. Пр. сов. Нар Ком. В.Ульянов (Ленин)"¹⁵. С таким мандатом в те годы можно было чувствовать себя более чем уверенно.

И юный иммигрант, с детских лет живший в России и о Китае практически ничего не знавший, вдруг оказывается делегатом учредительного съезда Коминтерна на этот раз уже как "представитель Китайской социалистической рабочей партии". В Китае тогда не существовало партии под таким названием, но, судя по всему, соблазн включить в список учредителей Коминтерна представителя борющегося Китая был слишком велик.

Лю Цзэжун выступал на конгрессе с речью, в которой помимо всего прочего много и прочувственно говорил о Сунь Ятсене. Предложенные Лю Цзэжуном формулировки почти совпадали с тем, что в 1912 году было сказано о вожде китайского народа Лениным.

Любопытна и еще одна деталь. В своей речи на конгрессе Коминтерна Лю Цзэжун упомянул о двух телеграммах, отправленных Сунь Ятсеном в Россию. Первая в феврале 1917-го была адресована Временному правительству, другая летом 1918-го - правительству рабоче-крестьянскому.

Как же реагировали на обращение вождя китайского народа, - задавал вопрос Лю Цзэжун, - временные министры-капиталисты? Да они просто не заметили протянутой им руки и не ответили Сунь Ятсену. Иное дело - пришедшие к власти большевики: они тотчас же откликнулись на зов с Востока и ответное письмо Чичерина, преодолело десятки тысяч верст и достигло адресата. "Можно представить себе, - говорил тогда Лю Цзэжун, - радость китайских революционеров, до которых сквозь огненное кольцо войны и революции дошел голос Советского правительства России!"¹⁶.

В связи с этим сообщением Лю Цзэжуна, встреченным тогда бурной овацией всего зала, прежде всего заслуживает внимания вопрос о том, как о содержании тогда еще неопубликованного послания Чичерина мог узнать Лю Цзэжун? Более того, каким образом председатель Союза китайских рабочих в России, безвыездно живший в России и непосредственно с Сунь Ятсеном никогда не общавшийся, мог быть в курсе переписки последнего с Временным правительством?

Самое интересное в этой истории то, что после Февральской революции Сунь Ятсен действительно посылал приветственную телеграмму в Питер¹⁷. Нет сомнений в том, что только Чичерин, принявший дела бывшего министерства иностранных дел, мог знать об этом. Судя по всему, не кто иной как Чичерин по поручению Ленина и набросал Лю Цзэжуну тезисы его выступления на конгрессе Коминтерна.

Летом 1920 года на Съезде Союза китайских рабочих портреты Сунь Ятсена и Ленина висели рядом над столом президиума; оба были избраны почетными председателями съезда - ни то, ни другое было бы невозможно без прямой санкции сверху.

Через несколько дней после этого Лю послал Сунь Ятсену телеграмму, в которой содержался призыв к официальному признанию Советской России. В своем втором послании от имени Съезда Союза китайских рабочих Лю Цзэжун приглашал Сунь Ятсена приехать в Советскую Россию.

В архиве Внешней политики РФ сохранился черновик этого письма с правкой Чичерина. В первоначальном варианте значилось: "Съезд принял решение пригласить Вас приехать в Россию с тем, чтобы Вы получили возможность непосредственно ознакомиться с великими идеями русской революции". Чичерин собственноручно правит: "...с тем, чтобы дать нам возможность непосредственно ознакомиться с идеями главы китайской революции"¹⁸.

О письмах Лю Цзэжуна Сунь Ятсену хорошо известно всем, кто интересуется историей советско-китайских отношений. Но в нашей научной литературе никогда не афишировалось то обстоятельство, что первая из двух его телеграмм была отправлена в Китай в двух экземплярах - на Юг Сунь Ятсену и на Север президенту Китайской Республики Сюй Шичану¹⁹. Как и летом 1919-го, Наркоминдел устами Лю Цзэжуна вновь обращался одновременно к двум существовавшим в Китае правительствам.

На этот раз от Сунь Ятсена наконец пришел ответ. Но ознакомившись с ним, руководители НКВД наверняка были разочарованы.

Д-р Сунь фактически отклонил все предложения советской стороны, которые включали:

- 1) оказание всемерной поддержки революционной деятельности китайской молодежи, борющейся против империалистической агрессии и капиталистического деспотизма;

- 2) немедленное признание Советского правительства;

- 3) безотлагательное направление в Россию официальной полномочной делегации для установления дружественных отношений;

- 4) принятие мер к тому, чтобы китайские иммигранты имели возможность вернуться на родину²⁰.

Одновременно с попытками установить с Сунь Ятсеном телеграфную связь НКВД направляет к нему своих эмиссаров.

Первым из них был М. Попов, полковник старой русской армии, посланный в Шанхай весной 1920 года. Он в качестве профессионала должен был оценить военный ("Северо-Западный") план Сунь Ятсена. Попов счел его неосуществимым, дав при этом весьма негативную оценку самому Сунь Ятсе-

ну: "Старомодный милитарист, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного"²¹.

Примерно в то же время с Сунь Ятсеном встречался генерал А.Потапов. Он не был эмиссаром Москвы. Октябрьский переворот застал его на Дальнем Востоке; в какой-то момент он счел за благо вернуться в Россию, но опасался, не будет ли препятствием этому его отнюдь не революционное прошлое (летом 1917 года он поддерживал Корнилова). Поэтому Потапов решил возвратиться не с пустыми руками. Он несколько раз встречался с Сунь Ятсеном, позднее ездил в Чжанчжоу к Чэнь Цзюнмину, пытаясь получить у них хоть какие-нибудь подтверждения своей политической активности. С Чэнь Цзюнмином ему повезло: тот попросил Потапова передать Ленину письмо. Сунь Ятсен же, напротив, встретил Потапова настороженно, видимо, не вполне доверяя ему. Попросив передать привет Ленину, Сунь Ятсен тем не менее отказался от каких-либо письменных обращений к Советскому правительству. Одновременно "он неоднократно высказывал недоверие к возможности нашего успеха проведения коммунизма в России"²².

Все это вместе взятое, надо полагать, постепенно изменило отношение советских руководителей к Сунь Ятсену. Так или иначе, осенью 1920 года, во время пребывания в Москве генерала Чжан Сылиня, когда перспектива заключения договора с Пекинским правительством казалась НКВД вполне реальной, замнаркома Карахан готов был декларировать отказ РСФСР от поддержки каких-либо сил, "ведущих мятежную борьбу против Китайской Республики"²³. Главной силой такого рода в то время был прежде всего Сунь Ятсен.

Чжан Сылинь был вскоре отозван из Москвы; его миссия не дала практических результатов. Советское правительство вновь пытается установить контакт с Сунь Ятсеном: в октябре 1920 года с ним в Шанхае встречается Г.Войтинский. Однако его впечатление от этой беседы было отнюдь не оптимистичным. 31 октября Чичерин делает последнюю попытку: он пишет д-ру Суню письмо, в котором говорит уже не столько о перспективах мировой революции, сколько о восстановлении торговых отношений между РСФСР и Китаем²⁴. Однако ответа на это обращение не поступило.

А 31 декабря из Министерства иностранных дел ДВР в НКВД поступила информация о том, что Сунь Ятсен "оказывается неожиданно в одной компании с лидерами анфуистов; готовится на японские деньги и японским оружием поход на Пекин"²⁵.

Вероятно, это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. В марте 1921 года НКВД опубликовал привезенное Потаповым письмо Чэнь Цзюнмина²⁶, которому попутно была дана высокая оценка как выдающемуся деятелю Китая. В отличие от него, Сунь Ятсен был охарактеризован как умелый дипломат и тонкий политики, но не революционер. Первый период попыток ориентации на Сунь Ятсена завершился; на протяжении всего 1921 года усилия Наркоминдела и Коминтерна были направлены на достижение совершенно иных внешнеполитических целей.

Что касается деятельности Коминтерна, то он сосредоточил свое внимание прежде всего на попытках установить связь с двумя "революционными генералами", обладавшими реальной силой и, как тогда полагали, способными стать соратниками Советской России в деле преобразования китайского общества во имя торжества мировой революции. Таковыми были Чэнь Цзюнмин на Юге и У Пэйфу на Севере.

С другой стороны, после того, как пребывание И.Юрина (Дзевялтовского) в Китае создало условия для направления в Китай первой официальной дипломатической миссии РСФСР во главе с А.Пайкесом, НКВД сосредоточил

свои усилия на переговорах с Пекином по вопросу заключения двустороннего соглашения. В этих условиях какие-либо контакты Советского правительства с Сунь Ятсеном могли, по мысли Чичерина, повредить главному.

На всякий случай руководитель советского внешнеполитического ведомства решил еще раз посоветоваться с членом Дальбюро ЦК, министром иностранных дел ДВР Я.Янсоном, который лучше знал ситуацию. 31 октября 1921 года Чичерин писал Янсону:

“Кантонское правительство самостоятельно сносятся со многими правительствами. Допустимо ли нам вступить с ним в сношения, или это сделает невозможным сношения с Пекином? Пекин есть символ национального единства и, в первую очередь, мы должны вступить в сношения с Пекином. Не будет ли это сорвано, если одновременно будем пытаться сносятся с Кантоном?”²⁷.

Случилось так, что как раз в это время в Москве был, наконец, получен ответ Сунь Ятсена на письмо Чичерина годичной давности. Автор начал его с уверений, что прежде никогда не получал ни от руководителя советского внешнеполитического ведомства, ни от кого-либо другого в России каких-либо личных посланий. Но Потапов в свое время сообщал Чичерину, что, по словам самого Сунь Ятсена, в мае 1920 года тот получил чичеринское письмо²⁸, и это обстоятельство заставляло главу НКВД теперь отнестись к Сунь Ятсену с известной долей настороженности.

А поскольку д-р Сунь на этот раз просил передать привет его “другу Ленину”, Чичерин обратился с просьбой внести ясность в их отношения.

“Посылаю Вам для ознакомления, - писал Чичерин Ленину 6 ноября 1921 года, - заключающее в себе, между прочим, привет Вам. Он называет Вас своим другом. Знакомы ли вы с ним лично?.. До этого момента мы находили неудобным даже писать Сунь Ятсену. Когда мы ему писали в прошлом году, положение было другим, так как переговоры с Пекином еще не начались”²⁹.

На следующий день Ленин написал Чичерину записку, содержание которой имеет первостепенное значение для рассматриваемой нами темы. Советские исследователи неоднократно цитировали ее, но делали это с купюрами, существенно меняющими смысл документа. К тому же, когда ответ Ленина был впервые опубликован полностью, он был несколько искажен из-за того, что публикаторам не удалось правильно расшифровать написанное от руки (почерк Ленина обладал некоторыми нестандартными особенностями). В результате записка приобрела следующий вид:

“Т. Чичерин! Не знаком, никогда даже не писал дор[огому] другу ни слова. По-моему, надо всячески быть любезным, писать регулярнее и постараться секретно, послать нашего человека в Кантон. Ленин”³⁰.

Позднее неточности в опубликованном тексте были частично обнаружены редакторами публикации, и фраза “никогда даже не писал дорогому другу ни слова” превратилась в “никогда даже не писали друг другу ни слова”³¹. Однако некоторые искажения смысла оригинала остались и после этого. В первоначальном тексте после слова “секретно” нет запятой, а вместо “послать” следует читать “поселить” (это подтверждается и тем, что после буквы “н” в слове “Кантон” явственно видна буква “е”)³².

Итак, Ленин сначала категорически отрицает предположение о том, что он был лично знаком с Сунь Ятсеном и добавляет, что они никогда не состояли в переписке. Затем он дает Чичерину свои рекомендации: быть всячески любезным с Сунь Ятсеном и регулярнее писать ему; в то же самое время целесообразно секретно поселить в Кантоне нашего человека.

“Быть любезным” - это не та форма общения, которую используют по отношению к соратникам по общей борьбе. “Секретно поселить нашего чело-

века в Кантоне" - секретно от кого? От Пекинского правительства или от самого Сунь Ятсена?

В соответствии с ленинскими указаниями Чичерин 7 декабря 1921 года пишет Янсону:

"Контакт с кантонским правительством должен быть на почве сочувствия национально-освободительному движению Китая в такой осторожной форме, которая не помешала бы нашей политике в Пекине. Имеете ли возможность передать от меня письмо Сунь Ятсену так, чтобы о нем не стало известно в Пекине [?] Сам он не опубликует ли это письмо [?] Переписываться с ним конфиденциально было бы очень полезно, но если эта переписка станет известной, боюсь, не мешает ли это нам в Пекине"³³.

Но затем происходит малопонятное на первый взгляд изменение позиции Ленина. 26 января 1922 года он вдруг спрашивает Чичерина:

"Помните, Вы мне посылали письмо Сунь Ятсена? Еще в нем он говорил что-то о дружбе ко мне, и Вы еще запрашивали меня, знал ли его я? К Вам или ко мне адресовано было это письмо? Сохранилось ли оно у Вас в архиве? И мой ответ с Вашим запросом? Если да, не можете ли прислать мне (на адрес Фотиевой)? Если нет, что помните об этом?"³⁴.

В итоге рекомендация быть просто любезным с Сунь Ятсеном сменилась инструкцией как можно скорее вступить с ним в непосредственный контакт. Сам Ленин, несмотря на болезнь, принимает в Кремле представителей КПК и ГМД, прибывших на Съезд трудящихся Востока, и обсуждает с ними возможности тесного сотрудничества двух партий. Чичерин пишет послание Сунь Ятсену, в котором сообщает тому, что "товарищ Ленин также прочитал Ваше письмо с величайшим интересом и следит за Вашей деятельностью с горячий симпатией"³⁵. Доставить это письмо в Китай было поручено В.Виленскому (Сибирякову), а в Кантон к Сунь Ятсену был послан С.Далин.

22 июня 1922 года вместо Пайкеса в Китай в качестве полномочного представителя РСФСР был направлен Иоффе. Он возобновил переговоры с Пекинским правительством, но неизвестные ранее архивные материалы позволяют утверждать, что главная цель его пребывания в Китае с самого начала заключалась не в этом. Иоффе сразу же начал интенсивную переписку с Сунь Ятсеном и У Пэйфу в надежде содействовать их сближению и последующему созданию коалиционного правительства. Когда же его усилия не увенчались успехом, он сформулировал новое предложение: отказаться от самой идеи переговоров с Пекином и признать правительство Сунь Ятсена как единственного законного президента Китая. В январе 1923 года Иоффе отправился в Шанхай, где имел встречи с Сунь Ятсеном. Они завершились подписанием двустороннего коммюнике, вскоре опубликованного в прессе.

Несмотря на то, что "Северо-Западный план" Сунь Ятсена, о конкретном содержании которого речь пойдет ниже, был отвергнут во время пребывания в Москве делегации во главе с Чай Кайши осенью 1923 г., стороны пришли к соглашению об оказании южнокитайскому правительству финансовой и военной помощи.

(окончание следует)

1. Тихвинский С.Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (из истории национально-освободительной борьбы китайского народа 1885-1925 гг.). М., 1964; Картунова А. И. Сунь Ятсен - друг китайского народа / Вопросы истории КПСС, 1966. № 10. С. 27-38.

2. Ли Юньхань. Цун лянэ дао цин дан (От союза с Россией до чистки партии). Тайбэй, 1973.
3. Лю Сунбинь. "Гунчань гоцзи хэ чжунго гэмин гуаньси яньцзю" духоу (Рецензия на книгу: "Коминтерн и китайская революция") / Чжунгун данши яньцзю, 1992. № 2. С. 82.
4. Elleman B.A. Soviet Diplomacy and The First United Front in China / Modern China, Vol. 21. No. 4. October 1995. P. 450-480.
5. Нефедов В.Н. (Рец.) Аллен С.Уайтинг. Советская политика в Китае / Советское Китаеведение, 1959. № 1. С. 180.
6. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 35.
7. Whiting A. Soviet Policies in China, 1917-1926. Canberra, 1976. P. 135.
8. Leong, Sow-Theng. Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917-1926. Canberra. 1976. P. 135.
9. Ibid.
10. Чжун э гуаньси шиляо: э чжэнбянь юй ибань цзяошэ (Исторические материалы о китайско-русских отношениях. Политический переворот в России и повседневные сношения. 1917-1919. Тайбэй, 1960. С. 267.
11. Там же.
12. Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С. 37.
13. Там же. С. 39-40.
14. Известия, 9 марта 1919 г.
15. Лю Цзэжун (Лау Сиу-Джау). Встречи с великим Лениным / Вопросы истории КПСС, 1960. № 2. С. 193.
16. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1933. С. 243.
17. Го фу нянпу бубянь (Дополнение к хронике жизни и деятельности Отца Государства). Тайбэй, 1975. С. 214.
18. Тихвинский С.Л. Сунь Ятсен... С. 252-253.
19. Мало кому был известен и другой факт: в своих корреспонденциях, адресованных МИД Китая, Лю Цзэжун весьма критически высказывался об окружавшей его советской действительности. В результате им были довольны обе стороны; Пекинское правительство даже наградило Лю Цзэжуна орденом за заслуги перед отечеством.
20. Документ III Всероссийского съезда китайских рабочих / Советское Китаеведение, 1968. № 1. С. 140.
21. E.Cunningam to Secretary of State, March 30, 1920. State Department Archiv (SDA), 761.93/142.
22. ВКП(б)... С. 46.
23. Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 215.
24. Там же. Т. 2. С. 730.
25. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 352. Л. 209.
26. Вестник Народного Комиссариата иностранных дел, 1921. № 1-2. С. 12-17.
27. ВКП(б)... С. 63-64.
28. Там же. С. 46.
29. Там же. С. 64.
30. Там же. С. 65.
31. Там же. Вклейка "Замеченные опечатки".
32. Там же. С. 693-694.
33. Там же. С. 66.
34. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. С. 141-142.
35. Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 83-84.

Русские в Китае

Тяньцзиньская ветвь эмиграции

© 1999

А.Хисамутдинов

В тридцатые годы в одном из уголков старого парка в Тяньцзине можно было обнаружить замшелый камень, на котором была укреплена медная доска с едва различимым текстом на английском языке. Надпись гласила: "Тяньцзинь. Открыт 21 июня 1887 г. в юбилейный день царствования Ее Величнейшего Величества Королевы Виктории, и посвящается здоровью, удобству и отдыху всех иностранных резидентов. У нас сад, обнесенный каменной стеной".

В конце текста были фамилии британского консула, председателя, членов и секретаря Муниципального совета Британской концессии в Тяньцзине. Среди членов совета было имя и селенгинского купца Алексея Дмитриевича Старцева. Этот известный дальневосточный предприниматель, сын декабриста Бестужева был членом совета и во Французской концессии, весьма почетное место в иностранной концессии.

А.Д.Старцев считался самым богатым человеком в Тяньцзине. Именно он подарил городу землю, на которой был разбит огромный парк Виктории. Старцев уехал во Владивосток и уже оттуда руководил своей огромной коммерческой империей в Китае. Скончался он от инфаркта 30 июня 1900 года у себя в имении на острове Путятин. Причиной смерти, как считали друзья коммерсанта, стало потрясение, которое вызвало у него сообщение о гибели в Тяньцзине уникальной коллекции буддийского культа и бесценной библиотеки. В 1899-1900 гг. в Китае войска Германии, Японии, Англии, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии жестоко подавляли ихэтуаньское антиимпериалистическое восстание. В ходе боев мощной бомбардировке подвергся и Тяньцзинь. Городу были нанесены большие разрушения. Сильно пострадали и 40 каменных домов, принадлежавших Старцеву, в том числе и дом, где хранилась его коллекция. В свое время парижский Лувр предлагал купить ее за 3 миллиона франков, фантастическую по тем временам сумму, но Алексей Дмитриевич только пожал плечами и сказал: "Нет на свете денег, за которые я бы смог продать свою коллекцию". В Тяньцзине осталась жить сестра А.Д.Старцева Екатерина Дмитриевна Старцева-Гомбоева, вдова бывшего начальника Русской почты в Пекине.

При подавлении ихэтуаньского восстания в боевых действиях участвовали и русские войска. Погибших солдат хоронили в братской могиле в Тяньцзине в Русском парке. "Впоследствии, - писал русский историк И.И.Серебрянников, - в 1900 году над этой могилой был возведен величественный каменный памятник-часовня, которая десятью годами позже была расширена и стала первой эмигрантской церковью Тяньцзиня. По четырем сторонам часовни находились плиты с именами погребенных русских воинов, павших в боях у Тяньцзиня. К сожалению, при последовавшем в 1929 году расширении церкви, произведенном на средства купца И.В.Кулаева, две таблицы-плиты были убраны и общая надпись на фронтоне памятника была изменена¹.

В Британской концессии имелись и свои мемориальные бронзовые доски в честь погибших солдат, три из них посвящены памяти более 150 русских воинов из следующих соединений: 16-го, 12-го и 2-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, 1-го Верхнеудинского и 1-го Читинского Забайкальских казачьих полков, крейсеров "Россия", "Дмитрий Донской", "Наварин", канонерских лодок "Кореец", "Маньчжур", "Сивуч" и "Гиляк".

По воспоминаниям русского историка И.И.Серебрянникова, русская концессия в Тяньцзине занимала довольно обширное пространство по левую сторону реки Бэй-хо. Она граничила с Итальянской и Бельгийской концессиями. Напротив, по другую сторону реки, располагались концессии - Японская, Французская, Британская и Бывшая Германская. Русская концессия была густо застроена в районе вокзала, далее же, вниз по реке Бэй-хо, строения становились редкими, и этот район концессии принимал характер дачной местности. Полицейские силы концессии находились в распоряжении Н.А.Жебрака, весьма популярного в городе лица. Названия улиц на территории Русской концессии были весьма характерны: Московская, Петербургская и т.п.

Большую роль в приеме и обустройстве россиян в Тяньцзине играло благотворительное общество. Оно было создано еще до первой мировой войны. Его устав был утвержден Российским посланником в Пекине В.Крупенским 3 октября 1913 года. В первом параграфе устава говорилось: "Местопребывание Общества - в Тяньцзине. Цель его - оказывать всевозможную помощь всем русским подданным, которые, попадая в район Тяньцзиньского консульства, терпят нужду или вообще требуют помощи. Район Тяньцзиньского консульства находится в пределах провинции: Чжили, Шеньси, Шаньси и Ганьсу".

С началом гражданской войны в России деятельность Благотворительного общества резко расширилась. Его комитет в 1922 году состоял: председательница К.В.Жебрак, вице-председательница А.И.Петерс, секретарь Л.П.Муравьева, казначей Б.В.Засникова, членов: Н.А.Желудков и М.В.Тараник. Членами ревизионной комиссии были Р.Г.Тидеман и А.А.Орлов. Бюджет в тот год составил 21 тысячу долларов, а на следующий год увеличился до 55 тысяч долларов².

Все деньги пошли на содержание Русского госпиталя, который был открыт Обществом весной 1921 года на территории Русской концессии. Прием больных производился за минимальную плату или же бесплатно. Летом 1921 года помещение больницы расширили и оборудовали две палаты по десять коек: мужскую и женскую. Первыми практикующими врачами в городе были Н.А.Арнольдов, И.Л.Банк, М.П.Гурьевич, Н.А.Желудков, М.Я.Перцель, Н.К.Руссель, А.Л.Селезнев и Н.Н.Ковалев. В 1922 году Общество содержало и общежитие для неимущих. В 1923 году там проживало около 500 человек. Общежитие располагалось на окраине города, в пустовавшем здании шерсто-

мойки тяньцзиньского предпринимателя С.М.Вязгина. Им же на Русской концессии была организована и дешевая столовая, где отпусkaliсь и бесплатные обеды.

19 сентября 1921 года в Тяньцзине был основан Комитет Помощи Голодающим в Советской России. В состав этого комитета входили: председатель А.Б.Капустин, товарищ председателя Н.К.Руссель, казначей доктор М.Я.Перцель, секретарь Л.Г.Гершевич, члены: С.М.Вязгин, А.А.Дудугалов, И.Р.Меклер, Н.П.Луцкий, К.Г.Вард. Комитет не получил поддержки населения, и, просуществовав около года, распался.

30 сентября 1920 года в Тяньцзине был спущен флаг на здании консульства Российской империи. Вот как описал это историческое событие бывший премьер-министр колчаковского правительства П.В.Вологодский: "Русский флаг был спущен по приказанию генерала Хуана канцелярским боем, китайский тотчас же поднят. Все происходило довольно тихо и мирно, без всяких инцидентов, раздалось лишь несколько аплодисментов из толпы китайцев, окружавшей здание, когда взвился китайский флаг. На вопрос, кто будет вестать стражей и судебными делами, генерал Хуан ответил, что делами этими будет вестать его секретарь генерал Ян-и-дэ. На вопрос же, по каким законам, китайским или русским, будет судить Ян-и-дэ, последний не дал определенного ответа. Тот же генерал Хуан просил всех русских остаться на службе и продолжить свое дело, предупредив, что отряд милиции будет переодет в стражу Чилийской провинции, а начальник стражи Жебрак останется советником при генерале Ян-и-дэ".

Вечером того же дня граждане бывшей Российской империи собрались вместе, чтобы обсудить, что же делать дальше. Говорили и спорили много: встать ли под юрисдикцию Дальневосточной республики, выждать время, или же создать собственную организацию. Эмигранты не пришли к какому-то определенному решению и по предложению Ш.Г.Тидемана ограничились тем, что выбрали инициативную группу под названием "Русская комиссия в Тяньцзине"³.

Комиссия сразу заняла помещения бывшего Российского консульства и отправила в Пекин своего представителя П.В.Вологодского с целью разузнать о политической обстановке. Он вернулся в Тяньцзинь 8 ноября 1920 года. Выслушав сообщение Вологодского о результатах поездки, Русская комиссия решила созвать общее собрание русских тяньцзиньцев, которое состоялось 26 ноября 1920 года. На нем и было провозглашено создание Комитета представителей русского населения Тяньцзиня, который возглавил В.В.Носач-Носков⁴.

Русский комитет в Тяньцзине просуществовал недолго. В то время русские метались по Китаю и каждый больше беспокоился о собственной судьбе, чем о создании общественной организации. Следующую попытку самоорганизоваться эмигранты предприняли только через пять лет, основав Русскую национальную общину. Хотя многие русские в Тяньцзине с прохладцей отнеслись и к этой идее, 16 июня 1928 года прошли первые выборы уполномоченных (депутатов). Председателем стал бывший русский дипломатический агент в Урге А.А.Орлов, которого вскоре сменил Г.А.Вержбицкий - тяньцзиньский представитель главы русской эмиграции в Китае Д.Л.Хорвата⁵.

4 декабря 1928 г. общее собрание уполномоченных Русской национальной общины подвело первые итоги своей деятельности: откорректирован устав, установились связи с китайскими властями и другими эмигрантскими организациями в Китае, расширилась благотворительная деятельность. В Общине было зарегистрировано 387 русских тяньцзиньцев, в том числе 55 женщин.

Одним из мероприятий, которое провела община, была организация бесплатных курсов "Отечественоведения" для эмигрантской молодежи. Занятия проводились вечерами в помещении Русской школы. Основатели курсов решили читать лекции по трем основным предметам: История русской литературы, русская история и география России. Первые лекции обнаружили, что молодежь совершенно не заинтересована в получении новых знаний, а на занятия приходили люди среднего и пожилого возраста. Через некоторое время курсы прекратили свое существование.

Русская национальная община слилась с Русским клубом и окончательно прекратила свою деятельность с учреждением Антикоммунистического комитета в Тяньцзине.

Идея организовать в Тяньцзине Русский клуб возникла в 1914 году, когда вся русская колония насчитывала меньше 200 человек. 31 октября 1914 г. Российский генеральный консул в Тяньцзине П.Г.Тидеман утвердил устав Клуба. Вторая статья его гласила, что основной задачей Русского клуба является: "Объединение членов Русской колонии в Тяньцзине и укрепление связей между русскими и иностранными резидентами путем предоставления им возможности пользоваться помещениями Клуба для устройства собраний и организации общественных развлечений"⁶.

По-настоящему работа в Русском клубе началась позже, в 1918 году, когда в Тяньцзине было основано Русское общественное собрание. По уставу, утвержденному в Пекине в 1918 году, целью этого собрания являлось "объединение всех русских граждан, проживающих в Тяньцзине, на почве культурно-просветительских, политических и общественных интересов колонии". Член клуба И.И.Серебренников отмечал, что "Ближайшими конкретными задачами собрания ставились: содействие развитию русского дела в Тяньцзине; деятельное участие в выборах в Общественный совет Русской концессии, причем Собрание должно было стремиться к проведению и поддержанию в Совете концессии русского большинства, которое должно было поставить русскую концессию на надлежащую высоту, устройством культурно-просветительских учреждений"⁷.

Основателями Русского клуба и общественного собрания были россияне-старожилы Тяньцзиня. В него принимали всех желающих, без различия политических убеждений и вероисповедания. На собранные средства общественное собрание купило дом в Русской концессии на углу улиц Поппе и Паркес. В верхнем этаже разместилась библиотека в 3 тысячи томов, собранная на пожертвования.

Большое влияние в Русском клубе имели члены местного Общевойнского союза. Одним из первых воинских обществ в Тяньцзине было отделение Союза бывших военнослужащих Российской Армии и Флота. Оно было основано в сентябре 1926 г. Тогда отделение Союза возглавлял гвардии полковник А.П.Бендерский и П.А.Веденяпин и моряк Л.П.Муравьев. Отделение было деятельным и работало до 1937 г., когда оно было закрыто японцами.

Комитет старшин, руководящий орган Русского клуба, арендовал большой двухэтажный особняк с просторной усадьбой и надворными постройками. В одной из этих построек разместилась канцелярия Воинского Союза, а в другом правление Русской национальной общины. Так появился целый русский городок. В зале Русского клуба была устроена небольшая сцена, где ставились спектакли и концерты. На содержании клуба находился оркестр с постоянным составом. В саду имелась специально оборудованная паркетная площадка для танцев. Работала библиотека, взятая в аренду у Св.Православного братства, затем переданная публичной библиотеке "Наше

Знание". В клубе кроме коммерческих мероприятий, дававших средства для его содержания, проводились и благотворительные вечера. Клуб помогал существовать многим русским эмигрантам.

Остро стояла проблема обучения детей россиян. Им приходилось посещать английские школы. Во второй половине 1920 г. в русской колонии в Тяньцзине был создан Русский школьный комитет (председатель П.В.Вологодский, секретарь К.А.Парфирьев), который на собранные деньги открыл школу в помещении конвоя Русского консульства. В ней занимались по учебным программам гимназий.

10 марта 1939 г. в Тяньцзине была открыта Российская художественная школа, которая стала единственной в своем роде на Дальнем Востоке. Основателями школы были братья: художник Н.Задорожный, священник Ф.Задорожный и инженер И.Задорожный⁸. Занятия велись по программам русских художественных школ. Выпускники имели право преподавать в общеобразовательных заведениях. Принимались и вольнослушатели⁹.

Японская оккупация внесла много сложностей в жизнь русской колонии в Тяньцзине, особенно учреждение под эгидой японских властей в октябре 1937 года Антимоунистического комитета. Доносы, уничтожение без суда и следствия политических противников, шпиономания, закрытие русских газет даже нейтральной ориентации и многое другое стали главным орудием японского курса на "упорядочивание" образа жизни, то есть на японизацию. Но это особая, другая тема.

1. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Том II. С. 189.

2. Hoover Institution: Serebrennikov, box 10.

3. Серебренников И.И. Великий Отход. Рассеяние по Азии белых Русских Армий. 1919-1923. Харбин: Изд. М.В.Зайцева, 1936. С. 112.

4. Hoover Institution: Serebrennikov, box 3.

5. Hoover Institution: Serebrennikov, box 3.

6. Hoover Institution: Serebrennikov, box 4.

7. Hoover Institution: Serebrennikov, box 3.

8. Hoover Institution: Serebrennikov, box 6.

9. Hoover Institution: Serebrennikov, box 6.

Религия

Христианство в Корее

© 1999

А.Ланьков

За Дальним Востоком закрепились репутация региона не то чтобы атеистического в точном смысле этого слова, но в целом равнодушного к религиозным вопросам. В общем, для такой репутации есть свои основания. Однако, Корея во многом является исключением из общего правила. Сами корейцы считают себя очень религиозным народом. Автор одной диссертации на эту тему даже начал свою работу словами: "Религиозные чувства корейцев глубже, чем у других народов"¹. Конечно, подобные заявления, весьма обычные для корейских христианских авторов, нельзя принимать на веру: есть на свете, в конце концов, и более религиозные этнические группы. Бесспорно, однако, то, что корейцы, в отличие от большинства своих соседей по Восточной Азии, проявляют немалый интерес к вопросам веры. Христианизация Южной Кореи в 20 столетии относится к числу наиболее любопытных феноменов религиозной истории нашего времени.

К сожалению, этот процесс, достаточно хорошо изученный на Западе, не привлек пока к себе должного внимания со стороны отечественных востоковедов. В настоящей статье мы бы хотели кратко рассказать об истории корейского христианства, а также о той роли, которую оно играет в социальной и политической жизни страны в наши дни. Статья основывается на публикациях южнокорейской печати, работах корейских и западных ученых, а также личных наблюдениях автора, несколько лет проработавшего в Южной Корее.

Распространение христианства в Корее началось сравнительно недавно, в конце 18 в. В тот период Корея находилась в состоянии морального и духовного кризиса, который хорошо ощущался интеллектуальной элитой страны. Ортодоксальное неоконфуцианство, которое на протяжении долгого времени было официальной идеологией Кореи, стало казаться слишком схоластичным, слишком оторванным от реальной жизни и безнадежно заблудившимся в призрачных лабиринтах собственных умозрительных построений. Стремление найти какие-то новые идеи и формы духовной жизни привело к тому, что некоторые представители конфуцианской интеллигенции стали обращать внимание на те католические сочинения, которые (разумеется, в переводе на древнекитайский язык, хорошо известный всем образованным корейцам) время от времени попадали в Корею из Пекина. В конце 70-х годов 18 в. в Сеуле возник кружок молодых конфуцианцев, занимавшихся изучени-

ем христианства по находившимся в их распоряжении книгам. В 1784 г. один из членов этого кружка, Ли Сын Хун, побывав в Китае в составе корейской дипломатической миссии, встретился там с иностранными миссионерами и, приняв крещение, вернулся на родину. Таким образом, в 1984 г. корейскому христианству исполнилось 200 лет - годовщина, которую местные католики отметили с немалой пышностью².

В 80-е годы 18 столетия число сторонников новой веры среди корейских дворян стало быстро расти. Обеспокоенное проникновением чуждого и странного учения, корейское правительство, обычно отличавшееся веротерпимостью, решило принять меры и под страхом смерти запретило проповедь христианства. Однако запрет не остановил сторонников новой веры. На протяжении почти столетия власти вели отчаянную борьбу с католиками, организовав в 1785-1876 гг. десять крупномасштабных кампаний по искоренению "западной ереси". Множество корейских христиан погибло на плахе и в тюрьмах. Судьбу их разделили и иностранные миссионеры, главным образом французские и китайские католические священники, тайно проникавшие в Корею из Китая (въезд иностранцев в страну был тогда категорически запрещен) и редко возвращавшиеся назад живыми. Тем не менее, корейская католическая община продолжала существовать и расти. К моменту фактической легализации христианства в 80-е годы 19 в. ее численность превышала 10 тыс. человек. К середине 19 в. появились и первые корейцы - католические священники, которые были тайно отправлены общиной учиться в семинарию в Макао и, пройдя там подготовку, нелегально вернулись на родину³.

Особую ожесточенность борьбе с христианством придавало то обстоятельство, что правительство и значительная часть добропорядочных подданных считали христиан реальными или потенциальными агентами "западных варваров" - европейских держав, натиск которых на Корею в тот период постоянно возрастал. Для таких суждений, надо признать, были некоторые основания, так как местные христиане часто сопровождали высаживавшиеся в Корею отряды колонизаторов, исполняя при них роль переводчиков (а то и просто лазутчиков). Другим обстоятельством, вызывавшим возмущение остальных корейцев, был отказ сторонников новой веры участвовать в языческих обрядах жертвоприношений душам предков (христиане даже иногда демонстративно сжигали поминальные дощечки своих предков, хотя этот поступок карался смертью). Эти обряды в Корею всегда считались не просто религиозной церемонией, но важнейшим проявлением духа "сыновней почтительности" (хё) - основополагающей конфуцианской добродетели. Отказ от участия в подобных ритуалах воспринимался людьми, воспитанными в духе традиционной конфуцианской этики, как проявление крайней аморальности⁴.

Если сравнивать Корею с другими странами Дальнего Востока, то можно заметить, что история раннего корейского христианства достаточно нетипична. Во-первых, проникло христианство в Корею без непосредственного участия миссионеров. Во-вторых, его распространение было достаточно быстрым, успешным и, опять-таки, не являлось результатом деятельности иностранных представителей. Успехи корейского католицизма находятся в кричащем противоречии с той ситуацией, что существовала в тот же период в Китае, где огромные усилия западных миссий не привели к сколь-либо заметным результатам, и где само существование христианских общин было невозможным без постоянной зарубежной поддержки.

Распространение протестантизма в Корею происходило по более стандартной схеме. Решающую роль здесь сыграли западные миссионеры, деятельность которых началась в Корею в 80-е годы 19 в., вскоре после "открытия портов" в 1876 г. Как ни парадоксально, протестантскую проповедь там начали японские миссионеры (факт, о котором корейские историки, в сво-

ем большинстве настроенные весьма антияпонски, сейчас предпочитают не вспоминать). Однако решающую роль в массовом распространении протестантизма сыграли американцы, первым из которых был пресвитерианин Гораций Аллен, прибывший в Корею в 1884 г. В 1885 г. начали свою работу в стране два других знаменитых американских миссионера - методисты Гораций Ундервуд и Генри Аппенцеллер⁵.

Любопытно, что протестантство и католицизм в современной корейской статистике часто рассматриваются как две отдельные религии. Вызвано это, отчасти, и лингвистическими причинами: протестанты именуют свое вероучение *кидоккё* ("Учение Христа", кит. *Цзидуцзяо*), в то время как католики следуют более ранней традиции, восходящей еще ко временам их первых миссионерских попыток в Китае, и именуют себя последователями *чхончжугё* ("Учения Небесного Господа", кит. *Тяньчжуцзяо*). Сказывается это и на переводах. Когда кореец по-английски или по-русски называет себя "христианином", это почти всегда означает, что он является именно протестантом, а не католиком или, скажем, православным.

Протестанты сыграли особую роль в процессах модернизации и вестернизации в Корее. Надо отметить, что в советских работах по истории Кореи, которые часто писались с оглядкой как на официальные северокорейские оценки, так и на собственные идеологические установки, эта роль обычно принижалась и замалчивалась. А между тем она была огромной. Именно миссионеры открыли в Корее первые современные больницы и школы, способствовали распространению современных научных и технических знаний. Христианами (в основном протестантами) было большинство первых корейских "западников", для которых принятие этой религии означало приобщение к столь почитаемой ими евро-американской цивилизации. Исключительно в миссионерских школах - других женских учебных заведений тогда просто не было - получило образование первое поколение корейской женской интеллигенции. Активным было участие протестантов и в национально-освободительном движении. Например, среди 15.156 человек, которые были арестованы японскими властями после восстания 1 марта 1919 г. и религиозная принадлежность которых отражена в документах, протестантов было 3.373, или 21,6%, в то время как их доля в общей численности населения тогда составляла лишь 1,5% (участие католиков в движении было куда скромнее - среди арестованных их было только 55 человек, или менее 0,3%)⁶. Многие из первых корейских коммунистов, которые обычно приходили к марксизму через радикальный революционный национализм, также были христианами в юности или же происходили из христианских семей (в частности, глубоко верующими протестантами были родители Ким Ир Сена).

После захвата Кореи Японией в 1910 г. корейское христианство столкнулось с немалыми трудностями. Японские колониальные власти с понятным подозрением относились как к самому христианству, опасаясь, что оно может стать источником проникновения западных идей, так и к миссионерам, в которых они видели потенциальных западных агентов. Колонизаторы стремились организационно подчинить корейских христиан японским протестантским церквям. Кроме того, в противовес христианству власти пытались внедрять в Корее японские варианты буддизма, но без особого успеха. Еще меньшего успеха добилась колониальная администрация в своих попытках насадить синтоизм, который оставался для корейцев религией глубоко чуждой, если не прямо враждебной. Тем не менее, в 30-е годы совершение синтоистских обрядов в честь японского императора стало обязательным для всех корейцев. После долгих дискуссий две крупнейшие корейские протестантские общины - пресвитериане и методисты - согласились на то, чтобы их последователи принимали участие в этих языческих обрядах. Их примеру по-

следовали некоторые другие протестантские общины, но многие корейские христиане решительно выступили против всяких компромиссов. В ответ японские власти в конце 30-х годов организовали антихристианскую кампанию, в результате которой тысячи священников и церковных активистов были арестованы, а ряд иностранных миссионеров - депортирован⁷.

В 20-е и 30-е годы с христианством в Корее произошла важная метаморфоза, которая во многом определила его последующую судьбу: оно окончательно стало восприниматься как национальная религия, потеряв тот оттенок "западности" и "чуждости", который был характерен для него поначалу. В этом заключается коренное различие между судьбами христианства в Корее - с одной стороны, и в большинстве стран Азии - с другой. Во многом это было связано с тем, что в Корее в качестве колонизаторов выступали не европейцы, столь охотно подчеркивавшие в те времена свою приверженность христианству, а "язычники"-японцы. В Корее, в отличие от колоний европейских держав, западные миссионеры и их местные сторонники воспринимались не как идеологические агенты власти, а, наоборот, как последовательные противники колонизаторов и представители дружественной по отношению к Корее силы. Не следует забывать и о том, что практически вся новая корейская интеллигенция, включая большинство лидеров антиколониального движения, состояла из людей, получивших образование в христианских учебных заведениях и вышедших оттуда верующими людьми. Наконец, церкви были в колониальный период мстками, где продолжала звучать корейская речь, их издания выходили на разговорном языке, набранные корейским алфавитом, а не малодоступной для масс иероглификой.

В итоге в Корее христианство (в первую очередь протестантизм) сумело сделать то, чего оно не добилось, пожалуй, больше ни в одной азиатской стране: утвердилось в положении ведущей национальной религии⁸. Корейский социолог Ли Чун Ён замечает, что одна из важнейших теологических идей, пользующаяся особой популярностью среди корейских верующих, заключается в том, что "Корея является центром духовного возрождения и именно корейцы послужат инструментом спасения мира"⁹. Тот, кому пришлось жить в Корее, хорошо знает, что подобные воззрения там распространены чрезвычайно, равно как и представления о корейцах как о "новом Израиле", о народе, избранном Богом.

1945 г. означал кардинальные изменения в судьбах корейского христианства. На протяжении предшествующих полутора столетий христианство было религией, либо прямо преследовавшейся, либо, как минимум, не поощрявшейся властями, но после Освобождения оно приобрело полуофициальный статус. В новых условиях количество христиан в Корее стало стремительно возрастать. Успех этот был во многом развитием тех тенденций, что наметились еще в колониальное время, но он был бы невозможен и без немалой организационной и финансовой поддержки, которую корейские миссионеры получали из США.

Традиционно главным центром корейского протестантизма был Пхеньян и вообще северные провинции. Однако после раскола страны на Севере христианская проповедь столкнулась с рядом серьезных ограничений со стороны новых властей, которые проводили политику официального атеизма. Хотя некоторые радикально настроенные священники и поддержали коммунистов, подавляющее большинство клира выступило против новой власти, что не могло не обострить и без того непростые отношения христианских общин и государства. До конца Корейской войны северокорейские власти разрешали деятельность нескольких приходов, но в конце 50-х годов с укреплением режима единоличной власти Ким Ир сена христианство на Севере было полностью запрещено. Только в середине 80-х годов власти КНДР вновь открыли

несколько церквей, деятельность которых, разумеется, жестко контролируется властями и служит в первую очередь внешнепропагандистским задачам.

На Юге в правление Ли Сын Мана (1948-1960) и военных диктатур (1961-1987) отношения христианских общин и властей были достаточно противоречивыми. С одной стороны, основная масса корейского клира придерживалась последовательно антикоммунистических взглядов, чему, в частности, способствовали и гонения на христиан в Северной Корее. Традиционно крепкие связи корейских христиан с Америкой также сказывались на политической ориентации общин. Наконец, доля христиан в корейской экономической и политической элите в период после 1945 г. была очень велика и, вдобавок, постоянно возрастала, что тоже делало христианские общины сторонниками сохранения существующей системы. Показательно, что в 1952-1962 гг. доля христиан в корейской элите (высшее чиновничество и генералитет) достигла 41% (32,5% - протестанты, 8,5% - католики), в то время как их доля в общей численности населения к концу того периода составляла только 5,3%¹⁰.

В то же время не следует считать, что корейское христианство в период военных диктатур было чуть ли не придатком светской власти. На практике христиане, особенно (но не только) католики, сплошь и рядом играли самую активную роль в оппозиционных движениях, а католические соборы, которые в Корее пользовались неофициальным, но на практике довольно строго соблюдаемым правом убежища, часто становились ареной антиправительственных выступлений. Эти действия существенно поднимали авторитет христианства, особенно среди интеллигенции и студенчества.

Конец 70-х годов вообще стал временем появления нового направления корейской богословской мысли - так называемой теологии *минчжун*. Слово "*минчжун*" может быть переведено на русский как "народные массы" или просто "массы". Строго говоря, *минчжун* - это корейское произношение китайского термина "миньчжун", который в 30-40-е годы использовался в китайской коммунистической литературе для перевода русского слова "массы", столь популярного в советских послереволюционных изданиях. В 50-е годы этот термин в китайском языке был вытеснен новым - *цуньчжун*, но в корейском словоупотреблении он сохранил прежнюю семантику. Для корейца термин "*минчжун*" имеет вполне определенную политическую окраску: он является важной частью лексикона корейских левых сил, которые употребляют это слово для обозначения "трудящихся", т.е. социальных слоев, отличных от "эксплуататоров". Корейский теолог Давид Со так трактует значение этого термина: "*Минчжун* - это политически угнетаемые, экономически обездоленные, социально отчужденные"¹¹.

"Теология *минчжун*" возникла как проявление растущих левых симпатий среди корейской интеллигенции, которая в своем большинстве к тому времени была уже давно и прочно христианской. Пик ее влияния приходится на конец 80-х, когда симпатии к марксизму в корейской студенческой и интеллигентской среде достигли максимума. "Теология *минчжун*" во многом напоминала латиноамериканскую "теологию освобождения", определенное влияние которой она испытала, хотя в ней весьма ощутимы и националистические элементы (вообще говоря, очень сильные в современной южнокорейской общественной мысли). Ее сторонники считали, что Церковь должна активно участвовать в политической борьбе, поддерживать движение за демократизацию, против военной диктатуры, солидаризироваться с рабочим и крестьянским движением. Особое беспокойство вызывал у них сохраняющийся раскол страны и многие сторонники "теологии *минчжун*" пытались завязать неофициальные связи с Севером. Это часто использовалось Пхеньяном в своих целях, а также вело к репрессиям против таких священников на Юге, где любые несанкционированные контакты с Севером являются уголовно наказуемыми.

Сторонники "теологии минчжун" воспринимают христианство как учение одновременно революционное и национальное: "Корейские массы восприняли христианское послание как призыв к освобождению... Они поняли христианство как политический призыв, как призыв к борьбе против феодальной эксплуатации и колониальной экспансии западных империалистических держав"¹².

Последователи "теологии минчжун", впрочем, никогда не составляли большинства среди корейских священнослужителей, которые, как уже говорилось, в основном придерживались и придерживаются консервативных, правых взглядов. Общая деполитизация атмосферы в Корее и явная дискредитация марксизма (по крайней мере в его ортодоксальном варианте) также привела к тому, что влияние "теологии минчжун" стало в последние годы сокращаться.

В целом же, 70-е и 80-е годы стали временем, когда христианство превратилось в доминирующую религию не только среди городской интеллигенции, но и среди населения страны в целом. Рост численности христиан в Корее на протяжении последнего столетия хорошо виден из табл. 1.

Таблица 1

Рост численности христиан в Корее и их доля по отношению к общей численности населения (тыс. чел., %)

	1890	1911	1930	1940	1862	1972	1984	1991
Католики	17,6	76,8	53,7	113,6	591	790	1.711	2.386
Протестанты	-	116,1	260,6	394,3	737	3.463	7.687	7.739
Доля христиан в населении	0,3%	1,5%	1,6%	2,2%	5,3%	12,8%	23,2%	23,6%

* После 1946 г. данные только по Южной Корее¹³.

По данным обследования, проведенного правительственными организациями, в 1991 г. религиозный состав южнокорейского населения в целом был следующим: неверующие - 46%; буддисты - 27,6%; протестанты - 18,6%; католики - 5,7%; конфуцианцы - 1%; вон-буддисты - 0,3%; последователи чхондогё - 0,15%; прочие - 0,5%¹⁴. Таким образом, статистика утверждает, что христиане и поныне составляют меньшинство религиозно активного корейского населения. Однако эти цифры во многом искажают реальное положение вещей, так как в них не отражено самое важное - религиозное усердие представителей разных конфессий, то, насколько всерьез принимают они свои убеждения.

В Корее бывает достаточно просто посмотреть вокруг, чтобы удостовериться в исключительной активности христиан. Обилие христианских храмов неизменно становится одним из самых неожиданных впечатлений для большинства русских, впервые приехавших в Южную Корею. Их количество действительно поражает. Едва ли можно найти сейчас поселок в сотню домов, в котором бы не было как минимум одной церкви. Кресты, установленные на крышах церквей или зданий, в которых тот или иной приход снимает помещения, бросаются в глаза при самом беглом взгляде на Сеул или любой иной корейский город (особо впечатляющим выглядит это зрелище ночью, когда кресты светятся красным неоновым пламенем). Автор этих строк прожил три года в городке Осан под Сеулом. С балкона его дома ночью одновременно можно было увидеть кресты восьми церквей, расположенных на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга. И это - на окраине небольшого корейского городка!

Удивительна активность христианских проповедников. Человек средних лет, в костюме и галстукe, с Библией в руке, который голосом, перекры-

вающим грохот колес поезда, призывает всех пассажиров вагона метро или электрички покаяться в грехах и уверовать в Христа - явление столь обычное, что даже несколько удивляешься, когда за целый день, полный поездок на метро, ни разу не столкнешься ни с одним из таких проповедников. Столь же обычны группы молодых людей, которые распевают у входа в метро религиозные песни, аккомпанируя себе на гитаре. Христианскую (чаще всего протестантскую, но временами и католическую) брошюру может вручить пассажиру водитель такси, а бабушки, которые в метро раздают соседям по сиденью христианские листовки и газеты, встречаются еще чаще, чем уличные проповедники. Эта активность контрастирует с поведением представителей сторонников буддизма и иных традиционных верований, которых, равно как и их храмов, почти не видно в корейских городах и поселках. Другим проявлением проповеднического пыла, свойственного корейскому христианству, стала деятельность многочисленных корейских миссионеров, ныне исключительно активно работающих во всем мире, в том числе и в странах СНГ.

Особенно активны христиане среди молодежи. За четыре года работы в корейских университетах автор почти не встречал среди своих студентов тех, кто называл бы себя буддистами, в то время как христиане всегда были очень многочисленны, составляя примерно половину всех студентов (остальные обычно были неверующими). При этом молодые корейские христиане воспринимают свою веру с полной серьезностью, часто ссылаются на Священное писание, сплошь и рядом мотивируют тот или иной свой поступок религиозными предписаниями. Значительная часть студентов по воскресеньям регулярно посещает церковь, многие из них поют в хоре или активно работают в разного рода церковных организациях. Вообще, для корейских христиан пунктуальное исполнение религиозных предписаний стало частью повседневной жизни. По воскресеньям у протестантских и католических церквей собираются толпы нарядно одетых людей. Посещение воскресной службы - обязательная часть жизненного распорядка корейской христианской семьи, равно как и почти исчезнувшая в современной Европе традиция молиться перед трапезой.

Показательно, что и в эмиграции корейские общины объединяются по преимуществу вокруг церквей. В США и некоторых других странах, которые стали центрами корейской эмиграции в сравнительно позднее время, именно корейская христианская (чаще протестантская) церковь становится для местной диаспоры главным центром встреч и контактов¹⁵.

Подтверждение этому можно найти, например, в истории австралийской корейской общины. Показательно, кстати, что корейские христиане, находясь в эмиграции, не смешиваются со своими иноплеменными единоверцами, а создают собственные, чисто корейские приходы. Корейская эмиграция в Австралию началась в середине 70-х годов и в 1974 г. в Сиднее была основана первая корейская церковь. К 1990 г. количество корейских протестантских приходов в этом городе достигло 52. Корейский социолог замечает по данному поводу: "Как только кореец прибывает в Австралию (на постоянное жительство), он отправляется в церковь вне зависимости от того, является ли он сам христианином. Это связано с тем, что новоприбывшие знают, что церковь - это место, где они могут найти ту информацию, в которой нуждаются для обустройства на новом месте"¹⁶.

Надо сказать, что и статистика при более внимательном рассмотрении подтверждает: христианство является в Корее наиболее активной и влиятельной религией. Во-первых, чем моложе человек, тем больше вероятность того, что он окажется христианином. Если в целом по стране в 1991 г. буддисты составляли 51,2% верующих, а христиане - 45%, то в том же году среди верующих в возрасте от 20 до 29 лет буддистов было 40,2%, а христиан -

56,8%. Во-вторых, доля христиан существенно выше среди городских жителей, чем среди сельских (в 1991 г. - в полтора раза¹⁷). В-третьих, чем выше уровень образования и социальный статус корейца, тем, опять-таки, больше вероятность того, что он исповедует христианство. Когда в декабре 1994 г. в Корее было сформировано новое правительство, буддийская газета "Поппо синмун" сообщила о его религиозном составе. Из 22 министров кабинета 11 были протестантами, четверо - католиками, один - буддистом, а шестеро - неверующими¹⁸.

Подтверждаются приведенные выше субъективные впечатления и данными социологического опроса верующих, в ходе которого им задавали вопрос о том, насколько часто они посещают религиозную службу. Результаты этого обследования говорят сами за себя. Больше половины (54,2%) буддистов посещали религиозные церемонии "раз в год и реже", и только 17,2% всех тех, кто считал себя буддистами, бывали в храмах чаще, чем раз в месяц, с другой стороны, более двух третей христиан (76,1% протестантов и 67,2% католиков) посещали храмы "раз в неделю и чаще"¹⁹. 55% буддистов (против 6,8% протестантов и 10,6% католиков) признались, что никогда в жизни не читали священных текстов своей религии²⁰. Наконец, не следует забывать и о субъективной самооценке верующими своих религиозных чувств. В 1983 г. 34,9% буддистов, 46,2% протестантов и 48,7% католиков охарактеризовали свою веру как "глубокую" или "очень глубокую"²¹.

В организационном отношении корейский протестантизм не отличается единством. Он представлен многочисленными и организационно независимыми друг от друга направлениями и группировками, которые, вдобавок, часто раскалываются из-за религиозных, финансовых или политических разногласий. Переходы из одной конгрегации в другую являются совершенно обычными. Вообще говоря, склонность корейского протестантизма к всяческим внутренним раздорам и конфликтам может порою вызывать улыбку у постороннего наблюдателя. В большинстве своем корейские протестантские общины являются ответвлениями тех или иных американских религиозных течений, то, как правило, обладают организационной независимостью. Самыми крупными из протестантских групп в начале 90-х годов были две пресвитерианские общины, отколовшиеся друг от друга в 1959 г. (в каждой насчитывается примерно по 2 млн. членов). Кроме того, в стране действует еще 12 крупных (не менее 200 тысяч прихожан в каждой) и великое множество средних и мелких протестантских общин и сект²². Заметим кстати, что печально знаменитая за рубежом "Церковь Объединения" Мун Сон Мёна ("муниты"), которая у многих иностранцев по понятным причинам ассоциируется с Кореей, в действительности, несмотря на корейское происхождение своего основателя, играет весьма скромную роль в религиозной жизни страны.

Корейское католичество, несмотря на свою героическую историю, сейчас по влиянию заметно уступает протестантизму. Тем не менее, как абсолютная численность католиков в стране, так и их удельный вес продолжают расти. В 1984 г. в Корее побывал Папа Римский, который принимал участие в пышных торжествах, посвященных 200-летию корейского католицизма. Католические иерархи пользуются в стране заметным влиянием (пожалуй, более серьезным, чем руководители протестантских церквей, репутацию которых во многом портят постоянные расколы и скандалы, в том числе финансовые). Вдобавок, два с половиной миллиона активно верующих граждан - это немалая сила, особенно если принять во внимание ту дисциплину и согласованность действий, которыми всегда славилась Католическая церковь.

Есть в Корее и Православие, некогда занесенное туда русскими миссионерами, которые действовали в Сеуле с 1898 г. После Октябрьской революции миссия, оказавшись изолированной от России, осталась в Сеуле и про-

должила свою деятельность. Как известно, в дореволюционный период значительная часть переселившихся в Россию корейцев приняла Православие, а вот успехи российского миссионеров в самой Корее, где им приходилось действовать без привычной для них прямой государственной поддержки, оказались достаточно скромными²³. В 1950 г., когда глава миссии - православный кореец-священник Алексей Ким был арестован северянами и после этого исчез бесследно, деятельность Православной церкви ненадолго приостановилась, но в 1953 г. она была возобновлена с помощью греческих военных (Греция, наряду с некоторыми другими странами Запада, принимала символическое участие в Корейской войне, направив на полуостров небольшой воинский контингент). В настоящее время сколь-либо заметного влияния в стране Православие не имеет: достаточно сказать, что православных корейцев примерно в 30 раз меньше, чем корейцев-мусульман. Тем не менее, в Корее существуют четыре православных прихода с примерно тысячей верующих корейцев, а также небольшой православный монастырь. После 1956 г. три православных прихода, ранее входившие в состав Русской церкви, но давно и полностью утратившие с ней связь по вполне понятным политическим причинам, были приняты под свою юрисдикцию Греческой православной церковью, а в 1995 г. к ним добавился еще один приход, принадлежащий Зарубежной русской православной церкви.

Южная Корея уникальна тем, что она является одним из немногих азиатских государств, в религиозной жизни которых христианство занимает сейчас доминирующее положение. Несмотря на свою сравнительно краткую историю, христианство, особенно протестантизм, стало важным составным элементом современной корейской культуры. Экспансия христианства продолжается в Корее и в наши дни, и есть основания полагать, что его влияние будет возрастать и дальше.

Успех корейского христианства обусловлен рядом факторов. На первых порах ему способствовала обстановка общего духовного кризиса, который подорвал позиции традиционных верований и идеологий. Важную роль сыграло и то, что христианство в Корее не воспринималось как религия колонизаторов и его сторонники с самого начала играли немалую роль в национально-освободительном движении. Кроме того, христианство для Кореи в первые десятилетия нашего века было религией модернизаторской и вестернизаторской, принятие христианства часто служило символом приобщения к новым идеям и ценностям, проникающим с капиталистического, "демократического", "современного" Запада. После восстановления независимости Кореи в 1945 г. росту христианских общин способствовал продолжающийся кризис традиционных религий, а также то обстоятельство, что к тому времени христианство исповедовала значительная часть новой вестернизированной корейской элиты. Наконец, на протяжении всей истории христианства для его распространения немалое значение имела и активная организационная и финансовая поддержка со стороны стран Запада, в первую очередь - США.

1. Юн Бок Чжу. Хангук-ый чонгъёйсьик-е тэхан ёнгу (Исследование религиозного сознания корейца). Квандонъ тэхаккё, 1993. С. 1.
2. Существует множество публикаций по истории христианства в Корее - как апологетических, так и вполне научных. Очерк истории раннего христианства можно найти, в частности, в книгах: Grayson James. Korea: a Religious History. Oxf., 1989; Чон Тхэк Пу. Хангук кёхве пальчжон са (История развития Корейской церкви). Сеул, 1987.
3. Kim A. A History of Christianity in Korea // Korea Journal. Seoul, 1988, No. 2.
4. Подробнее об отношении корейского христианства к конфуцианскому культу предков см.: Adams D. Ancestors Folk Religion and Korean Christianity Perspectives on Christianity in Korea and Japan. Lewiston, Queenstone, 1995. P. 96-112.

5. Деятельность миссионеров в Корею на рубеже 19-20 вв. привлекала немалое внимание южнокорейской и западной историографии. Среди многочисленных публикаций на эту тему можно назвать: Хангук кидоккё са (История корейского протестантизма). Сеул, 1997; Kim Duk Whang. A History of Religions in Korea. Seoul, 1988.
6. Данные японского генерал-губернаторства см.: Palmer Spenser. Korea and Christianity: The Problem of Identification with Tradition. Seoul, 1967. P. 65.
7. Об отношении японской колониальной администрации к христианам см.: Хан Сок Хве. Ильчже-ый чонггё чхимряк са (История религиозной агрессии японского империализма). Сеул, 1990; Wells Kenneth. New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea, 1896-1897. Honolulu, 1990.
8. Подробный анализ той структурообразующей роли, которую протестантизм сыграл в формировании нового корейского национального самосознания, содержится в ряде работ западных и корейских ученых. См.: Wells Kenneth. Ibid; Adams D. Church Growth in Korea: A Paradigm Shift from Ecclesiology to Nationalism // Perspectives on Christianity in Korea and Japan. Lewiston, Queenstone, 1995.
9. Lee Jung-Young. Christian Indigenization in Korea Asian // Pacific Quarterly of Cultural and Social Affairs. 1986, No. 1. P. 17.
10. Han Gil Soo. Social Sources of Church Growth: Korean Churches in the Homeland and Overseas. Lanham, N.Y., L., 1994. P. 66.
11. Suh David Kwang-sun. Minjung Theology: The Politics and Spirituality of Korean Christianity // Perspectives on Christianity in Korea and Japan. Lewiston, Queenstone, 1995. P. 145.
12. Ibid. P. 148.
13. Данные о численности верующих в таблице даны по сводке, приведенной в работе: Чонг Чин Хонг. Хангук сахве-ый пёндонг-ева кидоккё (Перемены в корейском обществе и христианство) // Сахве пёндонг-гва Хангук чонггё (Перемены в обществе и религия в Корею). Сеул, 1987. С. 259. Данные за 1991 г. даются по: Хангук сахве чипхё: 1993 (Корейские социальные индикаторы: 1993). Сеул, 1994. С. 267. Численность населения для расчета доли христиан принята по: Хангук сахве чипхё: 1993 (Корейские социальные индикаторы: 1993). Сеул, 1994. С. 39; Хангук минчжок мунхва гэ пэкквва сачжон (Большая энциклопедия корейской духовной культуры). Т. 18. Сеул, 1988-1991. С. 440-442.
14. Хангук сахве чипхё..., с. 267.
15. Yu Eui-young. Ethnic Identity and Community Involvement of Younger Generation // Korean-Americans Korean Studies: New Pacific Currents. Honolulu, 1994. P. 277-278.
16. Han Gil Soo. Social Sources of Church Growth: Korean Churches in the Homeland and Overseas. Lanham, N.Y., 1994. P. 113.
17. Хангук сахве чипхё..., с. 267.
18. Поппо синмун. 18.01.1995.
19. Хангук сахве чипхё..., с. 268.
20. Данные содержатся в интересном исследовании корейской религиозности, проведенном корейским отделением Института Гэллопа: Ханкукин-ый чонггё-ва чонггё ыйсик (Религия и религиозное сознание корейца). Сеул, 1994. С. 38.
21. Там же. С. 34.
22. Но Чхи Мён. Хэбанг-ху Ханутк чонггё чочжик-ый пёнчхон-гва тхыксонг-е кванхан ёнгу (Изменения и особенности корейских религиозных организаций в период после освобождения) // Хёндэ Хангук чонггё пёндонг ёнгу (Исследование изменений в современных корейских религиях). Сеул, 1993. С. 109.
23. История русской миссионерской работы в Корею и среди корейской диаспоры в России подробно изложена в интересной работе М. Белова (позднее в несколько переработанном виде защищенной в ИСАА при МГУ в качестве кандидатской диссертации): Belov M. The Experience of the Russian Orthodox Church among Koreans. Seoul, 1991.

Культура

Новые разыскания о Ло Гуаньчжуне

© 1999

А. Желтоховцев

Произведения Ло Гуаньчжуна (ок. 1330-ок. 1400), прежде всего классический роман "Троецарствие", любимы в Китае. Имена его героев вошли в поговорки и поговорки, эпизоды превратились в многочисленные пьесы, которые и составляют основной классический репертуар традиционного китайского театра. Персонажи героической эпопеи "Троецарствие" стали героями не только китайской истории, но и народных сказок и легенд. Полагают, что Ло Гуаньчжун дописал другой классический роман "Речные заводи", автором которого был Ши Найань.

Без преувеличения - Ло Гуаньчжун самый популярный и самый народный писатель за всю историю китайской литературы, слава которого за прошедшие века не убавилась, а возросла. Его имя хорошо известно во всем мире.

В XX веке произведения Ло Гуаньчжуна были переведены на европейские языки, в том числе и на русский. "Троецарствие" переведен В.А.Панасюком¹, "Речные заводи" - А.П.Рогачевым².

Однако так сложилось, что о самом Ло Гуаньчжуне практически ничего не было известно. Только в нашем столетии Лу Синь разыскал отрывочные и противоречивые сведения о нем. У нас они изложены на одной страничке Б.Л.Рифтиным в его монографии "Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае"³.

Если в 1925 году Лу Синь написал, что "Ло Гуаньчжун - загадка", то уже в тридцатых годах Чжэн Чжэньдо обнаружил "Продолжение перечня умерших драматургов". В этом старинном сочинении всего 80 слов о жизни Ло Гуаньчжуна.

С тех пор долгое время о писателе не появлялось новых материалов, пока 16 апреля 1989 года не выступил с докладом сотрудник НИИ литературы Академии общественных наук провинции Шаньси Мэн Фаньжэнь. На V конференции по классическому роману "Речные заводи" он изложил результаты своих исследований биографии Ло Гуаньчжуна.

Когда несколько десятилетий тому назад Мэн Фаньжэнь прочел полный текст романа "Речные заводи", он обнаружил в 91-ой главе имя отшельника Сюй Гуаньчжуна и заподозрил, что автор, то есть Ло Гуаньчжун, вывел

Желтоховцев Алексей Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

под этим именем самого себя. Читая старинные описания уездов Китая, он обнаружил деревню под названием Сюйцзягоу в уезде Сюньсянь провинции Хэнань. Это место оказалось связано с романами "Троецарствие" и "Речные заводы". Так, автор первого известного предисловия к "Троецарствию" Цзян Дади служил чиновником именно в уезде Сюньсянь. Окружающая деревню местность используется как фон для исторических событий, описанных в романах.

Мэн Фаньжэнь пришел к выводу, что в старости Ло Гуаньчжун удалился в деревню Сюйцзягоу, где и провел последние годы жизни, переписывая, редактируя и компилируя романы, прежде всего "Троецарствие" и "Речные заводы". Тщательное изучение текстов наиболее полных вариантов из числа ныне сохранившихся, убедило Мэн Фаньжэня, что многие эпизоды целиком привязаны к окружающей Сюйцзягоу местности, которую престарелый Ло Гуаньчжун не мог покинуть либо по причинам политическим, либо, что более вероятно, из-за старческой немощи и недугов. Поэтому на склоне лет Ло Гуаньчжун был вынужден писать о тех событиях, которые происходили непосредственно вокруг деревни Сюйцзягоу, чтобы сохранить географические реалии и локально привязать романские события. Кроме того, сохранив на склоне лет хорошую память, Ло Гуаньчжун писал также о событиях, происходивших в тех местах, где ему доводилось самому жить прежде, или где он сам в былые годы странствовал. В последнем случае, впрочем, память иногда подводила автора, и в тексте романов поэтому можно обнаружить мелкие географические неточности.

Согласно Мэн Фаньжэню, в романе "Троецарствие" шесть глав описывают исторические события, развертывавшиеся в Сюйцзягоу и окрестностях. В конце династии Хань именно здесь сложилась повстанческая "хэйшаньская" армия, которая сражалась против императорских войск двадцать лет. Число восставших достигало миллиона человек. Только в 205 г. повстанцы сдались полководцу Цао Цао. Могила Цао Цао находится в районе Аньяна, всего в нескольких десятках ли от деревни Сюйцзягоу. Уезд Сюньсянь известен также активной деятельностью Гуань-гуна, одного из главных героев "Троецарствия".

Деревня Сюйцзягоу описана в романе подробнейшим образом. Автор намекает на свое происхождение, говорит о своем жизненном пути, о своем пристанище в старости. Его жилище находится в городе Хэби, в деревне Сюйцзягоу.

Мэн Фаньжэнь считает, что роман "Речные заводы" после главы 70-ой написан Ло Гуаньчжуном⁴. Цель автора, продолжившего текст Ши Найяня, состояла в том, чтобы обличить репрессии основателя минской династии Чжу Юаньчжана против собственных верных сподвижников, поэтому главный герой "Речных заводов" Сун Цзян в полном тексте романа погибает. У нас на русском языке имеется перевод только первых 70 глав романа, а написанное Ло Гуаньчжуном продолжение, к сожалению, пока не переведено.

Старый писатель, таким образом, решал в романе не только литературную, но и политическую задачу, обличая репрессивную политику своего времени.

Действие исторического романа Ши Найяня "Речные заводы" происходит в годы правления сунской династии. Ло Гуаньчжун в своем продолжении сохраняет традиционную хронологию, но описывает отнюдь не исторические события трехсотлетней давности, а события собственного времени, очевидцем и участником которых был он сам, выдавая их за исторические. Не трудно догадаться, что писать роман о современных событиях в старом Китае было немислимо по политическим причинам. Поэтому описанный в романе поход

Сун Цзяна на Фан Ла (XII век) на деле оказывается походом исторического лица Ли Вэньчжуна на Чжан Шичэна в XIV веке⁵. Зато другой эпизод романа - поход Сун Цзяна против государства Ляо на территории современной провинции Хэбэй - не подтверждается историческими источниками. Это легенда.⁶ Мэн Фаньжэнь установил, что описание этого похода в романе изобилует мелкими географическими ошибками, из чего делает вывод, что сам автор в тех краях не бывал и не смог воспользоваться личным опытом⁷.

Ло Гуаньчжун вывел в романе самого себя под именем Сюй Гуаньчжуна, причем у романного персонажа имя совпадает с авторским, и только фамилия Ло заменена на Сюй. Такая замена не случайна, ибо в китайском языке слово "сюй" означает "вымысел", и его звучание очень близко со звучанием романной фамилии⁸. Собственно, героя романа Сюй Гуаньчжуна можно истолковать в смысле "Вымышленный Гуаньчжун", поскольку реального человека, политического деятеля и автора романа звали Ло Гуаньчжун. В романе "Вымышленный Гуаньчжун" вручает военачальнику Сун Цзяну карту-схему военного похода на север. Вероятно, что реальный Ло Гуаньчжун тоже был близок к правителю, служил у него военным советником и разрабатывал планы военных операций.

Эпизод с картой-схемой в романе прежде очень смущал китайских историков литературы, поскольку получалось, что географические сведения в нем списаны с минских, т.е. более поздних по времени, сочинений, что не поддавалось разумному толкованию. Мэн Фаньжэнь в результате кропотливых разысканий доказал, что и роман, и географические сочинения эпохи Мин имеют общий источник сведений, а именно ныне утраченные географические описания периода династии Юань⁹.

В 93-й главе романа "Речные заводы" Сюй Гуаньчжун прямо говорит, что он родом из междуречья Фэнь и Цинь, то есть из провинции Шаньси. В одном из минских изданий романа в главе 20-й ("Шуйху чжичжуань пинлинь") автор сообщил, что его предки, спасаясь от мятежника Хуан Чао во времена танского императора Сицзуна (874-889) переселились в эту местность. Эти сведения из романа совпадают с биографическими данными из документальных источников.

Литературовед Яо Чжунцзе указывает, что в романе "Речные заводы" о персонаже Сюй Гуаньчжуне и его жизни рассказано гораздо больше и подробнее, чем о таких популярных главных героях романа, как Сун Цзян, Чао Гай, Линь Чун, Ли Куй и др. Автор сделал намеки на свое социальное происхождение, очертил свой жизненный путь, описал родные места, указал свое убежище в старости¹⁰.

Мэн Фаньжэнь справедливо пишет: "В китайском классическом романе отнюдь не редкость, что автор приписывает персонажу собственную биографию и собственные устремления, описывает свое происхождение и выпавшие на его долю невзгоды. В сборнике рассказов Ляо Чжая (Пу Сунлина) рассказ "Студент Е" является автобиографией автора, в романе "Сон в красном тереме" Цзя Баоюй - вымышленной тенью автора Цао Сюэциня; У Цзинцзы в романе "Неофициальная история конфуцианцев" нарисовал Ду Шаоцина, который в основном его собственный портрет. Ло Гуаньчжун, редактируя и дописывая "Речные заводы", хотя и был ограничен историческим преданием о событиях, описанных в романе, а также "текстом Ши Найяня", все же максимально использовал эту творческую возможность, "втыкал иголку в каждый шов". В разделе "Жизнеописание Тянь Ху" он приписал образу Сюй Гуаньчжуна множество сведений из собственной биографии. В истории китайского классического романа он прежде всех использовал этот метод вне-

дрения автора внутрь произведения. Это не только предоставило нам драгоценный материал для понимания жизни и творчества великого романиста Ло Гуаньчжуна, но и открыло путь к исследованию авторских тайн других классических романов.”¹¹

Другой исследователь “Речных заводов”, Сюань Сяодун, тоже считает, что Ло Гуаньчжун является прототипом героя романа Сюй Гуаньчжуна. По его мнению, у автора были политические амбиции, он мечтал служить ванам, а стал всего лишь мелким чиновником в эпоху династии Мин, воцарившейся в Китае в 1368 году. Описанный в романе поход Сун Цзяна на север против Тянь Ху является полным вымыслом. Вместо реальной исторической местности автор описал известные ему родные места в провинции Шаньси¹².

Помимо изучения текстов классических романов, Мэн Фаньжэнь в результате многолетних разысканий открыл прежде неизвестные новые документальные свидетельства о Ло Гуаньчжуне.

В 1984 году Мэн Фаньжэнь нашел в старинном сборнике времен династии Юань упоминание о родословной фамилии Ло из уезда Цинской города Тайюань в провинции Шаньси. Эта старинная родословная XVI века сохранилась у 68-летнего Ло Личжуна в рукописной копии 1872 года. Там указаны 22 поколения рода Ло. В родословной 24 записи пояснений. Она начата составлением при девятом поколении в 1567 году.

Семья Ло принадлежала к чиновничьему сословию. Но поскольку Ло Гуаньчжун общался с актерами, писал пьесы и романы для сказителей, то для его домашних это было позором. Поэтому в родословной семьи Ло имя Ло Гуаньчжуна отсутствует, однако, записано, что у “Ло Цзиня был второй сын”¹³. Предполагают, что Ло Гуаньчжун родился в 1315 году¹⁴.

Согласно родословной, в чиновничьей семье Ло три поколения не занимали никаких должностей, но, после 1567 года, когда начали писать родословную, Ло поступили на службу и вновь стали чиновниками. В уезде Цинсянь найдены могильные стелы на захоронениях людей из рода Ло. Установлено, что племянника Ло Гуаньчжуна звали Ло Дин¹⁵.

После выступления на конференции Мэн Фаньжэня с научным докладом, новой вехой в исследованиях по Ло Гуаньчжуну явилась публикация в 1991 году в г. Чжэнчжоу сборника научных работ “Новые разыскания о Ло Гуаньчжуне” (“Ло Гуаньчжун синьтань”). После этого можно было говорить и о результатах изучения биографии писателя по новым материалам.

Во-первых, убедительно было показано, что Ло Гуаньчжун происходит из рода Ло, обитавшего в провинции Шаньси в уезде Цинсянь города Тайюань. Опровергнуты прежние гипотезы, что Ло Гуаньчжун происходил из Дунъюаня, Цяньтана или Лулина.

Что касается отсутствия имени Ло Гуаньчжуна в родословной чиновничьего рода, то объясняется это тем, как было сказано, что его слава писателя могла повредить карьере и получению должностей не только ему самому, но и его родственникам и потомкам. Лучше уж было обойти молчанием имя человека, создавшего роман “Троецарствие”, в котором описывался Китай, разделенный на три государства, в то время как правящая династия Мин всемерно старалась подавить сепаратизм и объединить страну в государство под своей властью. Более того, Ло Гуаньчжун описал в романе “Речные заводы” не только сепаратизм того времени, но и рассказал о бунтовщиках против законной императорской власти. По понятиям феодального общества это было вызывающей наглостью. Неудивительно, что начиная с правления императора Ваньли минские правители неоднократно запрещали “Речные заводы” и приказывали сжигать неудобный роман.

Из романов Ло Гуаньчжуна почерпнуты сведения, что автор совершил путешествие с севера на юг в Ханчжоу, которое он впоследствии использовал, чтобы описать поход своего героя в обратном порядке: с юга на север.

Из краткой биографии Ло Гуаньчжуна в списке драматургов следует, что на юге он находился в районах в те времена управлявшихся Чжан Шичэном. Власть последнего сохранялась в Цзянсу и Чжэцзяне с 1353 года в течение четырнадцати лет. Чжан Шичэн был независим от монгольской династии Юань, царствовавшей в Китае, и от ее главного противника, будущего основателя династии Мин, Чжу Юаньчжана. Еще цинский автор Гу Лин считал, что Ло Гуаньчжун "гостил во дворце Чжан Шичэна"¹⁶.

Последние 50 глав полного 120-главого варианта "Речных заводей" написаны Ло Гуаньчжуном не в последнюю очередь с целью обличения Чжан Шичэна. Ведь начав с восстания против династии Юань и создания собственного независимого государства-княжества. Чжан Шичэн в 1357 году капитулировал и снова признал власть монгольского двора. Он считал ближайшего соперника Чжу Юаньчжана более опасным, чем монголы. Эту капитуляцию перед монголами автор "Речных заводей" решительно осуждает. Подробная капитуляция, действительная ли она или только притворная, в равной мере пагубна для дела и ведет только к бесславной гибели. Вероятно, Ло Гуаньчжун довольно скоро покинул Чжан Шичэна, и поэтому его имя не попало в исторические материалы того времени. Зато в последних главах "Речных заводей", в разделе, посвященном Фан Ла, подробно и абсолютно точно описаны Ханчжоу и Чжэцзян, что с несомненностью показывает личное знакомство автора романа с местностью.

С 1357 по 1364 год Ло Гуаньчжун уже был не у дел в стане Чжан Шичэна, но оставался на юге. Вернуться в родные места на север в Шаньси у него уже не было возможности из-за непрерывной войны.

Отказавшись от активной политической деятельности, Ло Гуаньчжун укрылся на старости лет в деревне Сюйцзягоу, где жил в уединении, предаваясь литературным трудам. Провинция Хэнань - центр Китая, арена бурных событий на всем протяжении китайской истории. По мнению китайских ученых Чжан Бина и Яо Чжунце именно здесь им созданы его основные литературные произведения. И именно эту деревню подробно описал Ло Гуаньчжун в романе "Речные заводы": "Теперь расскажем, как Янь Цин и Сюй Гуаньчжун вдвоем сели на коней и выехали из Шуанлиньчжэня по узкой тропе на северо-запад. Они проехали мимо нескольких сельских домишек и поросших лесом сопков, но впереди по-прежнему вилась узкая горная тропа. Обогнув глубокое ущелье, они отмахали больше тридцати ли, и Сюй Гуаньчжун указал рукой: вон там, среди крутых гор, стоит мое убогое жилище.

Еще проехали десять с лишним ли, чтобы углубиться в горы. Эти горы вздымались крутыми пиками, в ущельях струились чистейшие ручьи... Гора эта называлась Дахуань, в старину Великий Юй, совершенномудрый, проводил реки и побывал в этих местах... Ныне они относятся к уезду Сюньсянь округа Даминфу. И Сюй Гуаньчжун повел Янь Цина за собой вокруг горных отрогов в горную долину, в которой было три-четыре квадратных ли ровной земли. В роще среди деревьев засветились огоньки двух-трех соломенных хижин. А в середине расположился дом из тростника, который с юга омывал ручей. Бамбуковая занавес на дверях, ворота приотворены, изящный бамбук и вечнозеленые сосны, краснеющие клены и изумрудные кипарисы. Густой лес вокруг. "Вот и мое скромное жилище", сказал Сюй Гуаньчжун."¹⁷ Один из авторов статьи, уроженец города Хэби, сразу узнал описанное в романе место. И горы, и реки, и горная дорога, и окружающие пейзажи и растительность -

все, по мнению местных жителей, указывает на деревню Сюйцзягоу, ныне входящую в состав города Хэби. Конечно, сейчас не осталось густого леса, но он был еще в 1891 году, когда составлялось описание на стеле храма Яшмо-вого Владыки - Юйдимяо - в Сюйцзягоу. Так что описание горной дороги в романе "Речные заводы" вымыслом не является, писатель воспользовался окружающей его природой как природным фоном для своего повествования.

Чжан Бин и Яо Чжунцзе считают, что написанные здесь в Сюйцзягоу романы Ло Гуаньчжуна "Троецарствие" и "Речные заводы" (последние 50 глав) не были сразу же напечатаны, а долгое время ходили в рукописном виде среди местного населения¹⁸. Прошло свыше ста лет, пока местный чиновник, чжубо, уезда Сюньсянь, написал предисловие к изданию романа "Троецарствие" в 1494 году. Это предисловие Цзян Даци является самым старым, первым известным науке предисловием к знаменитому классическому роману.

В XV веке Цзян Даци написал о "Троецарствии", когда этот роман еще не был столь распространенным и знаменитым во всем Китае. Общее признание тогда отсутствовало, и Цзян Даци в предисловии выразил свое личное мнение о рукописи. В частности, он писал: "При прежней династии исторические сочинения частных лиц перелагались в простонародные сказания пинхуа, чтобы их сказывали слепцы; их слова были вульгарными, со множеством ошибок, к тому же устная речь пропадала бесследно, поэтому ученые и благородные люди ими пренебрегали. Что же до Ло Гуаньчжуна из Дунъюаня, то, полагаясь на сочинение Чэнь Шоу из Пинъяна, изучив историю всех государств, он изложил все события, не прибавляя и не убавляя, начиная с года чжунпин ханьского Лин-ди (184 г.) и кончая годом тайкан при Цзинь (280 г.). Читавшие называли "Троецарствием", письмом не слишком трудное, слова не слишком вульгарны, события изложены правдиво, почти как в историческом сочинении. Желавшие читали и пересказывали, "Троецарствие" всем известно и всем доступно, как сказано в "Шицзине", оно сделалось содержанием песенок и загадок во дворах и переулках. Книга состоялась, ученые и благородные люди, охочие до фактов, наперебой переписывали и читали; расцвет и упадок, правление и смуты в трех царствах, явление и исчезновение героев, события за столетие тысячелетней давности, стоило лишь раскрыть свиток, оказывались у всех на устах. Тут неизбежны единичные ошибки и неполнота; но если самому потрудиться над их исправлением, то для читателя в том будет только польза"¹⁹.

В этом тексте сказано, что Ло Гуаньчжун происходит из Дунъюаня в провинции Шаньдун, что противоречит многим документальным биографическим сведениям, а потому Мэн Фаньчжэнь написал специальную статью для выяснения вопроса, как Тайюань вдруг превратился в Дунъюань, и откуда взялась такая ошибка²⁰.

В горах Тайханшань в деревне Шицзюунь в двадцати ли от города Чэнсянь были обнаружены развалины храма Сун Цзяна, исторического лица и главного героя романа "Речные заводы". Первоначально храм сооружался в период династий Сун и Цзинь, вскоре после кончины Сун Цзяна в 1122 году.²¹ По мнению китайских исследователей, ни при династии Мин, ни при династии Цин храм в память вождя повстанцев не мог быть воздвигнут. К сожалению, сохранность храма весьма плохая. Уцелела пара каменных львов громадных размеров, площадка для сценических представлений по "речным заводям", несколько статуй даосского пантеона. От зданий сохранились цоколи и фундаменты. Когда-то первоначально храм состоял из трех открытых павильонов, пяти дворов, девяти залов, двух высоких зданий и насчитывал в

общей сложности 108 каменных колонн по числу героев народного романа, имелось также бесчисленное количество памятных стел, ныне разбитых.

Разрушение храма началось недавно, в нашем веке, во время анти-японской войны, но разорили его до основания уже в годы "культурной революции". В настоящее время обсуждается вопрос об использовании руин в качестве туристического объекта в связи с неувядающей популярностью романа "Речные заводы".

Деятельность Мэн Фаньжэня, главного инициатора по разысканиям о Ло Гуаньчжуне, проходила в те годы, когда резко сократилась государственная бюджетная поддержка на разыскания, связанные с историческим наследием, а потому исследователю пришлось проявить много энергии для обеспечения общественной поддержки и пробуждения интереса местных властей. В частности, деревня Сюйцзягоу, ныне входящая административно в состав города Хэби, уже сделалась туристическим объектом, где можно познакомиться с усадьбой Ло Гуаньчжуна и пройти по маршрутам, описанным в романах "Троецарствие" и "Речные заводы".

Труд исследователя классического китайского романа Мэн Фаньжэня снискал в КНР общественное признание и широкую поддержку. Исследователь стал членом Политического консультативного совета провинции Шаньси, членом комитета шаньсийской народной лиги, заместителем секретаря Общества изучения классической литературы провинции Шаньси, членом правления Китайского научного общества изучения "Речных заводов", членом Китайского начного общества изучения "Троецарствия", членом Китайского научного общества древнего театра, членом правления Китайского научного общества изучения Юань Хаовэня, членом Китайского научно-исследовательского общества нотной записи, членом Китайского общества исследований истории царств Ляо и Цзинь, киданей и чжурчжэней, членом Пекинского общества исследования литературы эпохи Юань, членом научного общества по родословиям провинции Шаньси, советником Общества исследования Ло Гуаньчжуна уезда Цинсуй. Все это - общественные посты, не приносящие жалования, но обеспечивающие в разной степени материальную поддержку исследованиям по классической литературе.

Изданная в 1991 году по инициативе Мэн Фаньжэня книга исследований "Новые разыскания о Ло Гуаньчжуне" вышла при поддержке и участии трех общественных организаций: Комитета по составлению и редактированию локальных исторических описаний города Хэби провинции Хэнань, Общества изучения классической литературы провинции Шаньси и Общества исследования Ло Гуаньчжуна уезда Цинсуй провинции Шаньси.

Местная общественность в Китае оказывает всяческое содействие и материальную поддержку исследованиям в области отечественной классической литературы. Без этого деятельность Мэн Фаньжэня в новых рыночных условиях была бы просто невозможна. Это хороший пример и для нас, живущих в России.

Яо Чжунцзе справедливо пишет: "Герои, выведенные в романах, исторические события и эпизоды, в нашей стране, как в городах, так и в деревнях, можно сказать, известны повсюду, знакомы всем людям, их влияние очень глубоко, и никакие другие романы за всю историю не достигли такого"²².

Изучение творчества Ло Гуаньчжуна сегодня весьма популярно в таких странах как Япония и США. Помимо научных исследований, осуществлено издание "Троецарствия" на английском языке в переводе Роберта Мосса. В 1976 году в Нью-Йорке были изданы фрагменты с 20-й по 65-ю главы, а в 1992 году издан перевод романа полностью. Этот перевод заменил собою ста-

рый сокращенный перевод Бривит-Тэйлора, который выходил дважды: в Шанхае в 1925 году и в Токио в 1959 году, фактически, только для нужд учебного сообщества.

На русском языке "Троецарствие" в переводе В.А.Панасюка после первого издания 1954 года продолжает переиздаваться. В 1959 г. с русского перевода был выполнен эстонский перевод, в последнее время роман переиздавался в Твери и Риге. На материале "Троецарствия" у нас выполнено обширное исследование Б.Л.Рифтина "Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае" (1970).

Роман "Речные заводы" за пределами Китая еще более популярен, чем "Троецарствие". Но здесь Ло Гуаньчжуну не повезло, потому что переводятся в основном первые 70 глав, написанные Ши Найанем, а не 50 глав продолжения, принадлежащего Ло Гуаньчжуну. Именно так обстоит дело у нас с русским переводом А.П.Рогачева. Такой же неполный, но весьма популярный перевод на английский язык был издан в 1933 году известной писательницей Перл Бак, получившей за этот перевод Нобелевскую премию. Полный же перевод на английский язык был сделан Сиднеем Шапиро и издан в Пекине в 1980 году.

Биографические сведения о Ло Гуаньчжуне, найденные Мэн Фаньжэнем - это новая важная страница в изучении жизни и творчества Великого китайского писателя.

1. Ло Гуаньчжун. Троецарствие, тт. 1-2, М., 1954.
2. Ши Найань. Речные заводы, тт. 1-2, М., 1955.
3. Б.Л.Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае, М., 1970. С. 182.
4. Ло Гуаньчжун синьтань (Новые разыскания о Ло Гуаньчжуне). Чжэнчжоу, 1991. С. 104.
5. Там же. С. 105.
6. Г.Я.Смолин. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X - первой четверти XII в., М., 1974. С. 462.
7. Ло Гуаньчжун синьтань. С. 108.
8. Там же. С. 114.
9. Там же. С. 97.
10. Там же. С. 97.
11. Там же. Сс. 116-117.
12. Там же. Сс. 80-85.
13. Там же. С. 65.
14. Там же. С. 147.
15. Там же. Сс. 58-78.
16. Там же. С. 52.
17. Там же. С. 139.
18. Там же. С. 140.
19. Там же. Сс. 152-153.
20. Там же. Сс. 130-131.
21. Г.Я.Смолин. С. 452.
22. Ло Гуаньчжун синьтань. С. 66.

Научная жизнь

На Ученом совете ИДВ РАН

29 января 1999 г. состоялось очередное заседание Ученого совета ИДВ РАН, на котором были рассмотрены вопросы развития и реформирования банковской системы Китая. С основным докладом "Проблемы реформирования банковской системы КНР" выступил к.э.н. И.Б.Шевель.

Докладчик отметил, что в течение ряда последних лет в банковской системе Китая проведена целая серия мер, включая меры организационного и законодательного характера, направленных на реорганизацию ранее сложившейся банковской системы и постепенного перевода ее на рыночные рельсы. Так, в 1994 г. было принято решение о постепенном превращении четырех государственных спецбанков, составлявших стержень банковской системы страны в подлинно государственно-коммерческие и созданы три "политических" (государственных) банка. В 1995 г. были приняты два закона - о центральном банке и о коммерческих банках. Первый из них существенно усилил позиции центрального банка во всесторонней перестройке экономики страны, а второй знаменовал серьезный шаг в проведении ориентированной на рынок реформы банковской системы.

Докладчик подчеркнул значение введения ряда обязательных показателей для обеспечения нормальной кредитной деятельности коммерчески банков, а также важность принятого закона для стандартизации деятельности этих банков и обеспечения интересов вкладчиков и заемщиков; далее он познакомил членов Ученого совета с другими направлениями реформирования банковской системы. Особое внимание он обратил на значение проблем, стоящих ныне перед банковской системой. Важнейшая среди них - преобразование государственных спецбанков в реальные коммерческие банки - тормозится слишком высоким уровнем невозвратных кредитов, предоставленных ими убыточным госпредприятиям. Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать вывод, что банковская реформа фактически блокируется медленным ходом реформы госпредприятий. Докладчик раскрыл также другие проблемы, стоящие перед банковской системой.

Докладчик подчеркнул, что невозвратные кредиты представляют собой угрозу финансовой стабильности Китая и требуют весьма серьезного к себе отношения. Особое значение имеет новая система оценки качества банковских кредитов. Требуется, чтобы банки переходили к анализу хозяйственной деятельности заемщиков с учетом возможных рисков, вместо подсчета убытков после того как они уже возникли. В условиях финансового кризиса в соседних странах обострилась необходимость ускорения перестройки банковской сис-

темы в целях сохранения экономической стабильности в стране и в регионе в целом.

Зам. директора ИДВ РАН, к.и.н. В.Я.Портяков в своем выступлении подчеркнул особую актуальность обсуждаемого вопроса как для изучения хода экономической реформы в Китае, так и в более широком плане. При этом он отметил как полноту круга вопросов, охваченных докладчиком, так и высокий уровень квалификации самого докладчика, использование им профессиональной терминологии. Далее он остановился на таких особенностях проводимых в Китае преобразований, как проведение реформы банковской системы в связке с реформой госпредприятий; применение в определенных ситуациях жестких мер, несмотря на общее движение реформы к рынку, и ряде других особенностей.

Д.э.н. И.Н.Наумов сосредоточил внимание на характере реформирования банковской системы, подчеркнув, что проводя реформы в этой сфере в соответствии с требованиями времени, государство в лице правительства никогда не выпускало банковскую систему из своих рук. Это подтверждается и преобразованием специализированных банков в коммерческие, и созданием "политических" банков; как те, так и другие остаются государственными. Весьма организованно проходит процесс формирования городских кооперативных банков. Банковская система в руках китайского руководства стала важным инструментом развития и реформирования всей экономики страны.

2-я конференция "Мельбурнской группы" Вашингтон - Нью-Йорк, 9-12 февраля 1999 г.

"Мельбурнская группа" была образована в связи с ядерными испытаниями в Индии и Пакистане по инициативе деловых, научных и политических кругов Австралии и провела свою первую встречу в августе 1998 г. в Мельбурне. Организатором "Мельбурнской группы" является крупнейший частный университет в Австралии - Монаш-Университет, при поддержке Института Наутилус в Беркли (США) и Университета Джорджтаун (Вашингтон). Официально провозглашенная цель группы - содействовать разоружению и стабильности в Южной Азии. Группа добивается отмены - в интересах австралийского бизнеса - экономических санкций, введенных Австралией вслед за США против Индии и Пакистана. Политические цели группы состоят в том, чтобы повысить роль Австралии в азиатском регионе посредством (а) инициирования многостороннего диалога по ядерной безопасности в Южной Азии и (б) исполнения роли посредника в отношениях между Индией и Пакистаном.

Этими факторами определяется позиция австралийских ученых по Южной Азии, состоящая в том, чтобы, с одной стороны, побудить свое правительство снять экономические санкции в первую очередь с Индии. А с другой - предложить ему (правительству) альтернативные варианты политического воздействия на Индию (призывы к ядерному разоружению, контролю на обычными видами вооружений и т.п.) и тем самым в целом сохранить верность союзническим отношениям с США.

Основное внимание на конференции было уделено политическим последствиям ядерных испытаний в Индии и Пакистане. Индийская делегация пыталась доказать, что Индия имеет право на обладание ядерным оружием. Индийцы активно добивались согласия на придание их стране официального международного статуса ядерной державы и отмены экономических санкций. Их основные аргументы сводились к следующему:

- Индия суверенная страна и имеет право защищать свою независимость любыми средствами, включая ядерное оружие;
- производство ядерного оружия является внутренним делом Индии и никто не имеет право осуждать ее за это;
- Индия не входит в договор о нераспространении ядерных вооружений и потому проведенные ею ядерные испытания не являются нарушением норм международного права, а введенные против Индии экономические санкции не имеют правовой базы;
- Индия нуждается в адекватном ответе на растущую ядерную угрозу со стороны Китая, чьи ракеты среднего радиуса действия в настоящее время нацелены на Индию. Изменение в 90-е годы Пекином своего подхода к использованию ядерного оружия первым - в том плане, что Китай обязуется не

наносить первым ядерных ударов только против стран-участниц договора о нераспространении - создает дополнительную опасность для Индии;

- разговоры о том, что ядерное оружие представляет собой угрозу международной безопасности сильно преувеличены, поскольку возможность использования ядерного оружия связана лишь с чрезвычайными и маловероятными политическими ситуациями;

- Индия не приемлет двойных стандартов пяти ядерных держав, которые считают, что только они могут обладать ядерным оружием.

Помимо этого индийцы использовали и явно антироссийские аргументы в защиту своей позиции:

- Россия отказалась от политики ядерного разоружения, заморозив ратификацию договора СНВ-2, чем создала прецедент для других стран, в частности, и для Индии;

- Россия выступает против ядерных испытаний в Индии только потому, что эти испытания были проведены без ее участия;

- с точки зрения международной безопасности, угроза попадания российского ядерного оружия в руки мафии гораздо опаснее, чем ядерная программа Индии, и мировому сообществу следует обсуждать именно российские, а не индийские ядерные дела.

Эту позицию поддержали ученые индийской национальности из Сингапура и США. Первые сделали акцент на том, что в Сингапуре и других странах АСЕАН "люди заняты своими делами и не придают значения ядерным испытаниям в Индии". Вторые - обвинили правительство США в двойном стандарте при подходе к Индии в вопросах ядерных вооружений.

Пакистанская сторона оказалась в тени критики индийской позиции участниками конференции. Пакистанцы не настаивали на том, чтобы им был придан статус мировой ядерной державы, объясняли факт собственных ядерных испытаний тем, что после взрывов в Индии США ответили отказом прикрыть Пакистан антиядерным щитом против Индии, выражали готовность ликвидировать ядерное оружие вместе с Индией. В отличие от индийцев пакистанцы выступали за интернационализацию проблемы ядерных вооружений в Южной Азии и привлечение США, Китая и России к ее урегулированию. В частных беседах пакистанцы активно проводили мысль о стремлении к широкому диалогу и сотрудничеству с Россией без предварительных условий в отношении российско-индийского сотрудничества, в том числе военного. Заявляли о готовности Пакистана противодействовать распространению исламского радикализма к северу от Афганистана..

Наиболее активными критиками индийской ядерной программы (Пакистан в этом случае подразумевался, хотя не всегда упоминался) выступили китайцы и японцы. Китайские представители в частных беседах говорили также о готовности Китая сотрудничать с Россией в вопросах ядерного сдерживания Индии. Особую тревогу у китайцев вызывают имеющиеся у них сведения о том, что Вашингтон готов внести коррективы в свой подход к Индии и официально признать ее ядерной державой. Китайцы согласились также с мыслью российского участника конференции о том, что агрессивное отстаивание Индией своего права иметь ядерное оружие может стимулировать восприятие странами АСЕАН Индии как угрозы своей безопасности - если не большей, то равновеликой с китайской (в понимании АСЕАН) угрозой. Такое развитие событий, с одной стороны, дает Пекину определенное пространство для маневра в отношениях с АСЕАН. А с другой - может стимулировать большее стремление АСЕАН, "зажатой" между двумя большими и ядерными

державами, полагаться на США в вопросах собственной безопасности, что не в интересах Пекина.

Японцы отделили то обстоятельство, что возможности политического взаимодействия Японии с Россией и Китаем в вопросах ядерного сдерживания Индии ограничены и полностью зависят от позиции США.

Представителей Южной Кореи вопрос о ядерном потенциале Индии и Пакистана беспокоил лишь в том плане, что это может быть использовано Пхеньяном для оправдания собственной ядерной программы.

Мнения американцев разделились. Одни из них призывали исходить из реальности и признать за Индией и Пакистаном статус ядерной державы. По инициативе этой группы ученых на конференции было реанимировано обсуждение доктрины минимального ядерного сдерживания применительно к Индии и Пакистану. Другие американские участники выступили против придания Индии ядерного статуса. В их выступлениях прозвучала мысль о том, что администрация Клинтона, возможно, смягчит нажим на Индию под воздействием военно-промышленного комплекса, заинтересованного в правительственных ассигнованиях на развитие противоракетных систем космического базирования (ТМД и НМД) и видящего в ядерном вооружении Индии своего рода формальное оправдание инициатив по ТМД и НМД. "Индийский аргумент" особенно важен сегодня, когда многие американские независимые военные эксперты склоняются к тому, что ракетная программа Северной Кореи не может серьезно усилить северокорейскую угрозу и администрации Клинтона потребуются дополнительные доводы в пользу ТМД и НМД.

Устроителями конференции была предпринята попытка связать вопросы ядерной безопасности в Южной Азии с ядерной проблематикой на Корейском полуострове. Индийцы настойчиво проводили мысль, что в мире существует "большая восьмерка" ядерных стран, включая Северную Корею, и использовали этот аргумент в качестве дополнительного оправдания своей ядерной программы: "мы далеко не одни в ядерном мире, а Северная Корея, к тому же нарушает Договор о нераспространении". Китайцы резко критиковали японо-американскую программу ТМД, главной декларируемой мотивацией начала которой является северокорейская ядерная угроза. В частной дискуссии представитель Японии не стал опровергать мнение китайцев, что истинной причиной создания системы ТМД служит необходимость, в американском понимании, создания систем отражения именно гипотетической китайской ракетно-ядерной угрозы как Японии, так и Тайваню. Вместе с тем, дискуссия по Корею, также как и лишь обозначенная дискуссия по азиатской безопасности в целом, остались в тени обсуждения ядерной стратегии Индии.

Участники конференции согласились с предположением российского представителя, что Северная Корея может использовать свою ядерную программу или слухи о ней, в качестве орудия спекулятивной дипломатии, пугая США и одновременно втягивая США в американско-северокорейский диалог, который Пхеньян использует как средство обеспечения собственной безопасности и в надежде на скорые экономические дивиденды.

Рецензии

Diter Heinzig. Die Sowjetunion und das kommunistische China 1945-1950. Der beschwerige weg zum Bündnis. Baden-Baden, 1998. 710 s.

Монография немецкого сиолога представляет собой обстоятельное исследование взаимоотношений между Советским Союзом и Компартией Китая в критический период китайской истории. В 1945 г. капитуляцией Японии завершилась многолетняя война сопротивления, и в этом же году между Советским Союзом и Китайской Республикой, где у власти стояло гоминьдановское правительство, был заключен договор о дружбе и союзе. Однако вскоре в Китае разгорелась гражданская война, в ходе которой Советский Союз оказывал помощь китайским коммунистам, не прерывая отношений с гоминьдановским правительством. Советский Союз помог Народно-освободительной армии укрепиться в Маньчжурии, а когда стало очевидно, что чаша весов склоняется в пользу КПК, расширились связи между китайскими коммунистами и Москвой еще более. В ходе неофициальных контактов обсуждались проблемы развития межгосударственных отношений после разгрома гоминьдановского режима и перехода власти в руки КПК.

Для тех, кто изучает новейшую историю Китая период, избранный Д.Хайнцом для исследования, представляет большой интерес, поскольку тогда закладывались основы нового советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного 14 февраля 1950 года. Идеинная близость, обусловленная задачами борьбы против общего врага - американского империализма, не мешала вести споры по конкретным вопросам. Поэтому автор монографии называет процесс разработки и составления нового советско-китайского договора трудным путем к союзу.

Немецкий ученый проработал всю имеющуюся литературу, как научную, так и мемуарную, широко использовал

материалы и документы из архивов МИД СССР, которые оказались ему доступны. Многие он почерпнул из бесед с теми советскими дипломатами, которые были свидетелями и участниками описываемых им событий. Автор не раз ссылается на беседы с С.Л.Тихвинским, А.М.Ледовским, которые поделились с ним своими ценными воспоминаниями. Все это дало возможность создать солидный труд, знакомящий читателя с малоизвестными подробностями и конкретными деталями сложного процесса переговоров между советскими и китайскими лидерами. Известно, что в период дружбы между Советским Союзом и Китаем многие страницы истории оставались нераскрытыми, ибо и в СССР и в КНР преобладало стремление продемонстрировать вечность и нерушимость союза и ничто не должно было бросить тень на официально пропагандируемые представления. В годы последующей острой полемики многие факты подверглись фальсификации, грубому искажению, что так же не давало возможности составить достоверную и объективную картину того, в каких условиях происходили переговоры о заключении Договора 1950 г., о позициях Сталина и Мао Цзэдуна, об их настроениях и мотивах поведения, о тех документах, которые они использовали при обсуждении как текста Договора, так и сопутствующих соглашений.

Автор монографии подробно разбирает различные версии и оценки историков, занимавшихся изучением этой проблемы, сопоставляет свидетельства мемуаристов - советских и китайских, обнаруживая в них неодинаковое толкование фактов, сравнивает их с теми документами, которые он нашел в московских архивах, и выносит свое суждение. Добросовестность автора проявляется в том, что в ряде случаев он воздерживается от пря-

мых оценок, отмечая недостаточную изученность вопроса и отсутствие документов, позволяющих сделать обоснованный вывод.

Из прежних публикаций было известно, что Мао Цзэдун еще до победы и до провозглашения КНР стремился приехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным и обговорить с ним характер советско-китайских отношений. Автор объясняет, почему Сталин откладывал встречу с китайским лидером до официального признания Советским Союзом Китайской Народной Республики.

Д.Хайнциг подробно рассматривает ход московских переговоров между двумя лидерами. Из фактов, приводимых в книге, видно, что соглашаясь на заключение союзного договора с КНР, Сталин в то же время учитывал, как это может повлиять на позиции США, взвешивал, не приведет ли это к отказу Вашингтона от соблюдения тех обязательств, которые были приняты в Ялте, когда обсуждался вопрос об условиях участия советских войск в войне против Японии. Характерно, что Сталин отказался удовлетворить настойчивые просьбы китайских руководителей о прямой военной поддержке советского флота и авиации в освобождении Тайваня. Заверения каждого из участников переговоров об общих целях и задачах не мешали им отстаивать и свои национальные интересы.

Читатель монографии найдет в ней много интересного о советско-китайских контактах в 1948-1949 гг., которые предшествовали переговорам Сталина с Мао Цзэдуном. Автор подробно рассказывает о секретном визите А.И.Микояна в штабквартиру КПК в Сибэйпо в феврале 1949 г. и о поездке Лю Шаоци в Москву летом того же года, то есть до провозглашения КНР. Во время этих неофициальных контактов обсуждались многие вопросы, которые затем составили предмет переговоров на высшем уровне.*

Рассматривая ход и содержание переговоров, как предварительных, так и официальных, автор монографии опровергает бытующее в западной литературе мнение тех, кто считал, что на переговорах главными были идеологические проблемы. Произведенный автором анализ до-

кументов приводит его к выводу, что больше всего внимания уделялось обсуждению практических вопросов политического, военного и экономического сотрудничества, именно на этом поле давали себя знать реальные национальные интересы, как политические, так и экономические.

Анализируя позиции Сталина и Мао Цзэдуна, автор признает в ряде случаев правоту советского правителя, а в других случаях обоснованность недовольства Мао Цзэдуна, раздраженного холодным обращением и недостаточным вниманием к нему со стороны Сталина. Автор считает, что семена недоверия и отчужденности, посеянные во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве, несмотря на усилия Н.С.Хрущева в 50-е годы устранить имевшиеся шероховатости в советско-китайских отношениях, сказались на развитии начавшегося в конце 50-х - начале 60-х годов конфликта, уже в эпоху правления Хрущева.

В результате сравнительно длительных переговоров на высшем уровне Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи был подписан. Некоторые китайские авторы, включая и тех, кто принимал участие в московских переговорах, оценивают этот факт как победу китайской делегации, которая якобы сумела благодаря умелой тактике Мао Цзэдуна внести в текст договора и других соглашений свои формулировки. Д.Хайнциг выражает свое несогласие с такой точкой зрения. Анализ документов, по его оценке, свидетельствует, что обе стороны проявляли уступчивость и приходили к общему согласию в результате свободного обмена мнениями, так что говорить о чьей-либо победе не приходится.

Заключение Договора автор оценивает как выдающееся событие в международной жизни XX века. Не менее важное значение мирового масштаба имели впоследствии советско-китайский конфликт, а также нормализация отношений между двумя странами в 80-е годы.

По убеждению Д.Хайнцига, обращение к фактам прошлой истории и их объективная, непредвзятая оценка позволяют лучше понять характер тех перемен, которые происходили в советско-китайских отношениях во второй половине XX

* Документы этих визитов см.: Проблемы Дальнего Востока, 1995, №№ 2,3; 1996, №№ 4,5. - Прим. ред.

века. На их характер откладывали свой отпечаток и объективные и субъективные факторы, различное понимание так называемых общих интересов и их соотношение с национальными. Свое влияние оказывало также различие в политической культуре и психологии руководителей Советского Союза и Китая, что зачастую вело к непониманию между вождями. Сталин не очень считался с китайской психологией и не вникал в ее тонкости. То же можно сказать и о Мао Цзэду. Даже тогда, когда достигалось согласие, определенный осадок на душе оставался у каждого, несмотря на похвалы в адрес друг друга. Лицемерие, как показывают записи их бесед, было присуще обоим вождям, и советскому, и китайскому.

Монография Д.Хайнцига отличается научным подходом к исследуемой проб-

леме, и, как отмечалось, хорошо документирована. Автор обстоятельно описывает и анализирует содержание советско-китайских переговоров, подробно перечисляет имена всех тех, кто принимал участие в переговорах, присутствовал на беседах Сталина и Мао Цзэуна. Иногда такая дотошность кажется излишней, но видимо автор считает нужным это делать, чтобы читатель лучше представил себе картину того, как, в какой обстановке совершались исторические события, влиявшие не только на судьбу советского и китайского народов, но и на всю международную жизнь.

Мне кажется, что книга Д.Хайнцига - заметное явление в литературе, посвященной истории советско-китайских отношений. Было бы полезным осуществить ее перевод и издание на русском языке.

© 1999

*Л.Делюсин,
доктор исторических наук, профессор*

Ногути Юкио. Система 1940 года. Прощай, "экономика военного времени" (1940-нэн тайсэй. Сараба "сэндзи кэйдзай"). Токио, 1995. 214 с.

К вступлению в 21-й век Япония идет, объявив курс на структурные реформы, затрагивающие разные стороны жизни общества, особенно экономику страны. В острых дискуссиях о направленности, конкретных объектах преобразований, глубине намеченных или уже идущих реформ часто слышатся призывы к преодолению "системы 1940 года". Японцам дополнительных разъяснений в таких случаях не требуется, они знают: речь идет об освобождении от укоренившихся в стране элементов управления экономикой по типу мобилизационной системы военного времени.

Впервые выражение "система 1940 года" введено в оборот газетой "Нихон кэйдзай симбун" летом 1993 г. Большой эмоциональный заряд этой аллегории, побуждающей японцев, строя планы на будущее, еще раз поразмыслить об уроках не столь далекой истории собственной страны, видимо, явился причиной того, что она вынесена в название рецензируемой книги.

Автор данного труда профессор университета "Хитоцубаси", экономист Ю. Ногути получил известность своими исследованиями процесса принятия решений в формировании государственного бюджета, экономики общественных предприятий, земельной политики. В ряде работ он ищет причины кризисных явлений японской экономики последнего десятилетия, высказывает предложения о путях их преодоления ("Экономика мыльного пузыря", 1992 г.; "Схема реформ японской экономики", 1993 г.; "Концепция налоговой реформы", 1994 г.).

Ю. Ногути заметил, что в японской историографии сделан вполне оправданный акцент на позитивные перемены, происшедшие благодаря послевоенным демократическим реформам, но одновременно без серьезного изучения оказался феномен сохранения в неизменном виде многих порождений военного времени. Исходя из этого им поставлена задача восполнить обнаруженный пробел, опираясь на собственные наблюдения и при-

влекая свидетельства других ученых - экономистов и историков.

Вовлечение Японии в полосу длительных войн, указывает Ю.Ногути, нарушило функционирование ее экономики на обычных для капиталистических стран рыночных принципах. Правительство прибегло к всестороннему регулированию, закрепив его в 1939-1941 годах принятием большой серии законодательных актов и собственных распоряжений, которые обеспечили ему возможность поставить под контроль и направлять использование всех людских, материальных и финансовых ресурсов, а, помимо того, манипулировать общественным сознанием. Постепенно, а отнюдь не одновременно, "в 1940 году", сформировалась "система экономики военного времени".

В таком разрыве нормального развития страны усматриваются истоки ряда характерных черт нынешней японской экономики, которые, как полагает Ю.Ногути, лишь по недоразумению многие склонны считать "традиционно японскими". К наследию "системы 1940 года", а точнее экономики военного времени, автор книги относит следующие особенности:

1. Предприятие так называемого "японского типа, в котором применяются пожизненный наем, оплата труда по старшинству, существуют особые отношения между трудом и капиталом ввиду организационного построения профсоюзов по предприятиям. "Управление японского типа" на подобных предприятиях предполагает коллективизм, эгалитаризм, местничество, карьеру менеджеров исключительно в рамках собственной компании. "В целом, японское предприятие - это не столько организация акционеров, а организация общей, совместной судьбы всех принадлежащих к ней лиц" (с. 19-10).

2. Преимущественно косвенное, через банки, финансирование предприятий, удобное для приоритетного распределения финансовых ресурсов на определяемые правительством цели.

3. Всестороннее правительственное руководство ("бюрократическое") частной

экономической деятельностью.

4. Централизованная налоговая система с акцентом на прямые налоги, финансовая политика, ставящая органы местного самоуправления в зависимость от центра.

5. Законодательство, защищающее в первую очередь права арендаторов земли и жилищ, система продовольственного контроля.

Скрупулезно проследив процесс утверждения в военное время предпосылок вышеназванных особенностей (главы 2, 3 и 4), Ю. Ногуты задается вопросом, почему же «система 1940 года» осталась и после войны, не подверглась тогда реформированию. По его мнению, решающее значение здесь сыграли следующие обстоятельства:

- послевоенные реформы осуществлялись оккупационными властями посредством японского правительства, а потому бюрократическая система, в особенности аппарат экономических ведомств, сохранилась, «почти не понеся урона» (разумеется, это не относится к силовым министерствам);

- оккупационные власти изначально не ставили задачу коренного изменения экономической системы, не было у них и достаточных представлений о ней; главной целью реформ было разоружение, иквидация военного потенциала;

- многие замыслы экономических реобразований (поворот от косвенного финансирования к американской модели, в которой главную роль играет рынок акций, ценных бумаг, то есть прямое финансирование, реформа финансовых учреждений и т.п.) не были претворены в жизнь не только из-за сопротивления японской стороны, но также ввиду разногласий в аппарате оккупационных войск, а затем вследствие общего изменения американской политики в отношении Японии («обратный курс» как отражение «холодной войны»).

Две главы книги отведены определению исторической роли и социального значения сохранения «системы 1940 года» в период послевоенного восстановления народного хозяйства и высоких темпов экономического роста. Автор не отрицает общепризнанного представления о том, что экономический подъем Японии определяется освобождением страны от бремени военных расходов благодаря ее повороту к пацифизму, демократизацией экономики в ходе земельной реформы,

респуска «дзайбацу», принятия антимонопольного и трудового законодательства. Вместе с тем он утверждает: «Можно считать, что система 1940 года сыграла весьма большую роль в ключевых частях экономики. Созданная для мобилизации всех сил на войну, она в новых условиях, с новой целью, а именно, обеспечения экономического роста выявила большую эффективность» (с. 91).

Важнейшими факторами быстрого экономического роста называются «предприятия японского типа» и «управляемая система косвенного финансирования».

Предприятия «японского типа» стали «мотором в осуществлении высокого экономического роста». «Отношения между предприятием и его работниками строятся не просто на основе временного контракта, а приобретают характер отношений их совместной судьбы. Жизнь каждого индивида зависит от благополучия компании. Складывается система, в которой и рабочие и предприниматели в согласии поддерживают предприятие как общее дело, почти отсутствует понимание предприятия как организации акционеров» (с. 94).

Столь же высокая оценка дается сохранению без существенных изменений финансовой системы. «Видимо, при экономике с главенством прямого финансирования не было бы возможности достичь высокого ее роста в 1950-1960 годы. Только благодаря финансовому контролю стали возможными массивное направление капитала в стратегические отрасли промышленности, требующие концентрации капитала, и создание тяжелой индустрии, явившейся опорой бурного подъема послевоенной Японии» (с. 103).

Несравненно сдержаннее оценка автора книги промышленной политики японского правительства. По его мнению, министерство внешней торговли и промышленности оказывало сильное влияние на предприятия таких отраслей, как металлургия, нефтяная и химическая промышленность в период до первой половины 1950 гг. включительно. Однако в дальнейшем его воздействие на промышленность не было достаточно эффективным. В годы высоких темпов роста усилия правительства направлялись уже не на поощрение растущих отраслей производства, а на урегулирование возникающих в экономике перекосов и трений путей оказания поддержки отстающим сферам с

низкой производительностью. Бюджетная политика, выполнявшая роль главного рычага, отошла на второстепенный план. Инвестиции в оборудование стали направляться не через бюджетную сферу, а через кредитные учреждения (с. 109-110).

С переходом инициативы в экономическом подъеме к частным предприятиям основная роль правительства состояла в "урегулировании возникающих вследствие высоких темпов роста проблем, чтобы свести к минимуму социальные трения. Но эта роль важна, поскольку высокий рост - это рост неравномерный, предполагающий разрыв в доходах, региональные различия" (с. 116).

В частности, на данном этапе развития Ю.Ногуты признает "важный смысл" сохранения даже протекционистской системы продовольственного контроля и существенных моментов законов военного времени об аренде земли и жилищ, поскольку на таком фоне "индустриализация" "стала народной целью, не вызывающей чьего-либо противодействия". В этом же "можно усмотреть причину формирования массового общества с небольшим разрывом в доходах" (с. 130).

Эффективное применение элементов "экономики военного времени" для вывода Японии на передовые среди развитых стран рубежи вело к укоренению в общественном мнении устойчивых представлений о "приоритете производства" перед потреблением и негативного отношения к "конкуренции". Этому важному и интересному вопросу отведена специальная глава. Не имея возможности в краткой рецензии подробно ознакомить с взглядами японского ученого, отметим лишь, что именно в сложившихся ценностных представлениях, которые в значительной мере разделяют и в деловых кругах (например, философия сосуществования", пропагандируемая Федерацией экономических организаций), Ю.Ногуты видит главную трудность поворота страны к "обществу потребления" и "дерегулированию".

С учетом данного фактора дерегулирование в Японии ожидается как длительный процесс. Кстати, Ю.Ногуты не разделяет ставшую ныне модной идею о чуть ли не повальном отказе от государственного регулирования. "Там, где согласно экономическим учебникам рыночному механизму нельзя доверяться, правительство обязано вмешиваться" (с. 148).

Переходя к заключительным гла-

вам, Ю.Ногуты констатирует: "Система 1940 года стала принципиальным фактором осуществления и поддержки высоких темпов экономического роста. Хотя высокий рост определялся ориентацией исключительно на производство, он, без сомнения, принес и небывалое богатство. Причем богатство не было монополизировано частью людей, к нему в основном получили доступ различные массы населения. В этом смысле системе 1940 года можно дать позитивную оценку. Но проблема состоит в том, что и с окончанием этапа высокого экономического роста поворота от системы 1940 года нет. Несмотря на то, что многократно выдвигались требования реформ, система не изменилась, став путями в движении к будущему" (с. 151).

Осознание необходимости глубоких структурных реформ началось еще в 1970-е годы, но тогда же успешное преодоление Японией "нефтяного кризиса" обусловило "конъюнктурный переход от критики мобилизационного типа экономики к восхвалению системы японского типа" (с. 154). С началом 1990-х годов выяснилось вновь и с еще большей очевидностью, что в условиях громадных внутренних и международных перемен японская экономика попала в "тулуповое состояние", а выходу из него по-прежнему мешают, в частности, следующие реликты "системы 1940 года".

Во-первых, господствующее представление о компании как центре всей жизни мешает переливу рабочей силы между предприятиями, тормозит реформу промышленной структуры.

Во-вторых, из-за сохранения преимущественно косвенного финансирования не поступает достаточных инвестиций в новые отрасли.

В-третьих, не идет рационализация в низкопроизводительных сферах - сельском хозяйстве, торговле, услугах. По этой причине выгоды дорогой иены не оборачиваются выгодами для потребителей.

В-четвертых, ввиду сохранения централизованной налоговой системы сдерживаются финансовые поступления в зоны крупных городов, а существующее законодательство об аренде земли и жилищ делает закостеневшим городское землепользование (с. 175).

Не удивительно, что рецензируемый труд заканчивается соображениями его автора о будущем Японии, о необходимых

для ее прогресса реформах. Такие реформы должны быть комплексными. Выступая сторонником “малого правительства в обществе благосостояния”, что рассматривается как “реалистический выбор”, Ю. Ногутти подчеркивает: конкретные рациональные политические решения о реформах должны приниматься на принципиальной основе. Для этого “необходимо противостояние политических идеалов либерализма и социал-демократии”, между которыми идет спор в оценке рыночного механизма и конкуренции (с. 186). В этой связи он отмечает и критикует слабость японской социал-демократии, утверждая даже, что по иронии судьбы в Японии “социал-демократическая политика” проводилась не соответствующей партией, а “бюрократией” (с. 179).

Ознакомление с взглядами японского ученого, занимающего, можно сказать, срединные, умеренные позиции в дискуссиях о том, какие перемены требуются, чтобы Япония оставалась лидирующей экономической державой, полезно не только с точки зрения уяснения перспектив дальнейшего развития нашего мощного дальневосточного соседа. Внимательный читатель рецензируемой книги найдет немало поучительного и для сегодняшней России. В первую очередь это касается японского опыта своеобразного использования элементов “экономики военного времени”, иначе говоря, экономики, направляемой на достижение определенной цели, в период перехода от тоталитарного правления к мирному, демократическому развитию.

© 1999

*А.И.Сенаторов,
кандидат исторических наук*

Е.П.Таскина. Русский Харбин. М.: изд-во МГУ, 1998. 272 с., ил.

Долгое время проблемы русской диаспоры в Китае, ее деятельности в первой половине XX века исследовались достаточно односторонне. Подчас вообще игнорировалось положительное влияние россиян, живших и работавших в Китае и особенно в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) на развитие Северо-Восточного Китая. Забывалось и то, что история российской эмиграции XX века и, в том числе, обосновавшейся на Дальнем Востоке - это часть российской истории. Поэтому весьма актуальной является книга "Русский Харбин", составителем и комментатором материалов которой является кандидат педагогических наук Е.П.Таскина. Книга раскрывает малоизвестные даже для специалистов страницы истории дальневосточного русского зарубежья первой половины XX века.

Книга-антология состоит из шести тематических разделов: страницы истории; организация высшего образования русских в Харбине; литературная жизнь; театральная и музыкальная Харбин; русские художники; спортивная жизнь русского Харбина. В них сосредоточена основная масса фактического материала, который дополнен комментариями составителя (их около 60), сведениями о 27 авторах воспоминаний и исторических очерков и краткими данными о русских харбинских синологгах и краеведах того периода.

Первый раздел антологии состоит из воспоминаний, связанных с историей города. Н.А.Байков, например, описывает свой приезд в Маньчжурию в 1902 году, за год до начала эксплуатации КВЖД. Он пишет: "В те отдаленные времена Харбин представлял собой еще незастроенный, пустынный участок степи, покрытый травой и кочковатыми болотами... Производилась только планировка кварталов и улиц... Окрестности Харбина, как и вся почти долина р.Сунгари вниз по течению представляла собой пустыню, безлюдную и унылую. Кое-где стояли убогие одинокие фанзы среди клочков возделанного поля..."

Таково свидетельство одного из очевидцев, подтверждающее, что постройка

КВЖД вызвала к жизни глухую в те годы окраину Китая.

Интересны ранее не публиковавшиеся материалы Всеволода Никаноровича Иванова, известного советского писателя, жившего в Китае в 20-ые - 40-ые годы. В статье "Харбин - 20-ые годы" он привел такие, например, факты: "Выйдя к морю, океану, Россия принесла с собой благословение этой отдаленной окраине. Я встретил тогда в Харбине, в Маньчжурии, после военного 1920 года бурный подъем общего хозяйства. На маньчжурскую землю за счет русского золота пришла КВЖД и принесла жизнь, работу и рост населения. Китайцы, русские, так же, как и корейцы и японцы, конкурируя друг с другом, молча, по-муравьиному, работали на тучных землях, растили пшеницу, бобы, заводили рис, выхаживали скот, рубили лес, экспортировали масло... Но собственно Китай оставался еще изолированным за Великой стеной"...

Характеризуя положение в Харбине по окончании гражданской войны на Дальнем Востоке, когда Маньчжурию заполнили беженцы, Вс.Н.Иванов пишет: "Свидетельствую, что бороться, сражаться никто никакого желания не обнаруживал, заботы были главным образом о том, чтоб устроиться и куда-то уехать". Такие настроения в те годы по свидетельству Вс.Н.Иванова господствовали "в харбинской сборной с бору по сосенке общестственности".

Интересна статья "сменовеховца" проф. Н.В.Устрялова "Иркутск - Харбин", взятая из издававшейся в Харбине газеты "Новости жизни" за 1927 год, публикация священника о. Н.Падерина "Церковная жизнь Харбина" из книги, изданной в 1967 г. в Бразилии, статья из книги академика Н.К.Рериха о харбинском "Доме милосердия"(1936).

История высшего образования русских в Харбине представлена историческими очерками Н.П.Автономова "Юридический факультет" (из "Известий Юридического факультета в Харбине", том XII, 1938 г.) и Н.П.Калугина "Юбилейная дата Харбинского политехнического института" (из журнала "Политехник" за 1972 г., издающегося в Австралии) и вос-

поминании двух бывших харбинцев А.Н.Князева и Е.С.Медведевой.

Подробно и достаточно объективно представлена литературная жизнь русского Харбина воспоминаниями кандидата филологических наук В.А.Слободчикова о литературном объединении "Чураевка", поэта Валерия Перелешина о чураевской газете, Ларисы Андерсен "На острове" (рукопись прислана из Франции) и ряд воспоминаний о книгах, изданных в Харбине.

Раздел о театральном и музыкальном русском Харбине представлен восьмью воспоминаниями: С.Р.Черняевского "Харбинский театр - начало" (из газеты "Новости жизни" за 1927 год), А.Н.Дворжицкой "Как я стала актрисой" (1991 г.), Г.М.Сидорова "Музыкальный Харбин" (Омск, 1993), В.В.Белоусова "Моя жизнь и музыка" (Новосибирск, 1990 г.), Лауреата Государственной премии России 1998 года О.Л.Лундстрема "О джазе и немного о себе" с описанием поездки в Китай в 1994 году (рукопись, М.: 1995), балерины Н.В.Недзвецкой "О творчестве балетных артистов в Харбине в 30-ых - 40-ых годах" ("Политехник". Сидней, 1979 г.), балерины Н.В.Кожевниковой "Сцена и эстрада Харбина 30-ых гг." ("Политехник". Сидней, 1979 г.). Воспоминания этих и других авторов дополнены письмами, статьями, рецензиями разных лет.

Разделы "Русские художники" и "Спортивная жизнь русского Харбина" не менее интересны для изучения той эпохи. О русских художниках Харбина пишут В.Е.Кузнецова-Кичигина ("Судьба художника"), В.Е.Городилина ("А краски не тускнеют"), Л.А.Ястребова (о художнике П.В.Николине-Теплякове) и другие. О русском спорте и спортсменах Харбина

пишут В.П.Абламский и С.С.Белоголовый и авторы других небольших материалов.

Резюмируя оценку книги, надо подчеркнуть, что публикация такого обширного материала по первоисточникам, написанным очевидцами и участниками событий тех лет "от первого лица", а не с чьих-то слов, позволяет получить реальное представление о жизни русских в полосу отчуждения КВЖД в разные периоды первой половины XX века, о том как они в сложной политической обстановке того "нестандартного" времени смогли сохранить национальную культуру, развили искусство, литературу, не ассимилировались с другими народами. Многие харбинцы принесли результаты своих трудов в родную страну, отдают свои знания и умения России, а живущие в дальних странах не забывают отчизну, свои корни.

Хочется пожелать составителю антологии Е.П.Таскиной продолжить начатую большую работу и готовить следующие сборники, благо что тема далеко не исчерпана "Русским Харбином". Надо бы осветить деловую жизнь русского Харбина и его представителей, таких как лесопромышленники В.Ф.Ковальский, Л.Ш.Скидельский и его сыновья, других коммерсантов, общественных деятелей, продолжить воспоминания очевидцев о русских гимназиях и высших учебных заведениях, о деятельности их профессоров и преподавателей, подготовивших специалистов, которых ценили на предприятиях во многих странах, где им довелось работать. Так что, похоже, нужны и "Русский Харбин - 2", а может быть потребуется и "Русский Харбин - 3". Нельзя упускать время. Опыт харбинцев ценен для россиян сегодня и будет интересен в будущем.

© 1999

Л.Маркизов,

Заслуженный деятель науки и техники Республики Коми, кандидат технических наук. Жил в Китае (Харбин, Шанхай) в 1918-1945 гг.

Справки по вопросам приобретения книги по телефону (095) 229-75-41

**Хань Дэпэй (ред.). Хуаньцзин баохуфа цзяочэн
(Учебник природоохранного законодательства).
Изд. третье. Пекин: Фалюй чубаншэ, 1998. 348 с.**

По вопросам экологии и природоохранного законодательства в Китае в последние годы подготовлено большое количество монографических изданий, сборников и публикаций. Среди них широтой охвата и глубиной постановки проблем выделяется коллективная монография Уханьской школы правоведов-экологов "Учебник природоохранного законодательства" (Хуаньцзин баохуфа цзяочэн. Изд. третье. 1998 г. / Авторами являются ведущие китайские специалисты в этой области Хань Дэпэй, Пэн Шоуюэ, Чэнь Ханьгуан, Ли Цицзя.

Структурно книга состоит из двух частей: первая - теоретический анализ общих проблем охраны окружающей среды в мире в целом и конкретно в Китае. Этому посвящены первые пять глав: "Вводная часть", "Общее изложение проблем природоохранного законодательства", "Основные принципы природоохранного законодательства", "Система природоохранного законодательства", "Стандарты качества окружающей среды и контрольно-измерительные оценки состояния окружающей среды". Авторы прежде всего стремятся преодолеть существовавшую в научной литературе КНР (и не только в этой стране) распыленность в применении понятий "окружающая среда", "экология", "среда обитания", "природная среда". Проводится четкая разграничительная линия между социальной и природной средой, окружающей средой в расширительном понимании, включающей антропогенную сферу, и естественной окружающей средой. Подчеркивается, что под окружающей средой имеется в виду не всякая, а именно природная окружающая среда.

Дается краткая оценка глобального состояния окружающей среды и сравнительного положения Китая. Констатируется рост вклада КНР в глобальное загрязнение, особенно в воздушной и водной сферах, показана относительная ограниченность китайских природных ресурсов (в частности из расчета на душу населения по водным и земельным ресур-

сам - в 4 раза меньше среднемирового уровня, по лесным ресурсам - в 6,7 раза).

Глубоко ставится вопрос о взаимосвязи охраны окружающей среды и природоохранного законодательства. Показано, что даже самые совершенные нормативные акты такого рода будут неэффективны не только при слабости политического курса и механизмов государственного управления, но без постоянной работы по соответствующей социальной организации, просвещению, воспитанию и подъему культуры. Главной целью природоохранного закона называется обеспечение в соответствии с Конституцией КНР эффективной государственной экологической политики страны. Несмотря на расширение прав регионов и местных органов, уровень ответственности государства не снижается, поскольку дополнительные права на местах могут реализовываться лишь в направлении ужесточения экологических норм и требований, но не их ослабления. Подчеркивается необходимость не забывать о такой важной цели природоохранного законодательства, как сохранение здоровья человека.

Проводится схема органов экологического управления и контроля по 15 уровням и направлениям - в морских портах, рыбохозяйственных организациях, на транспорте, при землеустроительных инстанциях, в лесном хозяйстве, в органах общественной безопасности и в армии. Число основополагающих принципов формирования природоохранного законодательства сокращено до пяти, главным является принцип согласования с экономическим и социальным развитием. По сравнению с предыдущими изданиями значительно расширен раздел по стандартам качества окружающей среды и нормам предельно допустимых концентраций вредных и загрязняющих веществ. По состоянию на 1995 г. в Китае действовало 364 стандарта и норм ПДК, из них общегосударственных - 346, норм текущего производственного характера - 18. Значимость этих правовых документов общегосударственного характера поднята

до уровня закона, текущего производственного характера - до уровня законодательных положений.

В 6-ой и последующих главах рассматриваются отдельные секторы природоохранного законодательства, прежде всего правовые акты, направленные на сохранение земельных, водных и ископаемых ресурсов. Подчеркивается специфика этого направления, выражающаяся в том, что охрана земли и вод невозможна без параллельной аналогичной работы по сопутствующим направлениям - рационализации разработок запасов минерального сырья, преодоления процессов обезлесения и деградации степных территорий, освоения новейших технологий сохранения влаги в почве и т.п. Ставится вопрос о создании общекитайской контрольно-измерительной сети сохранения водных ресурсов.

Среди законов этого направления выделяется Водный кодекс 1988 г., в котором удалось собрать и скорректировать почти все существенные положения как ранее принятых законов о водных ресурсах, так и сопредельных с ними, в частности Закона о рыболовстве, а также разработать и внести совершенно новые статьи, направленные на совершенствование методов использования подземных вод, борьбы с паводками и наводнениями и др. Совершенно новым и оригинальным положением Водного кодекса является принцип разделения нарушителей требований документа на несколько категорий в зависимости от их гражданского положения и мотивов совершенных нарушений.

Глава седьмая посвящена самой болезненной экологической проблеме КНР - сохранению лесных ресурсов. Китай можно характеризовать как пример того, каким образом рукой человека можно уничтожить богатейшие по биоразнообразию и продуктивности лесные массивы. В результате основная часть территории традиционного расселения китайской нации лишилась важнейшего природного ресурса, и был запущен механизм прогрессирующего разрушения земельных и водных ресурсов, роста масштабов наводнений. В 1932 г. гоминьдановское правительство обнародовало первый в истории Китая вариант Лесного кодекса. В период с 1952 г. по 1989 г. в КНР было принято 13 законодательных документов, посвященных охране леса - это заметно больше, чем по любому другому направлению охраны природных ресурсов. Первым со-

временным экологическим законом КНР был Лесной кодекс 1979 г., принятие которого более чем на полгода опередило Закон КНР об охране окружающей среды от 13 сентября 1979 г., хотя считается, что именно с последнего началось формирование модернизированной системы природоохранного законодательства КНР. Уже в 1984 г. Лесной кодекс был коренным образом пересмотрен.¹ Авторы показывают универсальность лесоохранного законодательства КНР, в сферу действия которого попадают не только собственно лесные массивы, но и естественная сопутствующая флора и фауна, водные и земельные ресурсы, болота, ценные ландшафты и т.п. Особое значение приобретает законодательный аспект борьбы с лесными пожарами.

Большой интерес вызывает раздел, посвященный анализу законодательства об охраняемых природных зонах, культурно-исторических ландшафтах и национальных парках, то есть так называемому заповедному законодательству. Это направление ранее было наименее разработанным. После "культурной революции" нормально функционирующих заповедных территорий в Китае практически не осталось. В 1973 г. началось воссоздание вышеупомянутых трех типов заповедных территорий. В 1978 г. по всему Китаю насчитывалось 34 природных заповедника, в 1995 г. - 799,² культурно-исторических мест - 512 (1994), национальных парков - 710. Их стабильное функционирование обеспечено рядом законодательных актов, прежде всего Положением об охраняемых природных зонах 1994 г.

Глава десятая посвящена предотвращению воздушного и водного загрязнения. По мнению авторов, достаточно спорному, эти два вида загрязнения составляют основу поллютарного аспекта экологической проблемы КНР, хотя, бесспорно, правовая база предотвращения воздушного и водного загрязнений является наиболее разработанной. Первое постановление по предотвращению аэрозольных промышленных выбросов было принято 25 мая 1956 г., в опытный закон об охране окружающей среды 1979 г. предотвращение загрязнения вод было выделено как важнейшее направление. Важнейшими документами в этой области являются: Закон КНР о предотвращении загрязнения атмосферы 1987 г. с дополнениями от 29 августа 1995 г. и Закон о

предотвращении загрязнения вод 1984 г. с дополнениями от 15 мая 1996 г. Авторы особенно выделяют два существенных положения первого и второго документа - это требование предусмотреть все меры и технологию по недопущению воздушного и водного загрязнения уже на стадии проектирования и прямую ответственность предприятий за возникшее по их вине загрязнение, хотя бы оно и обнаружилось на значительном удалении от места нахождения предприятия.

Большой интерес вызывает раздел о законодательных аспектах государственной политики недопущения загрязнения окружающей среды твердыми отходами. Разработка этого направления является самым большим достижением эколого-правовой науки в КНР. Образовавшиеся в Китае твердые отходы в суммарном объеме около 7 млрд. т поглотили территорию в 80 тыс. га и нанесли ущерб в десятки миллиардов юаней. В октябре 1996 г. был принят новаторский Закон о предотвращении загрязнения окружающей среды твердыми отходами, значительно расширивший сферу и уровень ответственности за нанесение этого вида экологического вреда. Четко структурированы виды твердых отходов: промышленные, строительные, бытовые. Впервые выделена особая группа твердых отходов - опасные отходы, по которым действуют особые статьи документа. Все надуманные огра-

ничения по контролю за твердыми отходами отменяются, право информации и жалоб по этой проблеме получает любая организация и любой гражданин КНР. Серьезные нарушения в этой области ведут к уголовной ответственности, предусматривающей тюремное заключение на срок от 3 до 7 лет.

Систематизированная и новая информация по существенным направлениям формирования природоохранного законодательства КНР содержится в таких разделах, как Законодательство об охране городской и сельской окружающей среды, Законодательство о предотвращении загрязнения морей и океанов и Законодательство о предотвращении шумового загрязнения окружающей среды, Законодательство о предотвращении радиоактивного загрязнения и загрязнения сельскохозяйственными химикатами, главы о международном экологическом праве и правовой ответственности.

В заключение необходимо ответить, что налаживание сотрудничества между Россией и Китаем в экологической области становится настоящей необходимостью. Кооперация такого рода не может развиваться без опоры на правовой фундамент. Рецензируемая книга может быть исключительно ценным подспорьем в сложнейшем процессе правового освоения российско-китайского сотрудничества в деле охраны окружающей среды.

© 1999

Е.Бирюлин, кандидат экономических наук

1. 29 апреля 1998 г. Постоянный комитет ВСНП принял 3-ю редакцию Лесного кодекса КНР.
2. В 1997 г. - уже 926 заповедников.

Усов В.Н. КНР: от "Большого скачка" к "культурной революции" (1960-1966 гг.) // Информационный бюллетень ИДВ РАН. М., 1998. №№ 4-5.

Книга В.Н. Усова представляет собой обширное историческое полотно (автор сухо называет его "комплексным" исследованием), то есть то, что является и называется Историей.

Перед нами проходит галерея партийных и государственных деятелей КНР всех рангов - от высших руководителей - Председателей партии и республики - до бригадиров производственных бригад народных коммун.

Весьма полным и интересным является разворачивание автором, если так можно выразиться, панорамы событий вширь и в-глубь; показ методов работы - так называемые изучения и обследования с участием всех без исключения вождей на всех уровнях. Именно материалы отчетов об обследованиях, выступления и доклады на пленумах и совещаниях, следовавших одно за другим, послужили фактологической основой монографии.

Глубоко достоверно и очень интересно показана главная линия противостояния между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци. Фигура Мао Цзэдуна, непревзойденного организатора, человека являющего собой олицетворение всепроникающей воли и властности, погруженного в умозрительные схемы идеального общества, которые он призван воплотить здесь и сейчас; человека, в котором причудливо переплелись коммунистические, мессианские и крестьянские уравнилельские представления, и Лю Шаоци, не в меньшей мере марксист, чем Мао, но который, в отличие от последнего, способен открытыми глазами видеть всю глубину катастрофы, разразившейся по следам тотальной коммунизации и "большого скачка". Именно на него Мао возложил эту неимоверно тяжелую задачу, на пути решения которой множество скрытых и смертельно опасных препятствий.

Возложив эту задачу на Лю Шаоци, Мао и банкротство своей авантюристической политики также возложил на него. Трагизм положения последнего поистине оказался ужасным, потому что он не мог не понимать, чем все это не просто мо-

жет, но обязательно обернется для него лично. Большая группа руководителей первого ранга - Дэн Сяопин, Бо Ибо, Пэн Чжэнь, Ли Сяньнянь, Ян Шанкунь и Чжу Дэ в целом положительно и с сочувствием следили за событиями и помогали "вытаскивать телегу из грязи", как тогда говорили в Китае. Во всяком случае, открыто не мешали Лю Шаоци распоряжаться партийно-административными кадрами страны, которые он после "добровольной" отставки Мао Цзэдуна с поста Председателя КНР (но не партии и не Военного Совета!) возглавил.

По мере все более активного выхода из тени самого вождя эти люди все более дистанцировались от Лю Шаоци. Более того, он, очевидно, чтобы не быть в изоляции ввиду этой увеличивавшейся дистанции, был вынужден постоянно подчеркивать свою лояльность и восхищение мудростью шагов, предпринимаемых Мао, по сути дела, против тех мер, которые проводились Лю Шаоци и его сотрудниками для спасения положения.

Автор с подкупающей скрупулезностью шаг за шагом методично разворачивает эту картину перед нами. Он делает это как бы отстраненно, как пушкинский Пимен, бесстрастно пишет летопись. Ибо каждое, подчеркиваю это, каждое его слово документировано. Усов мало где "говорит сам", за него говорят только источники, только документы.

Остановлюсь на одном по-моему важном моменте анализа ситуации в монографии В.Н.Усова. Характеристика (с. 52-53) так называемых 70 пунктов, т.е. "Положения по работе государственных промышленных предприятий" с указанием на необходимость "укрепления трудовой дисциплины" на заводах, "единоначалия", с критикой "слепого командования" (читай - партийного руководства, подменяющего специалистов-техников и инженеров, директоров etc.). Эта характеристика говорит о том, что высшее руководство КПК и КНР стоит перед губительной дилеммой: как, не отступая от фундаментального "партия руководит всем", не

разрушить производство и тем самым не подорвать основ самого существования страны и той же партии. Это есть проявление извечного противоречия между стремлением власти замкнуться на себе, - стать властью для власти, - и функцией власти как организующего начала общества. В Китае в период катастрофы "большого скачка" и затем "культурной революции" и, наконец, "банды четырех" данное противоречие обнажилось особенно наглядно при том, что оно носит глобальный характер. И именно по этой линии проходит социально-политический водораздел между Востоком и Западом. На Западе - государство для человека, на Востоке - человек для государства.

Партия никому не может доверять. В этом отношении особенно обращает на себя внимание параграф 8 главы второй работы (см. сс. 189-193), озаглавленный "Снова курс "ста цветов?" В нем рассматривается партийная линия в области литературы и искусства. Материал, приводимый автором монографии, многозначителен показом стремления китайского руководства охватить решительно все своим руководящим и направляющим воздействием, тотальным контролем. Но это вовсе не является свидетельством стремления к зажиму и контролю ради контроля, а, очевидно, - искренним представлением, что ничто не должно и не может быть "пущено на самотек", поскольку социализм - это всеохватывающая планомерность, а капитализм, наоборот, - стихия.

Скрупулезным разбором обстоятельство этого драматического периода китайской истории Усов ярко показывает его судьбоносное значение для страны и для КПК.

Размышления над докладом Мао от января 1962 г. на Расширенном совещании показывают, что, увидя опасность утраты КПК своих властных позиций в стране и реальность распада страны, руководители партии, - при весьма острых разногласиях, которые были в высшем руководстве, - сумели объединиться ради спасения и партии и ее власти, а также предотвращения распада Китая на "удельные княжества", как это произошло после падения империи в 10-20-е годы XX столетия, о чем крепко помнили в Китае все его активные силы независимо от партийно-политической ориентации (тогда как наши политики наплевали на народы СССР, на судьбы страны и созна-

тельно ее развалили ради утверждения собственной власти в отдельно взятых вотчинах и свободы грабить богатства, созданные народами Союза, а теперь - и России).

Такие невеселые аналогии рождает чтение китайских материалов. И, кроме того, наша правящая "элита" никогда не читала трудов и не интересовалась анализами наших же ученых и политологов (самое политологию и ту "разрешили" лет за десять до падения советского строя), так как они всегда [были] с усами" - что Горбачев, что Гайдар и Черномырдин. Их девиз "озвучил" по молодости Кириенко: "Если ты умный, почему - бедный?" А совесть и т.п. шутики - дело десятое...

И еще один аспект, отчетливо показанный в монографии, хотелось бы вынести в этот обзор. А именно - констатация Лю Шаоци полной подмены партией органов власти и народной самодеятельности на всех уровнях как ошибочной линии (см. с. 92). Этот порок однопартийного социализма так и не был преодолен до сих пор. Он и сегодня в КНР, так сказать, стоит во весь рост. Последовавшее выступление Чэнь Юня, одного из высших руководителей КПК и выдающихся деятелей китайской революции, пожалуй, единственный, кто никогда не прятал своего критического отношения к социально-экономическим экспериментам Мао Цзэдуна (а последний его терпел, хотя постоянно и жаловался, что Чэнь Юнь "всегда на него нападает") указывало на то, что, так сказать, омертвление потенциального творчества масс и их формальных органов власти, о чем говорил Лю, поразило и КПК и ее аппарат - все фактически замкнулось на вожде, на личности одного человека. Это и есть главный порок политического свойства "реального", то есть несвоевременного, социализма - равенства, превращаемого в единообразие, "однообразную красоту", а общество - в казарму.

Конечно, не все удалось автору с одинаковой глубиной и убедительностью показать в своей работе. Особенно, как мне кажется, не достаточно четко показана социально-экономическая составляющая природы "урегулирования", поскольку автор основное внимание сосредоточил на партийно-политической борьбе вокруг курса, проводимого Лю Шаоци.

Характеристика всеохватывающей кампании так называемого социалистического воспитания, развернутой Мао Цзэ-

дуном, и оцениваемой им даже как более значительное преобразование, чем недавняя земельная реформа, о чем справедливо пишет автор, как мне кажется, не достаточно развернута. Между тем, последовавшая через десять лет "культурная революция" ни что иное, как "социалистическое воспитание", проводимое непосредственно насильственными методами. Потому что Мао увидел в результатах "урегулирования" угрозу утраты "социализма", как он понимал его.

Можно поспорить и о том, была ли борьба сторонников Мао и Лю борьбой "двух линий" (как о том говорил сам Мао Цзэдун) или она не носила столь принципиального характера как "борьба линий". На мой взгляд, именно так и было, автор же считает - наоборот. Но это никак не умаляет точных и детальных характеристик, даваемых Виктором Николаевичем событиям, которые развертывались в стране, сосредоточившей все силы на том, чтобы выйти из глубочайшего кризиса, порожденного коммунистическим духом, и о том, что такое зываемым "бол"

Панорама

ких лет развертывается в настоящей работе настолько увлекательно, что, читая о них, забываешь, что перед тобой строгий, солидно документированный труд ученого, а не роман из жизни правителей Китая всех уровней руководства и правления. Это ощущение долго не давало мне покоя, казалось, что я где-то уже читал не об этом, а о другом времени, но что-то очень похожее. Читал описание жизни правящей элиты Китая. Вспомнил! В середине XVIII века Цао Сюэцинь нарисовал обширное тысячестраничное полотно жизни аристократов периода долгой агонии великой феодальной империи, знаменитый роман "Хунлоу мэн", или "Сон в красном тереме", который, как отмечал академик Н.Т.Федоренко, широко отразил жизнь своей эпохи (предисловие к русскому переводу романа). Именно такую "энциклопедию середины XX века" создал В.Н.Усов. Уверен, что его работа послужит полезным пособием всякому, кто задумывается и об особенностях китайского общества, и о том, что такое

Г.Сухарчук,
исторических наук

© 1999

Сдано в набор
Офсетная печать

бумаги 70x100 1/8
л. 14,6 Бум. л. 5,0

Оригинал-макет © 1999 г. Дмитрий Славинский

Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы.

Том III. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927-1931. В двух частях.

Институт Дальнего Востока Российской Академии наук совместно с Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории и Восточно-азиатским семинаром Свободного университета Берлина подготовили очередной том многотомной публикации архивных документов о политике ВКП(б) и Коминтерна в Китае.

В книге впервые публикуется более 400 документов, проливающих свет на роль ВКП(б) и Коминтерна в начальный период борьбы Компартии Китая под лозунгом создания Советов.

В том вошли неизвестные ранее документы И.В.Сталина, Н.И.Бухарина, руководящих работников Исполкома Коминтерна.

Впервые публикуются также неизвестные ранее постановления по вопросам политики в Китае Политбюро ЦК ВКП(б), Исполкома и Президиума Исполкома Коминтерна, Восточного секретариата ИККИ, документы о деятельности Дальневосточного бюро ИККИ, переписка Коминтерна со своими представителями в Китае.

Издание представляет большой интерес для изучающих новейшую историю России и Китая, советско-китайских отношений и историю международного коммунизма.

Объем тома - 100 печ. листов.

Выход книги в свет намечен на март 1999 г.

Заказы на книгу просим присылать по адресу: Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32. Институт Дальнего Востока РАН. Сектор истории.

Тел.: 124-06-02. Факс: (095) 310-70-56.